Полный текст книги “Колин Уилсон: НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ”

Смотрите в других форматах

это, пожалуй, самый противоречивый писатель десятилетия. “НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ” - его последний роман, и в нем он с пугающей прямотой и безжалостной честностью исследует свою самую смелую тему на сегодняшний день - менталитет массового убийцы…

‘Возбуждение от погони и духовного, а также физического поиска сохраняется на высоком уровне”, САНДИ TELEGRAPH.

“Психологическое расследование проводится на высоком уровне”, САНДИ раз.

“НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ” знаменует собой новый этап в творчестве этого исключительно одаренного писателя: это своего рода детектив , сочетающий в себе триллер и роман, который легко читается и демонстрирует свежую трактовку темы и жанра. НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ это увлекательное чтение, в котором нельзя пропустить ни одного абзаца , если мы хотим, чтобы увлекательность была полной”.

ЭТО#’

Канун Рождества, и заботливый молодой человек помогает старику сесть в такси

….

Звучит достаточно невинно. Но для Профессора Цвейга это может означать подтверждение того, что его жизнь была неудачной. Ведь молодой человек когда -то был его самым блестящим

учеником, а теперь Цвейг подозревает, что он стал массовым убийцей.

Есть ли где-нибудь в Лондоне старик, совершенно не подозревающий, что его выбрали в качестве следующей жертвы? …

Цвейг, которому помогает бывший комиссар полиции и добродушный чудак, который верит , что валлийцы - это потерянные племена Израэль отправляется на охоту, которая приводит его в уединенный коттедж в Суффолке, а также в темные закоулки его собственной души

Колин Уилсон

Необходимое сомнение

Книга о пантерах

Необходимое сомнение

Книга о пантерах

Впервые опубликовано в Великобритании издательством Артур Баркер Лимитед 1964 переиздан в 1964 году

Издание “Пантера” опубликовано 19 марта 66 г. Авторское право © Колин Уилсон, 1964

Дэну и Жанетт Данцигер с любовью

Эпиграф

Возможно ли, что ничего важного или действительного мы еще не увидели , не узнали и не сказали? Возможно ли, что у человечества были тысячи лет , чтобы наблюдать, размышлять, записывать, и оно позволило этим тысячелетиям пролететь

незаметно, как школьной перемене, на которой каждый съедает бутерброд с яблоком?

Да, это возможно.

Возможно ли, что, несмотря на наш прогресс и открытия, мы все еще остаемся на поверхности жизни?

Да, это возможно.

Возможно ли, что вся мировая история была неправильно понята?
Да, это возможно.

Возможно ли, что эти люди с абсолютной точностью знают прошлое, которого никогда не существовало? Возможно ли, что все реальности для них - ничто, что их жизнь течет своим чередом, ни с чем не связанная, как часы в пустой комнате?

Да, это возможно…?

Но если все это возможно - если у этого есть хотя бы видимость возможности - тогда, конечно… что-то нужно сделать? Первый встречный… должен начать делать что-то из того, чем пренебрегают… больше под рукой никого нет.

РИЛЬКЕ

(Записные книжки Мальте Лауридса Бригге)

записка

Тема этой книги заимствована из теологии Пауля Тиллиха. Главный герой, Карл Цвейг, как и профессор Тиллих, является “теологом-экзистенциалистом “, работающим в университете. Здесь не подразумевается никакого личного сходства с профессором Тиллихом

.

Я в долгу перед книгой профессора П. Дж . Рейтера “Антиобщественный акт”. ,

Преступление и гипноз - за различные факты, приведенные в связи с вопросом о преступлениях и гипнозе, а также за подробности дела Сала и Гейдельбергского дела, упомянутого на странице 155. Другие названия, упомянутые на странице I54 - это тексты реальных книг на тему преступности и гипноза, но к ним я не обращался.

Выдержка из комментария профессора Карла Цтвайфа к книге Хайдеггера “Я и время”…

В каком смысле можно сказать, что человек обладает безграничной свободой? Он не может летать по воздуху; он не может развеять недовольство, пожав плечами; он даже не может избавиться от некоторых обязательств, повернувшись к ним спиной. В каком смысле,

* В таком случае, обладает ли он большей свободой, чем осознает?

Ошибка здесь заключается в предположении, что эта свобода находится на физическом плане. Это не. Это может быть объяснено только АНА логия. Когда человек болен, каждое усилие отнимает у него энергию; если он хочет что-то сделать и встречает на своем пути препятствия, ему хочется сесть и заплакать. И все же, когда человек здоров, ко всем препятствиям он относится небрежно и легко преодолевает их. Государство жизнь, в которой люди жили тысячи лет , была сродни болезни. Жизнь требует от нас определенных усилий,

: и эти усилия настолько постоянны, они, по-видимому, настолько неизбежны , что мы считаем их неотъемлемой частью самой жизни. Но, поступая так, мы лишь отражаем наше собственное состояние болезни и истощения в нашем видении мира. Человек способен достичь состояния свободы, при котором его нынешнее состояние предстало бы в истинном свете: истощение и недоверие больного человека.

Но что ограничивает нас этим состоянием? Первородный грех? Биология не признает такого состояния. Только привычка удерживает человека в его двухмерном мире болезней и страха; миллионы лет привычки отделяют нас от наших предков-приматов.

‘…Общеизвестно, что наша цивилизация находится в состоянии

интеллектуального банкротства, но в этом есть доля правды. Оно Было бы более понятным сказать, что это похоже на небольшой бизнес, который терпит крах из-за устаревших методов. Возможно, нам потребуется несколько экспертов по повышению эффективности…

‘…Называть жизнь сном бессмысленно; это всего лишь сон. сократите всю жизнь до простой ее части. Самое интересное в жизни то, что мы постоянно, и в основном неосознанно,

n

НЕОБХОДИМЫЕ СОМНЕНИЯ

вовлечены в работу по интерпретации. (Феноменология) Мы читаем “знаки”; мы чувствуем голод в желудке или боль в спине так же, как читаем газету. Сон-это ряд форм и символы должны быть интерпретированы, как повседневной жизни, так что это означает ingless позвонить жизнь-это сон… /

12

Когда такси завернуло за угол у Шепердс-Буш, в окно полетели первые хлопья снега. Не успели они проехать и половины пути до Ноттинг-Хилла, как пошел такой сильный снег, что видимость ограничивалась несколькими ярдами. Водитель сказал:

- Я так и думал. Я ждал этого весь день. Либо это, либо ирайн.’

Профессор Карл Цвейг не ответил - не потому, что ему было не по себе. ему понравилась фамильярность водителя, но только потому, что он не мог придумать , что сказать. Мужчина, казалось, понял, что это молчание не было задумано как оскорбление; он продолжал:

- Я сказал хозяйке сегодня утром, что если у нас будет снежный Это будет первое Рождество с 1948 года.’

Цвейгу удалось выдавить из себя: “Правда?”

“Не то чтобы меня это волновало. Для меня это просто досадная помеха. Но детям это нравится’.

Ноттинг-Хилл-Гейт выглядел странно и голо, половина его зданий была разрушена; это навеяло Цвейгу воспоминания о Гамбург, каким он видел его в 1945 году, и ощущение холода. Он подумал о снеге, падающем в черные воды Ауссена Альстер и запах гниющих тел, доносившийся с озера. Голос таксиста

рассеял это чувство ностальгии и отвращения.

‘Не обижайся, если я спрошу, но не видел ли я тебя как-нибудь на

T.V.P’

Поскольку такси подобрало Цвейга у телестудии “Лайм Гроув”, этот вопрос не был неожиданным. Он ответил::

“Это возможно. Я иногда выступаю в программе под названием “Спросите экспертов”’

“Я так и думал. Я знал, что видел вас”. Я часто смотрю там телепередачи “Старз “. ’На днях здесь был Артур Аски…’

Он продолжал говорить, пока такси ползло по Бейс-уотер-роуд в рождественском потоке машин, но Цвейг его больше не слушал. Мысль о Гамбурге пробудила другие воспоминания, и снегопад, казалось, подстегнул их. Оксфорд-стрит все еще была переполнена припозднившимися покупателями и детьми, которые прятались от снега под навесами и разглядывали витрины магазинов. Цвейг любил детей, и теперь ему напомнили, что Рождество он проведет с ними.

13

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

его сестра и ее дети в Хэмпстеде; его рука потянулась , чтобы коснуться переполненных картонных коробок, которые были втиснуты в другой угол сиденья; в них были игрушки, которые он купил по дороге в студию.

Такси свернуло на Норт-Одли-стрит. Цвейг, который был склонен к абстрактным размышлениям, теперь размышлял: “Взрослые любят Рождество, потому что оно позволяет им забыть о том, что жизнь - это незначительное поражение. И детям это нравится, потому что это создает у них иллюзию того, что жизнь добра и в конце концов вознаграждается”. Он обдумал эту идею, развил ее несколькими смелыми штрихами: он решил превратить ее в

краткое эссе: “Защита Христа вот почему популярность Рождества остается неизменной и даже возрастает, в то время как вера в христианство приходит в упадок… Он опустил стекло, чтобы выбросить окурок сигары, а затем наклонился вперед, вглядываясь. Его такси остановилось у светофора на Керзон-стрит. По другую сторону светофора у отеля остановилось еще одно такси, и швейцар теперь открывал дверцу и помогал пожилому мужчине забраться внутрь. Мужчина помоложе, в вечернем костюме, стоял в ожидании, укрывшись Инг под швейцар зонт и смотрел лениво на подопечные Цвейга такси. Это был молодой человек, который вызвал Внезапный интерес Цвейга. Он высунулся из окна, приготовившись окликнуть, когда его собственное такси поравнялось с другим, испытывая искушение выскочить и помахать на случай, если другое такси отъедет до того, как переключится светофор. Но он побоялся, что водитель может ошибиться. полиция истолковала его действия как попытку уклониться от уплаты, и, пока он колебался, молодой человек сел в другое такси и захлопнул дверцу. Светофор упрямо продолжал гореть красным. Такси, ехавшее впереди, тронулось с места и почти сразу же свернуло на Шепердс-маркет, Цвейг отказался от идеи попросить своего водителя следовать за ним; вместо этого он наклонился вперед и сказал:

“Не могли бы вы, пожалуйста, остановиться у того отеля’.

- Я думал, вы хотите поехать на Кларджес-стрит.

- Да, но сойдет и это. - Такси проехало на красный свет и остановилось. Швейцар подошел, чтобы открыть дверцу. Цвейг вспомнил о пакетах с игрушками и принял решение:

- Подождите меня минутку. Я вернусь через минуту. Он сказал одел швейцара, роясь в кармане в поисках денег.

- Джентльмен, который только что сел в это такси, не могли бы вы мне сказать , он здесь остановился?

- Я в это не верю, сэр.'

- Вы, случайно, не слышали адрес, который он дал Водитель Ifj?' - Он быстро добавил: - Он мой старый друг.

- Извините, сэр, я не знал. Он не назвал адрес, пока не вошел внутрь. Но почему бы вам не поинтересоваться внутри, сэр? Возможно, они смогут вам помочь. Спасибо, сэр.'

Цвейг прошел через вращающиеся двери в теплый воздух, и я (запах горящего воска; он доносился из огромного Если бы рождественская елка, увешанная зажженными свечами, стояла в Угол. К нему подошел улыбающийся молодой человек.

- Чем мы можем вам помочь, сэр?

Цвейг снова объяснил свою проблему. Молодой человек - проблема способный помощник менеджера - выглядел сомнительно.

- Боюсь, они здесь не останутся. Они только что зашли перекусить. По-моему, я их раньше не видел. Если вы подождете здесь минутку, я справлюсь о вас. - Он исчез в столовой. Цвейг уже начал сожалеть о своем порыве , заставившем его остановить такси; в конце концов, он видел молодого человека сквозь завесу падающего снега; он легко мог ошибиться. Мгновение спустя помощник управляющего Бек я подошел к нему вплотную; он стоял у входа в столовую. в комнате, разговаривает со старшим официантом. Этот человек был очень высок и походил на испанца, но когда он говорил, в его речи слышался акцент кокни.

- Извините, сэр, но я ничем не могу вам помочь. Два джентльмена, о которых вы говорите , пришли к нам на ужин.

Не зная, что сказать, Цвейг спросил::

- У вас обычно бывают клиенты, которые не являются постоянными жителями?

“О да, сэр'. Улыбка была заискивающей, голос ровным , потому что он годами благодарил клиентов за чаевые. “Наш ресторан знаменит, если можно так выразиться, сэр”.

“Конечно”, - поспешно ответил Цвейг.

- Все, что я могу вам сказать, сэр, это то, что пожилой джентльмен был шотландцем, а молодой человек - иностранцем. Пожилой джентльмен назвал его Густавом'

- Великолепно! - взволнованно воскликнул Цвейг. ' Это мой друг Густав Нейман. Я не видел его больше тридцати лет.' Его возбуждают это вызвало у него желание сказать что-нибудь приятное, поэтому он добавил: - Я должен поздравить вас с остротой вашей наблюдательности. Из вас получился бы хороший детектив.

- Все заняты дневной работой, сэр. Официант выглядел довольным.

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ.

- Как жаль, что он не остановился здесь… Ну что ж. - Цвейг повернулся к помощнику управляющего. - Я должен извиниться за то, что побеспокоил вас таким образом.

‘ Вовсе нет, профессор. Очень приятно.

‘Вы меня знаете?”

‘Полчаса назад видел вас по телевизору”.

Это заставило Цвейга почувствовать себя лучше, не таким навязчивым. Он погладил по голове ребенка, который не сводил глаз с рождественской елки, еще раз поблагодарил официанта и менеджера и вышел. Швейцар открыл дверцу его такси.

- Нашли, что хотели, шеф? - спросил водитель.

- К сожалению, нет, - ответил Цвейг.

В его гостиной было холодно; он велел сторожу не утруждать себя разведением огня, так как собирался провести вечер дома. общался в своем клубе. Он уже забыл неприятное ощущение , возникающее ранним вечером, когда входишь в холодную комнату.

Цвейг гордился своими комнатами. Он владел ими с 1933 года, хотя с тех пор двенадцать лет сдавал их в аренду своему коллеге. Они были старомодными, с камином места в каждой комнате, темно-зеленые обои, которые он отказался менять, и тяжелые коричневые ковры, очень потертые, но все еще очень роскошные. Он любил говорить, что именно в таких комнатах жили Шерлок Холмс и доктор Ватсон . Они были немного дороже, чем он мог себе позволить - новый домовладелец продолжал повышать арендную плату, - но одна только мысль о том, чтобы отказаться от них, вызывала чувство холодной депрессии ощущение надвигающейся смерти.

Цвейг включил электрокамин в одиночном баре - новшество ,

которое ему не нравилось, и которым он пользовался как можно реже, - и налил себе сухого хереса. Он прошел в свой кабинет, открыл бот выдвинул ящик бюро и достал потертую кожаную фотографию графический альбом. Затем он вернулся в другую комнату, устроился в кресле и надел очки для чтения . Просматривая альбом, он потягивал шерри, а огонь в камине согревал его голени. Его снова охватила ностальгия, и он напомнил себе принять две таблетки аспирина перед сном, поскольку такое состояние обычно предвещало простуду. На страницах альбома были надписи: “Гамбург”.,

16

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

1921 год, Церматт, Рождество, 1926 год, Лос-Анджелес, 1928 год (это было сделано для научной конференции). Там были фотографии медового месяца, датированные 1927 годом, и далее в книге он рассказывает эйли пробежал глазами страницу с фотографией ее могилы в Гейдельберге. Затем последовали фотографии, которые он искал: “Альфонс и Густав в костюмах для ”Страны улыбок””, “Альберт и Густав в Бонне”. “Густав в роли герра Шиндлера в ”Пскове””. ‘Псков’ был написан Густавом Нейманом лично. Он был в неоплатном долгу перед Артуром Шницлером.

Цвейг допил свой херес и сменил шлепанцы на ботинки. Это были очень маленькие туфли из лакированной кожи; ноги Цвейга были одним из немногих предметов его тщеславия; ему нравилось, когда люди замечали их миниатюрность, когда их привлекала элегантность его обуви. Поверх них он натянул резиновые галоши. Он выключил камин. Наконец, он аккуратно вынул из альбома три фотографии , нашел чистый конверт для них и сунул в бумажник.

Снегопад прекратился; он шел осторожно, боясь поскользнуться, и тыкал в асфальт закрытым зонтом. На Пик -Кадилли снег был хорошо утоптан, так что он мог передвигаться с меньшей осторожностью. Он перешел дорогу на светофоре у отеля “Ритц ” и свернул на Сент-Джеймс-стрит. Фигура, сворачивавшая за угол на Пэлл-Мэлл, показалась ему знакомой, и он поспешил ринулся

за ним. Свет уличного фонаря подтвердил опознание тион. Он крикнул: “Привет, Грей”, и мужчина остановился и обернулся, ожидая. Цвейг сказал::

“Добрый вечер, Чарльз. Ты идешь в клуб?”

‘Да. Ты?” Грей был по меньшей мере на фут выше Цвейга. Его улыбка, когда он посмотрел на Цвейга, свидетельствовала о подлинном дружелюбии и удовольствии от этой встречи. Они пошли дальше вместе. Цвейг спросил::

“Ты будешь ужинать в клубе?”

“Нет”. Я пойду домой. Моя жена ждала к ужину двух священников, но они позвонили и сказали, что не смогут прийти. Так Я составлю ей компанию. Почему бы тебе не присоединиться к нам?

Они зашли в клуб и отдали свои пальто швейцару. Цвейг сказал:

- Если вы уверены, что это не доставит вам хлопот, я буду рад.

- Я уверен, что моя жена будет в восторге. Она хочет, чтобы ты автоматически нарисуйте график в одной из ваших книг.’

- Который это из них? - спросил я.

17

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

- По-моему, это называется “Неизбежное сомнение”.

В баре было полно народу. У двери известный исследователь Африки, который явно был сильно пьян, громко спорил с актером, посвященным в рыцари меньше года назад. Разноцветные рождественские украшения из серебристой бумаги придавали комнате атмосферу карнавала. Исследователь увидел Грея и подмигнул ему, сказав::

‘Привет, старина. За последнее время не попадались какие-нибудь

мошенники.

Он громко рассмеялся, издав странный булькающий звук, который один клубный остряк однажды сравнил с тем, как стонет собака. Грей тонко улыбнулся и сказал: “Ты хорошо выглядишь, Роберт. В углу зала был свободный столик, но Цвейг знал, что Грей не стал бы там сидеть, потому что это было под под карикатурой, на которой они вдвоем выпивали в баре. Этот набросок, один из нескольких, выполненных известным карикатуристом, не содержал элементов юмористического преувеличения; на нем просто были изображены Цвейг и Грей, стоящие бок о бок в типичных позах: Цвейг, невысокий, коренастый, с копной седых волос, зачесанных назад без пробора, его голова едва доставала до стойки бара, говорил серьезно и напористо; Седой, очень высокий, плечи слегка сутулые, тонкая, элегантная рука держит бокал с бренди, слушает с доброжелательным выражением лица сбивать с толку наставник. Двое друзей были польщены тем, что их связали таким образом, но Грей, очевидно, чувствовал, что сидеть где-нибудь рядом с портретом было бы равносильно поиску рекламы. Цвейг предвосхитил его реакцию, сказав::

‘Давайте пойдем и посидим в гостиной’.

- Хорошая идея. Здесь слишком людно.

Цвейг, развалившись в потертом кожаном кресле, потягивал сухой шерри.; Грей пил ирландское виски.

‘Моя жена давно хотела с вами поговорить. Она утверждает, что ваши книги обратили ее в католичество’.

- Мне было бы жаль это слышать, - сказал Цвейг.

- Это правда. Она говорит, что не может понять, почему вы не член Королевской семьи.

- Я попытаюсь объяснить ей, - серьезно сказал Цвейг, хотя ему и не нравилась такая перспектива.

Грей, смеясь, сказал: - Я постараюсь отвлечь ее от этой темы сегодня вечером. Хотя обещать не могу.

Цвейг открыл бумажник и достал белый конверт.

- Кстати, у меня есть довольно интересная история, которую я

хотел бы рассказать.

18

фм

НЕОБХОДИМЫЕ СОМНЕНИЯ.

должен вам сказать. Это относится к вашей профессиональной сфере.

‘Солдат или полицейский?’

“О, полиция. Я никогда не думал о вас как о солдате’.

“Я прослужил в армии гораздо дольше, чем в Шотландии”. земельный участок, знаете ли.

Цвейг улыбнулся и отхлебнул из своего бокала. Говорить о себе как о солдате было одним из тщеславных увлечений Грея. Его военная карьера была выдающейся, но непримечательной; она, конечно, не принесла и десятой доли той дурной славы, которую принесли ему годы работы помощником командира. миссионер, возглавлявший ЦРУ, Грей делал вид, что презирает эту дурную славу, которая была отчасти связана с его бестселлером “Мои годы в Скотленд-ярде”, а отчасти с заслуженными новостями газетная реклама о его успехах в борьбе с послевоенной преступностью.

Грей сделал вид, что не заметил улыбки. Он спросил:

“Что это вообще за история?”

‘Это началось давным-давно…”

“Это длинная история?’

‘Возможно”.

‘В таком случае, расскажи ее, когда мы вернемся домой. Это удержит Эдну от посещения католической церкви. Давайте

выпьем еще по стаканчику, а потом пойдем.

Цвейг убрал конверт в карман. Грей щелкнул пальцами, подзывая официанта.

Леди Грей улыбнулась, увидев, как ее муж помогает Цвейгу снять пальто; как и карикатурист, она сочла возникшее между ними противоречие забавным.

Цвейг слегка поклонился и взял ее за руку:

“Надеюсь, я не помешал…”

‘Вовсе нет. Я рад, что Чарльз вернул тебя обратно. Нам предстоит пережить огромную утку. Все еще идет снег инг?’

- Это только что началось снова.

- Жаль, что отец Лоуренс не приедет. Я так хотела , чтобы ты с ним познакомилась. Мы оба читали ваши книги.

Грей быстро перебил ее: “Вкусно пахнет стряпня”. Мы оба ужасно проголодались.

“Ладно, иди и садись”. Я пойду скажу Дорис, что есть третье блюдо’.

*9

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

Квартира Грея нравилась Цвейгу даже больше, чем его собственная. Столовая комната всегда наводила его на мысль об осеннем озере. Возможно, это произошло из-за коричневой полированной поверхности стола, на которой, словно желтые листья, лежали отблески пламени свечей.

“Еще хереса?’

“Может быть, только один”, - предложил Цвейг. Он почувствовал некую внутреннюю теплоту, раскованность. Это напомнило ему о коллеге в Гейдельберге, который, выпив бутылку “Нирштейнера”, обычно говорил: “У меня подводит память”… На мгновение Цвейгу пришла в голову идея объяснить свое эссе о духе Поздравил Эдну Грей с Рождеством, а потом передумал, потому что это могло бы вернуть их к католицизму. Он сел за стол и, глядя на пламя свечи сквозь бокал с хересом, сказал Инг:

- Три порции шерри, и время останавливается. Четыре, и я бы заснул. Я хочу, чтобы ты был в хорошей форме сегодня вечером. ты такой хороший!

- Сказал Грей, улыбаясь. - Ты в хорошей форме сегодня вечером. Я всегда знаю, что ты радуешься, когда начинаешь цитировать немецкую поэзию. Что это вообще значит?

“Сделка Фауста с Мефистофелем”: Если бы я сказал мимолетному мгновению: “Задержись ненадолго, ты так прекрасен”… Да, это правда, я чувствую себя счастливым. Но я не уверен, что чувствую себя счастливым. Все наше представление о счастье нуждается в пересмотре. Человек может быть счастлив, испытывая боль, при условии, что боль укрепляет его жизненные силы…’

Цвейг снова подумал о тающем льду Альстера и запахе разлагающейся плоти и с наслаждением ощутил смесь ароматов огня. вульгарность и ностальгия; казалось, это был символ Германии. многих он любил: Германию жестокости и упадка, Германию Германия, которая извивалась, как змея, под музыку, в которой говорилось о самоубийстве и смерти.

Вошла Эдна Грей. Она сказала: “Хорошо, у тебя есть выпивка. Это ненадолго”. Она расстелила скатерть и сказала мужу: “Я сказала Дорис, что она может идти домой, так что тебе придется заняться нарезкой”.

Цвейг почувствовал, что проголодался. Он положил себе большую тарелку анчоусов и фаршированных оливок и с готовностью кивнул, когда Грей предложил запить это водкой. Интерес Цвейга к еде был скачкообразным и редким; когда он проявлял его, он понимал, что это признак расслабления, принятия пищи.

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

физический мир, который он обычно рассматривал как утомительную преграду для чистых мыслей. Леди Грей знала его достаточно хорошо, чтобы понимать это; она улыбнулась, увидев, как он набивает рот анчоусами и черным хлебом. Она сказала:

- Я позвонил отцу Лоуренсу, и он сказал, что постарается перезвонить позже. Я думаю, он хочет спросить вас, не согласитесь ли вы внести свой вклад в антологию, которую он редактирует.

Цвейг проглотил водку и почувствовал, как жар поднимается от горла ко лбу.

‘Как это возможно? Он католик, а я лютеранин”.

Грей видел, что его надежда избежать теологии исчезает, но вмешиваться было слишком поздно. Он уважал религиозные убеждения своей жены, как уважал бы ее членство в кружке кройки и шитья или в союзе матерей; тем не менее, это казалось ему скучной несущественностью.

- Вот тут вы совершенно не правы. Эдна Грей наполнила свой стакан минеральной водой Perrier. ‘В Церкви происходят удивительные вещи . Появился новый дух терпимости. В эту антологию войдут такие люди, как Бультман, Тиллих и … тот Американец, как его там… Нибур.’

Грей точил разделочный нож и размышлял , с чего начать разделывать утку. Он проворчал::

“Не понимаю, как ты запоминаешь все эти названия…”

“Потому что они меня интересуют, мой дорогой”, - резко ответила его жена.

‘Карл, ты не мог бы открыть бутылку кьянти? Смотри, она там, в камине…” Во время ужина разговор о теологии был прекращен. Вошла горничная, чтобы попрощаться на весь вечер, затем подошел повар, чтобы узнать их мнение об утке. Цвейг искренне признался: “Это одно из самых вкусных блюд, которые я когда-либо пробовал в своей жизни’. Грей сказал: “Это была моя идея - использовать мандарины вместо апельсинов”, - и следующие десять минут разговор шел о еде и рождественских приготовлениях. Леди Грей спросила Цвейга, нет ли у австрийских крестьян каких-нибудь особых рождественских рецептов, и рассмеялась , когда он признался, что не знает. (Отец

Цвейга был мелким фермером в тирольской деревне, и первые двадцать лет своей жизни Цвейг провел в Австрии.) Во время паузы в разговоре Грей сказал:

- У Карла есть история, которую он хочет нам потом рассказать.

- Если вам не слишком скучно, - сказал Цвейг. Еда была превосходной его клонило в сон, и он предпочел бы слушать дальше.

НЕОБХОДИМЫ СОМНЕНИЯ

а не разговоры. . ‘

- Конечно, - сказала леди Грей, - я принесу кофе. Будет

вы предпочитаете черный?

- Я хочу, чтобы вы попробовали бренди, которое я открыл, - сказал Грей. Это Вино португальское, и мой виноторговец уверяет меня, что оно было разлито по бутылкам

до 1900 года.

Они перешли в соседнюю комнату, где горело полено, и в этот момент Цвейг пожалел, что остался наедине с хозяином и хозяйкой дома. Ему хотелось вытянуть ноги и закрыть глаза, делая вид, что он прислушивается к разговору. В этом и заключался недостаток этих внезапных вспышек интереса к еде; его желудок был застигнут врасплох и жаловался на переутомление. В такие моменты он представлял себя удавом, пытающимся переварить целого поросенка. В голове у него стучало, и он чувствовал легкую глухоту.

Грей заметил его сонливость. Он сказал:

“Вот, попробуй это. Это улучшит твое пищеварение.

Они оба закурили сигары, а затем сели в кресла напротив, закрыв глаза и вытянув ноги к огню. Серый был изношен на ней был шерстяной смокинг и пара новых вышитых тапочек, очевидно, рождественский подарок. Ни один из них не произнес ни слова. Единственными звуками в комнате было шипение поленьев,

которые Грей только что подбросил в огонь, и отдаленный шум уличного движения. Цвейг подумал, что именно за это он и любил Грея: его тишина была умиротворяющей, лишенной напряжения и вопросов.

Вошла Эдна Грей, толкая перед собой тележку с кофе.

‘ Оба спите? Ее голос звучал непринужденно и приятно, но они оба почувствовали в нем легкое презрение, неодобрение аскета к гурману, и виновато открыли глаза. После своего обращения девять месяцев назад Эдна Грей выпила немного, но разбавленной воды, и время от времени выражала раздражение. общение с людьми, которых она называла “сердечными католиками из бригады Честербеллок”. Ее духовник был худощавым мужчиной с лицом, похожим на сморщенный пергамент, и животом, напоминавшим отказался от всей жирной пищи. Хотя он был иезуитом, он поощрял ее чтение Паскаля, и экземпляр “Провинциальных писем”, лежавший у ее кровати, был исписан от начала до конца. Грей ничего не знал о Паскале - у него было смутное представление о том, что он был ученым , который открыл способ стерилизации молока, - но он осознавал его влияние, как будто это был холодный ветер, дувший от ее прикроватного столика, и его охватило осторожное, но сильное возмущение.

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ Теперь он сказал это с едва заметной иронией: #

)■ ’Нет, моя дорогая. Мы с Цвейгом проводим небольшой эксперимент в области

телепатии”.

!” - Я не знаю почему. Есть более простые способы совместного принятия пищи. Она налила кофе, а Грей - бренди

себе и Цвейгу. Цвейг попробовал и одобрительно кивнул. Кратковременная сонливость прошла, и он снова пришел в себя. “очнувшись от тепла комнаты, великолепного аромата своей сигары и спелости бренди, он по-прежнему жалел, что в комнате

не было больше людей, но теперь это было потому, что он чувствовал, что может отдать должное своей истории, и хотел вдохновить большую аудиторию.

Леди Грей придвинула диван поближе к огню - он легко передвигался на бесшумных колесиках - и взялась за вязание. Это был шарф для отца Лоуренса, над которым она терпеливо работала в течение нескольких месяцев. Оно было сшито из тонкой серо-голубой шерсти, и за неделю работы, казалось, оно почти не удлинилось.

“Теперь, - сказал Грей, ‘ мы все готовы выслушать вашу историю’.

“Я не уверен, что это можно назвать историей. Это своего рода проблема, детективная проблема….

Он заметил выражение разочарования на лице Эдны Грей и быстро добавил::

Но в этом есть и свой… религиозный аспект, так сказать. Я расскажу вам. Когда я сегодня, всего два часа назад, возвращался домой, мое такси остановилось у отеля “Чешем” на Керзон-стрит…’

Он рассказал им о том, как увидел Ноймана сквозь снег, о том, как наводил справки в отеле, и о том, как официант подслушал, как старик звал своего спутника

‘Густав’. - И тогда, видите ли, я был уверен. Это был Густав Нейман, сын моего старого друга Алоиза Неймана. Вы, случайно, не слышали об Алоизе Неймане?’

Леди Грей покачала головой. Грей сказал: “Звучит знакомо, но я не могу понять почему. Он был ученым?”

“Нейрохирург - один из величайших нейрохирургов в мире”. Европа. Его книга по неврологии галлюцинаций до сих пор является главной классической книгой на эту тему. Мы вместе сражались в первой мировой войне, а после войны жили в нескольких сотнях километров друг от друга. в пяти ярдах друг от друга в Гейдельберге. Так я познакомился с его сыном Густавом, Джей с семилетнего возраста.

Этот Густав был любопытным мальчиком. Когда я впервые увидел

его , он выглядел как девочка. Длинные темные волосы, очень большие глаза, полный

рот. Он был умным мальчиком, отличным музыкантом. Также хорошо владел языками. Но он был тихим. Было очень трудно заставить его говорить. У меня возникло ощущение, что в силе его привязанности к матери было что-то нездоровое. Так вот, когда ему было десять лет, в 1921 году, она умерла от болезни крови. Алоис беспокоился о мальчике, он несколько дней не мог говорить. И они отправились путешествовать - Греция, Египет, Япония. А когда они вернулись, мне показалось, что Густав изменился: какой-то что-то затвердело у него внутри. Его лицо изменилось. Казалось, он задумался - как будто раздумывал, как бы отомстить.'

Леди Грей сказала: 'Я могу понять. Бедный мальчик—

Я не знаю, насколько сильно он изменился и что с ним произошло во время этого кругосветного путешествия. Его отец тоже не знал . Они были близки… и все же между ними было какое-то напряжение. Они не говорили о чувствах. Но когда Густаву было тринадцать, и я получил довольно пугающее представление о его характере. Это было в 1924 году5, и, как вы знаете, в Германии было сильное антисемитское движение. Густав ходил в частную школу - довольно дорогую. Должен отметить, что Густав не был похож на еврея. Черты его лица были мелкими и резкими, а губы - довольно тонкими. Но, конечно, о нем было известно, что он еврей — его отец был известным человеком. И в школе была группа мальчиков, которые занимались травлей евреев . Их возглавлял мальчик по имени Эрнст Юнгер. Я часто виделся с этим мальчиком - позже он стал моим учеником - и он мне не понравился. Это был молодой светловолосый головорез с кожей девушки и явными садистскими наклонностями. И он получал огромное удовольствие от тор размышляя о Густаве. Так вот, однажды с этим Юнгером произошел несчастный случай. Это был довольно любопытный несчастный случай. Они вернулись с пробежки по пересеченной местности, и Юнгер бросился в душ и включил его. Из душа потекла холодная вода, и он попытался отрегулировать ее. Затем вода превратилась в струю пара и кипятка. Он закричал и попытался вырваться, но дверь была заклинена. Его выпустил Густав Нойманн. Ожоги были сильными,

и в течение нескольких дней были сомнения, выживет ли Юнгер ; затем он начал медленно приходить в себя. Он пролежал в больнице шесть месяцев.

Теперь вся эта авария озадачила всех. Человек, отвечавший за котельную, был уволен, но он заявил, что не может понять, как это произошло.

24

ˆ НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

И однажды, несколько месяцев спустя, я сидел с Алоизом Ной- | Манном и говорил о Гитлере и антисемитизме в целом. Густав слушал, но, по-видимому, не обращал на это особого внимания. Его отца позвали к телефону. Внезапно Густав)} поднял на меня глаза и сказал: “Беда евреев в том, что они не пытаются защищаться. Они забирают все, что угодно, лежа на полу”. Он начал нападать на еврейскую религию — его отец был ортодоксальным евреем - и сказал, что она поощряет слабость и мазохизм. Затем он сказал: “Что нужно евреям, так это больше ненависти - здоровой способности к негодованию и мести. Если бы у нас это было, люди боялись бы нас обидеть”. Я был слегка раздражен его тоном и насмешливо спросил: “У тебя это есть?” Он некоторое время молча смотрел на меня, затем сказал: “Ты же не думаешь, что история с кипящим душем была случайностью, не так ли?” В этот момент он услышал , как возвращается его отец. Он скорчил мне гримасу и сказал: “Не упоминай об этом при отце”. И по какой-то причине я этого не сделала, хотя сидела как окаменевшая. Думаю, я боялась причинить боль его отцу … В результате Густав стал относиться ко мне более дружелюбно. Казалось, он чувствовал - хотя и ошибочно, - что я на его стороне. Позже он рассказал мне о душевой компании - гораздо позже. Он знал, что Юнгер всегда заходил в душ одним из первых - очевидно, он простаивал там около получаса, отказываясь уступать место кому-либо еще. Он изучил механизм и выяснил, как меняется температура воды - с помощью своеобразного рычага, который смешивает горячую и холодную воду. И пока остальные бегали по пересеченной местности, он спрятался в раздевалке и…“Затем разобрал эту штуку на части отверткой. Он также узнал, как сделать так, чтобы замок на двери не

открывался. Когда остальные вернулись, он завел разговор с другим мальчиком, который обычно заходил в душ одним из первых, и убедился, что Юнгер пришел туда первым. Я спросил его, что бы он сделал, если бы другой мальчик зашел в душ первым. Он пожал плечами и сказал: “Это (было бы очень жаль. Я бы придумал что-нибудь другое ˆ способ отомстить Юнгеру…” Очевидно, до него не дошло , что я спрашиваю, попытался бы он предотвратить Не того человека ошпарили!’

Цвейг сделал паузу, чтобы допить наполовину остывший кофе. Леди Грей W; .сказал:

“По-моему, он похож на преступника’.

25

НЕОБХОДИМОЕ СОМНЕНИЕ

- Я не знаю, ’ сказал Грей. ‘Первая характерная черта преступного типа - это своего рода глупая мстительность. Этот парень не кажется глупым. Я думаю, что такие, как он, с таким же успехом могли бы стать наполеонами или промышленными магнатами…

- Короче говоря, преступный тип, - сказала Эдна Грей.

Грей поморщился. Радикализм его жены был чисто теоретическим, но вызывал у него беспокойство.

Цвейг не спеша потягивал бренди. Он осознавал , что завоевал их интерес, и хотел отдать должное

история. . , „ . .

- Чего вы не учли, так это того, что Густав - это Еврей, и что в середине двадцатых годов он жил в Германии. В своем возрасте — в раннем подростковом возрасте — он был более чувствителен к анти-Семитизма, чем был его отец. Он всего лишь хотел дать отпор.’

- А вы не пытались использовать свое влияние на него? - спросил Грей.

Цвейг допил бренди и махнул рукой, отказываясь от добавки.

‘ Вполне… В этом, видите ли, и заключалась проблема. В какой-то степени мое влияние было пагубным. Я не имею в виду, что я развратил его. Но мои идеи, возможно, были неподходящими для молодого человека его типа.

“В каком смысле?”

“В воздухе витала революция - я имею в виду, в философии”. В 1927 году Хайдеггер опубликовал свою книгу “Бытие и время”. Мой коллега Ясперс в Гейдельберге работал над своим философским офи. “Закат Запада” Шпенглера был в большой моде в университетах. Студенты обычно ходили с ним подмышками. Я писал о конце своей Эпохи…’

- Которую я не читала, - тихо сказала леди Грей.

- Которую я сама не читала двадцать пять лет, - сказал Цвейг. - Она начиналась с фразы, которая приобрела определенную известность: “Западная культура умирает в долгах”. Далее я сказал, что западная культура похожа на малый бизнес, который терпит крах из -за устаревших методов работы. Я подумывал о чем-нибудь сладеньком магазин в моем родном городе. С каждым годом он, казалось, становился все меньше и пыльнее, а человек, который его хранил, казался все более растерянным. Однажды ночью он умер, и когда они вошли в жилое помещение, то обнаружили, что он долгие годы жил в полнейшей нищете - ни мебели, ни огня, ни одеял. Под конец он поддерживал свою жизнь тем, что ловил крыс и готовил их…’

- О, не надо, - сказала леди Грей, качая головой с внезапным

насилие.

- Мне очень жаль. Я упоминаю об этом, потому что университет в Хайделе берг всегда вызывал у меня воспоминания о бывшем преподавателе кондитерской лавки навязанные и бесполезные

идеи. Я приветствовал новую философию, хотя она и была разрушительной. Возможно, я приветствовала это, потому что это было разрушительно. Я чувствовала, что экзистенциализм - это признак конца эпохи".

"Я не понимаю экзистенциализм", - сказала леди Грей. Ее муж быстро сказал: "Ничего, Карл объяснит это позже".

Когда Густаву исполнилось восемнадцать, он стал одним из моих учеников. Сначала я подумал, что он изменился. Он больше не был угрюмым. У него был близкий друг по имени Георгий Брауншвейг, который изучал химию. Этот Георгий был замечательным юношей. Хотя его семья была еврейской, его мать была католичкой, и Георгий тоже был католиком. Он был очень высоким, мягким мальчиком, довольно застенчивым, немного женственным. Странным было то, что, хотя он изучал химию, на самом деле его интересовал религиозный мистицизм, и он был очарован житиями святых. Густав очень любил его. Я думаю, что его отношение к Густаву было в основном покровительственным, потому что Георгий часто болел. В любом случае, Георгий, казалось, превратил Густава в другого человека. Я часто виделся с ними обоими, потому что Густав обычно приводил своего друга поспорить со мной, и иногда они оставались до четырех утра.

- Как я уже сказал, этот юноша, Эрнст Юнгер, тоже был одним из моих учеников, и к тому времени он уже присоединился к "коричневорубашечникам". Боюсь , я использовал любую возможность, чтобы поиздеваться над Гитлером на своих лекциях. Это было нетрудно, потому что Юнгер не мог удержаться от того, чтобы не прибегнуть к Ницше и полемическим работам Вагнера в периоды вопросов. Так вот, однажды мы с отцом Густава оба получили напечатанные на машинке письма с осуждением Густав - сексуальный извращенец. Автор утверждал, что у него есть

видел, как Густав и Георгий на самом деле занимались этими практиками в поле за городом. Теперь я был уверен, что это было

в здравом смысле. Даже если у Густава и были гомосексуалистические наклонности, что казалось возможным, учитывая раннее влияние его матери на | . "он - я был уверен, что ничего подобного не может произойти | между Густавом и Георгием. Более того, я был уверен, что | письмо было написано Юнгером. В то утро я намеренно попросил Густава задержаться

после лекции, и когда я так и сделал , то заметил выражение триумфа на лице Юнгера. Этот

убедили меня. Позже в тот же день я послал за Юнгером и сказал ему, что знаю, что он писал письма. Сначала он отрицал это, тогда я попытался обмануть его и сказал, что проверил письмо на отпечатки пальцев. Это вывело его из равновесия; он признался теду, что это он написал письма, но заявил, что все в них правда. Я сказал ему, что, правда это или нет, я мог бы добиться его исключения из университета за такое поведение. В конце концов, я отослал его , поджав хвост. Но я знал, что он начнет вырабатывать способы мести, поэтому послал за Густавом, показал ему свое письмо и предупредил, чтобы он был настороже. Он казался равнодушным. Он сказал: “Я думаю, я могу сам о себе позаботиться”. Я указал на то, что Георгий тоже был в опасности, и он забеспокоился. Он поклялся, что убьет любого, кто прикоснется к Георгию. Я думаю, он даже пошел к Юнгеру и высказал ту же угрозу. Но это ничего не изменило. Неделю спустя Георгий и еврейский раввин попали в засаду в переулке, когда возвращались домой; их обоих сбили с ног и избили ногами. Раввин потерял сознание; Георгий сумел доползти до телефона и уговорить отца приехать и забрать их. Но ему сломали одно ребро. Неделю спустя он умер от воспаления легких. Эрнст Юнгер покинул Гейдельберг через два дня после нападения; мне сказали, что он присоединился к “коричневорубашечникам” в Берлине.

“Через несколько дней после смерти Георгия Густав попытался покончить с собой, перерезав себе вены. Отец нашел его полчаса спустя в ванне с теплой водой. Его срочно доставили в больницу и сделали переливание крови, что спасло ему жизнь. Месяц спустя он вернулся в университет. Но он снова изменился . Он был угрюм, почти не разговаривал. В то же время он стал моим самым блестящим учеником. Поначалу я был озадачен его трудолюбием. Он работал с мрачной, спокойной целеустремленностью, как будто его работа была своего рода местью Эрнсту Юнгеру. Он читал английских философов, Канта, Шопенгауэра и Гегеля. Затем он прочитал Кьеркегора и Хайдеггера. В 1930 году была опубликована моя книга “Конец эпохи”. Один из первых экземпляров я отправил Алоизу Нойманн - естественно. Это было в субботу. Точнее, в воскресенье на

следующее утро, около двух часов, я как раз собирался ложиться спать, когда кто-то позвонил в мою дверь. Это был Густав, пребывавший в состоянии крайнего возбуждения. Он прочитал мою книгу - семьсот страниц — за шестнадцать часов непрерывного чтения и теперь хотел поговорить об этом. Если бы это было

любому другому я бы посоветовал идти домой и вернуться утром. Но я был рад видеть, что Густав перестал ненавидеть мир и захотел поговорить. Так что мы сварили кофе, развели огонь и проговорили до рассвета.'

Леди Грей со вздохом сказала: "Это, должно быть, было очень волнующе".

"Это было так волнующе, что я не могу вам передать". Потому что я поняла , что Густав, вероятно, был гениальным человеком. Никогда прежде он не открывал мне свои мысли таким образом. То, как он отзывался о моей книге, а также о Хайдеггере и Ясперсе, убедило меня в том, что его мозг, вероятно, намного лучше моего собственного. Я не скромничаю. Мой собственный мозг работает медленно. Он работает как слон. Но из-за того, что работа медленная и тяжелая, она не стоит на месте. С нее нелегко свернуть. Рано или поздно это дает свои результаты. Но мозг Густава был как у ласточки. Он унаследовал всю интуицию своей матери и интеллект отца. Казалось, он был способен в нескольких словах сформулировать выводы, которые мне потребовались бы дни, чтобы осознать и облечь в слова. Но все это проистекало из необычайной глубины его чувств к философии. Казалось, его мучил вопрос о том, почему люди живы. Впервые он открыто рассказал мне о смерти Георгия. Я спросил его, хочет ли он по-прежнему отомстить Эрнсту Юнгеру. Он пожал плечами и сказал: "Я полагаю, что да, но не очень глубоко. Что изменилось бы, если бы я убил Юнгера? Это не решило бы проблему, почему Георгий умер. Я хочу знать, почему вселенная устроена так , что такой человек, как Георгий, может умереть. Я поссорился не с Эрнстом Юнгером, а с Богом." Именно это заставило меня осознать, что

Густав стал замечательной личностью. Например, мы говорили об антисемитизме. Я думал, что эта тема расстроит его. Но он говорил об этом так отстраненно, как будто он был эскимосом, живущим на Марсе. Он сказал: “Виноваты оба: Нацисты - за то, что они идиоты, евреи - за то, что они слабаки. Жалость к себе порождает жестокость”.

“Скажу вам откровенно, когда Густав ушел от меня в восемь часов утра на следующий день, я был очень горд собой. Я записал в своем дневнике: “Густав Нейман вполне может быть одним из ”великих мыслителей нашего времени”. Естественно, я рассказал о нем своим коллегам. Ясперс проявил особый интерес. Вскоре после этого, Густав написал блестящую бумагу на Гуссерля о том, что АП Чез в феноменологической ежегоднике и возбужденная большой

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

на философском факультете разгорелись жаркие дискуссии. Люди начали обращать на Густава внимание; другие студенты стали относиться к нему с новым уважением, как будто он был членом преподавательского состава, а не студенткой. По крайней мере, две девушки открыто проявили к нему интерес . Казалось, что все это никак на него не повлияло. Напротив, это сделало его еще более угрюмым, чем когда-либо. Примерно в это же время он начал проявлять интерес к предмету, которым занимался его отец, - мозгу. Это было в то время, когда во всей физиологии мозга доминировали рефлекторные теории Павла любовь моя. Но новые люди выполняли захватывающую работу - такие, как Бергер и Голла. Густав перелистал все медицинские журналы и прочитал все , что только смог найти о мозге, как будто надеялся найти там ответ на философский вопрос. На самом деле, он написал замечательную статью о Лейбнице — конечно, это была атака — исключительно с точки зрения физиологии мозга.

В то время он разговаривал со мной очень свободно. Часто он приходил с какой-нибудь студенческой вечеринки, когда я уже собирался ложиться спать, и разговаривал всю ночь напролет. Примерно в это время я опубликовал свои “Необходимые сомнения”..

Которую я читала, - перебила леди Грей.

‘ Хорошо. Эта книга оказала на удивление большое влияние, учитывая ее объем”. Цвейг пояснил для Грея: “Это очень короткая книга, и ее аргумент заключается в том, что истинная религиозная вера должна основываться на сомнении, а не на слепом принятии. В ней утверждается , что способность человека сомневаться - это его величайшее достоинство, и что даже святой никогда не должен отказываться от своей способности сомневаться”.

- Я должен это прочитать, - сказал Грей без особой уверенности.

- Возможно, вам это наскучит. Однако я говорил, что в 1931 году она была на редкость успешной. Густав был полностью увлечен этим. Настолько, что его отец стал вором возмущался моим влиянием на него. Как ортодоксальному еврею, ему не нравилось то, что он называл моим “нигилизмом”. Однажды дело дошло до того, что Густав попал в беду. Он угнал машину, загнал ее на вершину утеса примерно в двадцати милях отсюда и разбил ее в долине. Это был “Роллс-ройс”. тоска по американскому гостю. К счастью, его жена была пациенткой Алоиза Неймана, и им удалось избежать скандала. В то время, когда это произошло - на Пасху 1931 года, - я еще не видел Густав в течение нескольких недель. Позже я узнал, что у него была несчастливая любовная связь. Густав отказался объяснить, почему он разбил машину; он отказался даже говорить со мной об этом. Позже

- он сказал мне, что хочет испытать свое мужество. Он выскочил из * машина как раз перед тем, как перевернуться. В первый и единственный раз за все время нашего знакомства мы с Алоизом поссорились. Он сказал, что это мои безумные идеи выбили Густава из колеи. В конце концов, он признал, что был несправедлив, и мы помирились. Тем не менее, об этом деле шептались в университете, и оно получило огласку. У Густава дурная слава. И Алоис действительно пришел ко мне, чтобы спросить , не считаю ли я его сына сумасшедшим! Мне удалось его успокоить. И все же поведение Густава начинало меня беспокоить. Начнем с того, что он слишком часто напивался. Я понял, что у него было какое-то психическое перенапряжение. Например, однажды он пришел навестить меня и сел на мою

кровать, играя с котенком. Он грубо играл, а котенок вдруг испугался и укусил его. Густав побледнел и обхватил его за шею. Я был уничтожен и увидел это в зеркале для бритья. Затем он поднял глаза и увидел, что я наблюдаю за ним. Очевидно, ему стоило огромных усилий прийти в себя и отпустить кошку. Если бы меня там не было, он бы его задушил. Но это не было садизмом - это было результатом нервного перенапряжения. Иногда он говорил Он серьезно говорил со мной о самоубийстве - не о своем собственном самоубийстве, а о таких писателях, как Клейст и Штифтер, и о том, имели ли они право на такой выход; но я был уверен, что он серьезно думал об этом. Хуже всего было то, что я не мог привести ему никаких реальных доводов против этого. Я думаю, что, возможно, так оно и было Густав, который первым заставил меня осознать неадекватность моих

Я;.

философия…

- Так вот, в августе 1931 года я принял решение уехать из Германии много. Я был уверен, что Гитлер придет к власти. Я был известен как антинацист, и я был уверен, что потеряю свое место в университете. Затем мне предложили должность в Университете Лос-Анджелеса, и я согласился. Когда я сказал Алоис и Густав оба были в депрессии; Алоис уже начал переводить свои деньги в швейцарские банки, но его исследовательский центр находился в Гейдельберге, и ему не хотелось покидать его. Густав говорил очень мало, но я видел, что он был несчастен. Я пытался уговорить их приехать в Америку, но Алоис сказал, что предпочитает подождать.

“В тот день, расставаясь с Густавом, я одолжил ему рукопись статьи, которую написал для американского философского журнала. Эта статья не показалась мне особенно важной, это была атака на академический метод философии—

НЕОБХОДИМОЕ СОМНЕНИЕ

офи. Я сказал, что философ должен быть подобен орлу - бросаться на истину с большой высоты, с внезапной высоты. улучшения зрения и попытаться ухватиться за это. Я насмехался над философом те, кто подобен муравьям, копошащимся в грязи и пытающимся построить систему в соответствии с математической формулой. Как я уже сказал, эта статья никоим образом не показалась мне революционной; Ницше много раз говорил то же самое.

- Две ночи спустя - я помню точную дату - это было самое 18 августа - Около полуночи я собирался ложиться спать , когда раздался стук в мою дверь. Конечно, это был Густав. Я чувствовал себя довольно усталым, поэтому не был особенно рад его видеть. Когда он впервые вошел, он казался совершенно трезвым, и Я предложил ему стакан киммеля; только когда он начал говорить, я понял, что он был пьян. Он был в странном настроении, и его манеры раздражали меня. Вы знаете, что академическая дисциплина в Германии гораздо строже, чем у нас. Что ж, я никогда не настаивал на том, чтобы Густав относился ко мне с должным уважением, как к своему профессору; я относился к нему как к сыну, и он всегда проявлял ко мне такое же уважение и привязанность , как и к своему отцу. Теперь он был другим; он относился ко мне иронически, с тщательно скрываемым неуважением, и меня это раздражало.

- Я читал небольшую монографию о сексуальном убийце Киртен, написанный моим другом из Дюссельдорфа. Киртен был казнен двумя месяцами ранее. Густав подхватил эту монограмму граф и начал рассказывать о Кииртене. Несмотря на мое раздражение Сначала меня заинтересовало то, что он сказал. Он сказал, что Киртен был жалкой попыткой изобразить настоящего преступника. Он хотел стать врагом рода человеческого, но преуспел лишь в том, что стал жертвой. Затем он перешел к разговору об отношениях между жертвой и убийцей и сказал, что евреи слишком пассивно воспринимают роль жертвы. В заключение он сказал: “До сих пор человечество не породило ни одного великого преступника”. Я спросил его , не думает ли он, что Гитлер может претендовать на это звание. Он сказал: “Фу, он

дурак, а как дурак может быть великим преступником". Я сказал, что , возможно, только дурак может быть великим преступником. На это он ухмыльнулся и сказал: "Это хорошая академическая логика". Это меня разозлило, и я сказал ему, что если он слишком пьян, чтобы говорить серьезно, ему лучше пойти домой. Он налил себе еще "киммела", не спрашивая моего разрешения, и сказал: "Нет, я не пойду домой. Возможно, это наш последний шанс на

НЕОБХОДИМОЕ СОМНЕНИЕ

‘ *j*W :y.v.

t

m

§

j|:

серьезный разговор, и я хочу сказать тебе кое-что важное.” Итак Я сел и сказал: “Хорошо, продолжайте”. Затем он обрушился с яростной критикой на всех академических философов, таких как Ясперс и Хидеггер. Я пожал плечами и сказал: “Очень хорошо, я с вами согласен. Разве ты не читал эссе, которое я оставил у тебя на днях? “Дело не в этом, - сказал он, - я не это имел в виду. Тебе пришлось страдать, чтобы написать это эссе, - страдать так, как страдал Ницше?” Я сказал: “Возможно. Откуда ты знаешь, страдаю я или нет?” “Я знаю, потому что страдаю, когда думаю. Если бы не несчастный случай, меня бы сейчас не было в живых.” Затем он сказал мне, что прочитал мое эссе прошлой ночью и что это заставило его принять решение покончить с собой…”

Леди Грей мягко произнесла: “Боже мой’.

Цвейг пожал плечами. - Я же говорил вам, что он был очень возбудимым. Он думал, что мое эссе доказало, что все мысли бесполезны - что ничто все имеет значение, кроме зрения. Я привел пример из жизни Рамакришны, индуистского святого. Рамакришна продолжал молиться он обратился к Богу, чтобы тот открыл ему себя, но ничего не произошло. Наконец, в отчаянии он схватил нож и уже собирался покончить с собой, и в этот момент к нему пришло видение Бога. Я утверждал, что это видение является целью всей философии и что никакое количество размышлений не может раскрыть его. Итак, Густав прочитал это и решил, что покончит с собой. Он сказал: “Я знал, что ваша история правдива, потому что в тот момент, когда я выпрыгнул из машины и она сорвалась с обрыва, у меня тоже было внезапное видение. Но это исчезает я умер почти сразу же.” Как бы то ни было, Густав решил, что покончит с собой. Затем он вспомнил, что всегда хотел встретиться с Хайдеггером, который жил во Фрайбурге. Хайдеггер, как вы знаете, также утверждает, что человек познает реальность только перед лицом смерти. Тогда Густав решился на безумный план. Он пошел бы к Хидеггеру и спросил его, почему же в таком случае тот не покончил с собой - почему он предпочел продолжать жить и

писать многословные книги. И чтобы доказать свою искренность, он доставал из кармана револьвер и убивал себя на глазах у Хайдеггера.

“На следующий день Густав сел на поезд до Фрайбурга. Он взял с собой мое эссе, потому что хотел перечитать его еще раз, чтобы решить, есть ли в моей логике какие-то изъяны. Он также взял заряженный револьвер.

‘Он сказал мне, что плотно пообедал в поезде - по его мнению , это было равносильно ужину приговоренного к смерти человека

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

“ и выпил целую бутылку шампанского. Но вместо того, чтобы взбодриться, это только усугубило его депрессию. Он увидел газетный заголовок о речи Гитлера, в которой Гитлер сказал, что евреи загрязняют человеческую расу. И тогда, по его словам, у него было что-то вроде видения. Все люди, сидевшие вокруг него , казались насекомыми. Он сказал: “Я внезапно понял, что боги создали человеческую расу в качестве своеобразной шутки. Я понял , что если бы я был богом, у меня возникло бы искушение уничтожить всех людей или, по крайней мере, помучить их за их глупое самодовольство. И тогда я подумал: “Но я тоже человек , и лучшее, что я могу сделать, - это покончить с собой”. Несколько мгновений у меня было искушение покончить с собой прямо здесь и сейчас, пока я не вспомнил, что оставил револьвер в своем портфеле в вагоне. Я вернулся на свое место. В вагоне было еще двое мужчин — толстые банкиры с лицами, как у свиней, — они говорили о деле Киртена и согласились с тем , что в современном мире что-то не так. На мгновение у меня возникло искушение пристрелить их первыми. Я сидел и думал об этом, представляя себе их лица, когда я достаю револьвер. Потом я подумал: “А почему бы мне не застрелиться? Почему бы не позволить им арестовать меня и сбежать? я им нравлюсь? Это стоило бы того, чтобы ради удовольствия пострелять в этих свиней.’И именно тогда мне в голову пришла идея - моя замечательная идея”. Я осторожно спросил его, что он имеет в виду. Он сказал: “Разве ты не понимаешь? Я нашел ответ - стать преступником, главным

преступником. Все люди - насекомые, и боги смеются над нами. Мы ничего не можем сделать, чтобы стать великими. Все так называемые великие люди - самообманщики, как эти две свиньи. Они хвалят себя за то, что пытаются помочь человечеству, и не понимают, что они насекомые, которые пытаются помочь другим насекомым. Что может сделать человек, чтобы попытаться стать чем-то большим, чем просто насекомым? Что он мог сделать, чтобы боги сказали: "Он не такой, как все ?" Ответ таков: встать на сторону богов против людей. Попытайтесь стать настоящим преступником; первым преступником, который единственный в истории человечества, кто не является просто обездоленной жертвой. …"

- Сначала я подумал, что он шутит. Я подумал, что это была какая-то блестящая идея, которую он придумал, и что он пытался меня разыграть - возможно, чтобы шокировать меня, разозлить. Затем Я понял, что он действительно серьезен. Он продолжал говорить, сравнивая себя со святым Павлом на дороге в Дамаск. И внезапно я начал задаваться вопросом, не был ли он совсем безумен - если

его рассудок помутился. Я вспомнил, что Ницше и Стриндберг оба страдали сифилисом, и мне пришло в голову, что, возможно, Густав заразился от проститутки и что его рассудок тоже помутился. Поэтому я притворился , что согласен с его словами, и начал расспрашивать его, обязательно ли его главному преступнику быть в добром здравии. Постепенно я перевел разговор на его собственное здоровье, а затем прямо спросил, не страдает ли он венерическим заболеванием. Услышав это, он разозлился. Он сказал: "Я абсолютно здоров во всех смыслах. Хотели бы вы сдать экзамен понимаешь меня?" Он начал раздеваться, но я остановила его. Я решил, что он, вероятно, страдает от какой-то формы алкогольного отравления, и посоветовал ему пойти домой и поспать. Как бы то ни было, в конце концов он ушел. Но его последними словами были: "Однажды я докажу тебе, что я прав". Я спросил: "Зачем тебе это доказывать, если ты считаешь меня ничтожеством?" Он ответил:

“Потому что у тебя есть потенциал стать великим, но ты боишься им воспользоваться”.

На следующее утро я позвонил его отцу и предупредил, что Я подумал, что Густав психически болен. Он казался очень напуганным. Однако через несколько часов он пришел навестить меня и сказал: “Я поговорил с Густавом о прошлой ночи. Все это было шуткой. Он хотел тебя расстроить.” Я видел, что ему хотелось в это верить, поэтому не стал ему перечить. Когда он уходил, он сказал:: “Этот Густав умный парень. Но он такой же здравомыслящий, как ты или я. Я разговаривал с ним два часа, и у него нет ни малейшего признака психоза. Я заставлю его прийти и извиниться перед тобой позже. Но Густав так и не появился. И это был последний раз, когда я видел Густав в Германии.’

Грей закурил еще одну сигару и задумчиво уставился на нее. Леди Грей, слегка нахмурившись, смотрел в огонь. Цвейг сказал::

- Прошу прощения, что так долго. Я как раз подхожу к сути…

- Вовсе нет, - сказал Грей. - Я нахожу это увлекательным. Продолжайте.

Густав не приходил ко мне. Иногда я встречал его в городе. С ним всегда был старик, друг его отца, по имени Сейферт - Герхардт Сейферт. Когда я рассказал об этом Алоизу, он сказал мне, что Густав смог вылечить головные боли Сейферта с помощью мягкого гипнотического воздействия и что они стали близкими друзьями.

У меня были свои соображения. Я знал, что Сейферт был богат и что у него не было близких родственников. Так что же - было более вероятно, что он оставит часть своих денег сыну своего лучшего друга?

35

Я, Я ДОЛЖЕН СОМНЕВАТЬСЯ

Я также знал, сколько денег Алоиз потратил на свою исследовательскую лабораторию и что, если его вынудят

покинуть Германию, он потеряет все это. Так что, возможно, Густав думал о Я будущий. Кто мог бы его винить?

- Ну, за неделю до того, как я уехал из Германии, Густав и Сейферт я вместе отправились в Швейцарию. Алоис сказал мне, что Густав…

сейчас он выполняет роль своего рода секретаря у старика. А несколько дней спустя Герхардт Сейферт был найден мертвым у подножия большого утеса недалеко от Маттерхорна. Он оставил предсмертную записку в своем отеле

| - комнату, сказав, что он страдает от рака позвоночника,

и предпочел умереть таким образом. В момент своей смерти Густав находился в отеле, в нескольких милях отсюда. Когда я был в Америке в 1932 году, я слышал, что Сейферт оставил Густаву все свои деньги - два миллиона марок.'

Цвейг потянулся за бренди, налил себе на четверть дюйма и согрел стакан в руке. Он понимал , что они ждут от него ответа на какой-то вопрос. Окончательно, Грей спросил:

' И это было самоубийство?

- Именно этот вопрос я и задавал себе. Но как это могло быть убийством? Предсмертная записка, конечно, могла быть подделана. Но в таком случае Густав, должно быть , столкнул старика со скалы. А это, насколько я понимаю, невозможно. Отель находился в пяти милях отсюда.

Леди Грей сказала::

- Но вы сказали, что он использовал гипноз на старике? Цвейг улыбнулся, предвосхищая ее вопрос: "Ты думаешь, Густав мог загипнотизировать Сейферта, чтобы тот покончил с собой? Нет, это совершенно невозможно'.

Грей сказал: "Даже авторы детективных историй отказались от этой версии, моя дорогая. Ты же знаешь, что нельзя загипнотизировать человека, заставив его сделать то, чего он не стал бы делать в бодрствующем состоянии. Не так ли, Карл?

Не совсем так. Мой друг Роуланд провел эксперимент с ядовитой змеей… однако, да, это более или менее верно. Я ни на секунду не поверю, что Густав был загипнотизирован Герхардтом

Сейфертом.’

Эдна Грей задумчиво произнесла: “Если бы это было убийство, я полагаю, это было бы то, что вы назвали бы идеальным убийством?”

“Возможно”, - сказал Цвейг. “Но вы думаете, это было убийство?” Грей пожал плечами и подергал себя за усы; это был жест

это свидетельствовало о легком нетерпении. Он сказал: ‘Вы знаете, все это очень теоретически. Если бы меня попросили расследовать подобное дело, Мне бы хотелось получить гораздо больше доказательств, чем вы мне до сих пор предлагали. Из того, что вы мне рассказали, я бы сказал, что возможности убийства не было - или, по крайней мере, вероятность этого была невелика. Люди, которые говорят так, как ваш юный друг, не превращаются внезапно в убийц. Вы, конечно, сами это чувствуете?

‘ Согласен. Но у меня есть еще кое-какие доказательства, которые я могу вам предложить”.

“Хорошо. Давайте послушаем’.

“После того, как я приехал в Америка. Затем, в 1936 году, я услышал, что он покончил с собой.

‘Как?’

‘Он застрелился’.

“Я имею в виду, как вы узнали?”

“Я прочитал об этом в американской газете. В статье не сообщалось никаких подробностей, за исключением того, что он застрелился в своем доме недалеко от Цюриха. В ней говорилось, что, как полагают, он был подавлен положением родственников, все еще живущих в Германии’

“Это звучит достаточно правдоподобно”.

“Я согласен”. Газета также упомянула Густава. В нем говорилось , что последние четыре года Нойман жил один со своим сыном на пенсии.

Грей спросил: ‘Это все?’

“Не совсем”. Есть еще одна деталь. В 1938 году я потратил определенную сумму мой отпуск в Ментоне. Когда я собирал вещи, чтобы уехать, я заметил газетный лист, которым был застелен ящик стола в моем гостиничном номере. Мое внимание привлекла фамилия “Герхардт Сейферт”. Это, конечно, могло быть простым совпадением. Газета была опубликована двумя годами ранее - в сентябре 1936 года. В новостях говорилось о человеке по имени Герхард Сейферт, который был арестован после несчастного случая на лодке. Сейферт был личным секретарем бельгийского производителя нижнего белья Schmoll, и они вдвоем были в Ментоне на празднике Холи день. Они отправились кататься на лодке, только вдвоем, и каким-то образом лодка перевернулась. Сейферту удалось доплыть до берега, но Шмоль утонул. Но на следующий день после аварии появился мужчина , который заявил, что смотрел на море в бинокль, когда заметил лодку. Ему показалось, что он увидел, как двое мужчин дрались в нем за мгновение до того, как он перевернулся. Сейферт был немедленно арестован, и это было

суть сообщения в новостях.’

- И вы узнали что-нибудь еще?

- Да. К счастью, владелец отеля вспомнил об этом случае совершенно ясно. Он сказал мне, что Сейферта освободили на следующий день. Он смог доказать, что свидетель пытался шантажировать его до того, как обратился в полицию. Очевидно, этот свидетель был человеком с дурным характером, уже известным полиции. Через несколько часов после происшествия он подошел к Сейферту и пригрозил, что пойдет в полицию со

своей историей о драке - если Сейферт не заплатит ему крупную сумму денег. Сейферт дал признательные показания и позже смог доказать, что мужчина приходил к нему в отель за день до того, как обратился в полицию. Таким образом, дело против него было прекращено'

Эдна Грей, нахмурившись, смотрела на свое вязание. Она сказала: "Я не вполне понимаю. Почему вы связываете этого Сейферта со стариком, который умер в Швейцарии?

Потому что в газете была фотография этого личного секретаря . Снимок, конечно, получился плохим - довольно размытым. Но он был удивительно похож на Густава Неймана.'

Цвейг потянулся к бутылке бренди и налил себе немного. Ему явно нравилось производить впечатление профессионала сбитый с толку его словами. Грей сказал:

- Вы совершенно уверены, что это был Нойманн?

' Нет, конечно, нет.

Эдна Грей спросила: 'Вы обращались в полицию?"

"Да, я обращалась в полицию перед отъездом из Ментоны. Они не очень-то помогли. У них не было фотографии человека, которому звонили. Сейфертовские, и они сказали, что дело было закрыто. Я пошел в офис газеты, которые напечатаны рассказ и попросил их если они имеют оригинальной фотографии, или любой другой рис ТуреС сейфертовских. Но оригинал был уничтожен или утерян

.

"Вы не думали связаться с семьей этого человека Шмолля?'

"Я думал об этом, но ничего не предпринял".

"Почему бы и нет?'

- Главным образом потому, что я не был уверен, что там было что-то подозрительное.

- Вы думаете, что это совпадение в отношении имени и фотографии?

- Это кажется вероятным. Учтите: мы знаем, что Густав

38

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

В 1936 году Нойман жил со своим отцом. В июле 1936 года Алоис Нойман умер. Шесть недель спустя в Ментоне произошел несчастный случай с лодкой. Возможно ли, что Густав сменил бы свое имя, обзавелся фальшивым паспортом и устроился на работу чьим-то личным секретарем? Зачем ему это было нужно? И зачем ему было совершать убийство?

“Возможно, этот богатый бельгиец оставил ему деньги по завещанию”.

‘После шестинедельного знакомства?’

‘Это правда. Но мы все равно об этом не знаем, не так ли?”

Эдна Грей отложила вязание с испуганным выражением лица:

“Ты же не думаешь… этот старик сегодня вечером…’

Цвейг сказал: “Вот почему я рассказал вам эту историю. Что вы думаете?’

Грей встал и прошелся по комнате, подергивая себя за ус. Он сказал::

‘Согласен, это милая маленькая головоломка. Доказательств нет… нет Эви дэнс.’ Он рассмеялся коротким, отрывистым хохотом. - Это как раз тот случай, когда полицейскому приходится пользоваться своим носом, а не головой. Они наблюдали, как он ходит взад и вперед по комнате. Он сказал: “Я просто не знаю”.

‘Чего ты не знаешь, дорогая?”

“Я не знаю”… Если бы я все еще служил в полиции, и ты сообщила бы мне эту информацию, я не знаю, стал бы я

предпринимать какие-либо действия… Я думаю, что, скорее всего, нет.

Его жена сказала: - А почему бы и нет? Предположим, что этот старик, которого Карл видел сегодня вечером, будет убит…

‘ А, это другое дело. Если этот старик убит или, по всей видимости, покончил с собой, я бы согласился, что тут есть за что зацепиться. Соотношение вероятностей определенно заставляет это дело попахивать подозрением’

“Я думаю, что это уже попахивает подозрением”. Она с опаской посмотрела на Цвейга, который улыбался, потягивая бренди; его веселье озадачило ее.

‘ Я полностью согласен, моя дорогая. Но в том, что сказал Карл, нет ничего , что могло бы дать полиции определенную зацепку. Вот если бы я был Карл, тогда, в 1938 году, я бы счел своим долгом связаться с семьей этого человека… как его зовут?’

‘ Шмоль.

- …и выясни, что случилось с деньгами старика. Кстати, вы ведь сказали, что он был стариком, не так ли?

- Нет, я этого не говорил. Но вы правы. Ему было шестьдесят восемь.’

39

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

- Но, полагаю, семья все равно навела кое-какие справки

.

- Не слишком ли поздно выяснять? - спросила Эдна Грей.

‘ Нет. Я так не думаю. Но сейчас уже поздновато искать улики”. Он спросил Цвейга: “Вы никогда не сообщали о своих подозрениях в полицию?”

‘Не совсем. Я повторил эту историю раз или два своим знакомым полицейским. Они сказали то же, что и ты.

- Я этого совсем не понимаю, - терпеливо сказала Эдна Грей.

- Нет? Тогда я попытаюсь объяснить, моя дорогая. Это вопрос весомости доказательств. Возьмем, к примеру, дело Смита - “Убийства невест в Бате”. Смит женился на этих женщинах из-за их денег, а затем устроил так, что они утонули в своих ваннах. Так вот, никаких реальных доказательств против него так и не было. Кузнец. Три женщины утонули в своих ваннах. У всех них были припадки, так что это мог быть несчастный случай. В каждом случае, У Смита было алиби, и никто не подозревал его в убийстве. Затем родственник одной из его жертв прочитал рассказ о другой женщине , которая утонула в своей ванне, и подумал, что это не может быть совместным преступлением. Итак, Смит был арестован и предстал перед судом. На телах не было никаких следов - никаких признаков насилия. Но обвинение утверждало, что Смит приподнял колени женщин и утопил их без борьбы. Если бы таким образом погибла только одна женщина или даже две, Смит никогда не был бы осужден. Но присяжные сочли, что трое - это слишком много, чтобы быть простым совпадением, поэтому он был казнен. Это был вопрос веса доказательств. Теперь о доказательствах, которые Карл только что предоставил нам, Я бы сказал, что ни одно жюри присяжных никогда не признало бы Ноймана убийцей. С другой стороны, если бы это случилось снова, я сомневаюсь, что ему это сошло бы с рук.

- Вы хотите сказать, что он должен был убить этого бедного старика, прежде чем полиция смогла бы что-либо предпринять?

- Я знаю, это звучит абсурдно, но, боюсь, примерно так оно и есть. Что ты об этом думаешь, Карл?

- Я согласен. Я думаю, что вполне возможно, что у Густава были какие-то что-то связанное со смертью Герхарда Сейферта. Но я думаю, что доказать это было бы невозможно.

Эдна Грей спросила: “Как вы думаете, возможно ли, что он планировал убить того старика, которого вы видели сегодня вечером?”

Цвейг уставился на огонь, прежде чем ответить. Наконец он сказал:

- Я думаю, шансы невелики. Мне было бы интересно узнать

40

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

я знаю, где сейчас находится Густав.

“Тогда зачем вы рассказали нам эту историю?”

“Во-первых, потому что я думаю, что это интересная история. А во-вторых, потому что я хотел спросить совета у Чарльза. Как бы я начал розыск Густава Ноймана, предполагая, что именно Густава Ноймана я видел сегодня вечером?”

Грей снова сел и стряхнул пепел с сигары.

“Это может оказаться трудным делом. Я бы задал вопросы в отеле. Некоторые этот человек может знать больше, чем метрдотель. Вы обратили внимание на номер такси?

“Боюсь, что нет”.

“Это будет нетрудно проверить”. Комиссия эйр может знать водителя. Вы сказали, они были в отеле до сегодняшнего вечера?

- Нет. Менеджер сказал, что раньше их не видел.

- Хм. Тогда возникает вопрос: зачем им идти ужинать в отель, где проходит майская ярмарка, в канун Рождества? Если бы они остановились в одном из крупных лондонских отелей, то, вероятно, не ходили бы куда-нибудь поесть.

- Возможно, они остановились в пансионе, - предположила Эдна Грей.

- Или в дешевом отеле. Но зачем обедать в отеле, когда вокруг полно хороших ресторанов? Это наводит на мысль о том, что у вас уже есть опыт работы в отеле”.

Цвейг сказал: “Это место, куда люди ходят на бизнес-ланч”.

- И все же, здесь есть что-то странное. Почему они должны останавливаться в пансионе или дешевом отеле, а затем ехать на такси в дорогой отель на ужин?

Цвейг шумно выдохнул, издав звук, похожий на моржовый, и покачал головой.

‘ Я не могу придумать никакого объяснения. Или, может быть, есть очень простое объяснение…

Эдна Грей спросила: “Как он выглядит, этот ваш друг?”

- А-а. - Цвейг достал из бумажника конверт и протянул ей. Грей склонился над ее плечом. Цвейг сказал:

- Это студийный портрет Густава. Он был сделан на его девятнадцатилетие’

- Он довольно симпатичный, - сказала Эдна Грей. Но в ее голосе звучало сомнение. Все трое уставились на фотографию, не веря своим глазам.-

лицо Манна было худощавым; глаза и сжатые губы выдавали настороженность. Подбородок был выдающимся и заостренным. Это было лицо блестящего молодого ученого или врача. Но это было и нервное лицо, лицо, которое могло только похудеть и стать более напряженным и угловатым.

Цвейг показал им другие фотографии. “Это был его отец” - великий человек. Если бы он смог продолжить свои исследования в В Гейдельберге он, возможно, стал одним из самых известных людей нашего времени”.

На его яйцевидной голове почти не было волос, за исключением густых седых бровей; на лице было такое же выражение напряжения и настороженности, как и у его сына. Это был откровенный снимок. Эти двое стояли на заснеженном склоне холма. Алоис Нойманн смотрел в камеру с некоторой

враждебностью, засунув руки глубоко в карманы пальто, плечи опущены, как будто он готовился к нападению; Густав Нойманн, почти на фут выше своего отца, был без пальто, хотя через правое плечо у него был перекинут шарф; он стоял, слегка расставив ноги, положив левую руку на плечо отца и запрокинув голову и посмотри склонился над камерой.

На третьей фотографии Густав Нойман стоял рядом с еще более высоким юношей. “Это Георгий”, - сказал Цвейг. Он заметил разочарование на лице Эдны Грей. ‘Он некрасив и ведет себя довольно скверно. Это потому , что он был застенчив. Но он отличался большой искренностью и проницательностью’.

“Это странно”, - сказал Грей.

“Что?”

- Эта фотография, - Грей указал на фотографию отца и сына, - кажется, указывает на то, что он левша. Вы заметили , что он перекинул шарф через правое плечо. Правша , естественно, перекидывает его через левое. А на другой фотографии он курит сигарету правой рукой”.

Цвейг довольно хмыкнул. ‘Это поразительно. На самом деле, вы правы. Густав был левшой, но у него была идея, что однажды он, возможно, захочет изменить свою личность… это была одна из его странных идей. Я полагаю, он думал, что нацисты могут назначить награду за его голову. Поэтому он научился пользоваться правой рукой так же, как и левой, чтобы его нельзя было назвать левшой”.

Эдна Грей с восхищением сказала: “Тебе следовало бы по-прежнему работать в полиции, дорогой. Ты очень проницательный”.

43

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ.

Грей хмыкнул. - Поверьте мне, рассказы о Шерлоке Холмсе - наименее важная часть полицейской работы. Главное, что нам нужно , - это побольше людей в патруле’

Эдна Грей уставилась на портретную фотографию. Она сказала: - По-моему, он совсем не похож на преступника.

- Я понимаю, что вы имеете в виду. И все же я не уверен, что не видел преступников с таким лицом. Стейни Моррисон была одной из них. Интересно…

’ Что?

- Не думаю, что я видел его раньше. Маловероятно, что в этой стране у него было полицейское досье. Но фотография с его отцом кажется мне знакомой’

- Тебе следует спросить Колбрайта, дорогая.

- А это идея. Интересно, занят ли он чем-нибудь сейчас.

- Я не имел в виду сегодняшний вечер!

- Почему бы и нет? Еще нет десяти часов. Он живет только в Фулхэме. Тебе не терпится поехать, Карл?

‘Конечно, нет”.

‘Тогда давай попробуем. Вреда от этого не будет. Я позвоню ему и узнаю, дома ли он”.

“Только не в канун Рождества!”

“О, он не будет возражать”. Грей вышла из комнаты. Цвейг заметил, что на ее лице отразилось смятение, и сказал: “Я должен извиниться за это. Я, знаете ли, говорил несерьезно’.

“Несерьезно? О чем?”

‘О Густаве. Я бы хотел встретиться с ним, если он в Лондоне. Но, как сказал Чарльз, он просто не из тех, кто способен на убийство. Я считаю, что из этого может получиться хорошая история. В руках автора детективных историй она могла бы стать захватывающей. На самом деле, я уверен, что в этом нет ничего особенного.

- Тогда почему бы вам не попытаться отговорить Чарльза от звонков?

Прежде чем Цвейг успел ответить, в комнату вернулся Грей. Он выглядел веселым и оживленным.

- Все в порядке. Он говорит, что будет рад нас видеть. Так что мы отправляемся прямо сейчас.

Эдна Грей сказала: „Карл только что сказал, что он совершенно уверен: “В этом ничего нет, Чарльз. Я не думаю, что это правильно - врываться к кому-то в канун Рождества….

- Все в порядке. Я бы хотел снова увидеть старину Табби. Это порадует его на Рождество.

Цвейг осторожно сказал: ‘Я понимаю точку зрения вашей жены. Даже если

43

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

У Густава есть криминальное прошлое, а я уверен, что его нет - в Англии это было бы не так.

- Не обращай внимания. Колбрайт с нетерпением ждет встречи с нами. Ты ведь придешь, правда, моя дорогая?

- Конечно, нет, Чарльз. Я думаю, тебе следует позвонить ему и сказать, что ты приедешь завтра или в День подарков.

‘ Нет, нет. Не могу этого сделать. В любом случае, нас не будет больше часа. Он раздвинул занавески и выглянул наружу. - Фу, снег валит как из ведра. Надеюсь, мы сможем поймать такси. 111 позвони и закажи такси.

Снег на Олд-Бромптон-роуд был припорошен машинами, но на Редклифф-сквер он был толстым и нетронутым. Цвейг забыл взять с собой калоши и пожалел об этом, когда вышел из такси и оказался в сугробе , который покрывал его лодыжки. Водитель сказал::

“Видите ли, через час начнет подмораживать’.

Цвейг взглянул на светящийся циферблат своих часов и пожалел , что не вернулся к себе домой с бокалом хорошего портвейна. Он с

сожалением наблюдал, как огни такси сворачивают на Редклифф Сады, как будто это была его последняя связь с Вест-Эндом. 1 дул сильный ледяной ветер, и было неудобно смотреть на восток.

Входная дверь открылась прежде, чем они дошли до нее. Веселый “Голос Лондона” сказал: “Давайте уйдем с холода”. Там стоял невысокий толстый мужчина , пытаясь придержать дверь и оставить достаточно места, чтобы они могли пройти мимо него; из-за размера его живота это было трудно. На нем была бумажная шляпа и ярко-оранжевый халат.

’ Позвольте мне взять ваши пальто… Что ж, приятно видеть вас снова, Сэр Чарльз. - Вы не привели с собой хозяйку? Жалость. Черт возьми, что за ночь…’

В доме приятно пахло жженым остролистом и пирогами с начинкой. Он провел их в маленькую комнату, стены и потолок которой, казалось, были скрыты за пучками остролиста и бумажными гирляндами. Огонь в камине, которого было достаточно, чтобы обогреть амбар, создавал удушливую атмосферу. Цвейг почувствовал, как снег набивается ему в брюки. трусы тают и пропитывают носки. Двое детей, мальчик и девочка, играли за столом в “змейки и лестницы”.

НЕОБХОДИМОЕ СОМНЕНИЕ

- Присаживайся, пожалуйста. Хозяйка на кухне. Она не задержится ни на минуту.’

Цвейга представили бывшему старшему инспектору Колбрайту. Грей с изумлением уставился на халат тион. Он сказал:

- Ты… э-э-э….. тебе холодно’ да?

Мальчик сказал: “Нет, он просто не хочет его снимать. Ему нравится цвет’.

“Дочь подарила мне его на Рождество”, - с гордостью сказал Колбрайт. “Тот, кто женат. Я думаю, это довольно поразительно, не так ли?”

Цвейг сел на дальнем конце стола и попытался избежать прямого излучения от камина, спрятавшись за высокой девушкой с косичками. Колбрайт сказал:

- А теперь давайте выпьем. Не хотите ли попробовать этот коктейль? Он называется “Два на восемь”. Жена специально готовит его на Рождество. Он стойкий.

’ Надо держать его подальше от огня, - сказал мальчик и захохотал. Его отец сказал:

“Говори, когда говорят с тобой, а то блоха залезет тебе в ухо”.

Девочка пристально смотрела на Грея. Она спросила, откуда денли:

Где твоя подвязка?” Когда Грей непонимающе посмотрел на нее , она объяснила: “В школе говорили, что рыцари больше не носят доспехов, только подвязки. Ты рыцарь, не так ли?’

Их прервала миссис Колбрайт, которая внесла блюдо с мясными пирогами. Она была такой же толстой, как и ее муж, но на фут выше. Когда Цвейга представили и он отказался от мясного пирога, она спросила:

‘Зачем вам понадобился Альберт? Хотите, чтобы он устроился на работу?”

“О, можно мне пойти с вами?” - сказал мальчик.

- Не совсем, миссис Колбрайт. Мы просто хотим воспользоваться его энциклопедическими познаниями в области криминала и преступников.

- “На минутку, - сказал Колбрайт, - давайте договоримся о выпивке , а?’

Грей и Цвейг взяли виски. Детям велели идти спать и предупредили, чтобы они не подслушивали за дверью. Грей достал фотографии и протянул портрет Колбрайт.

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ.

- Ваше здоровье, - сказал Колбрайт, - счастливого Рождества и многих других. Он продолжал смотреть на портрет, смакуя виски и проглатывая его. Он сказал: “Ммм. Это тот самый Парень из Мейдстона, не так ли?

Грей и Цвейг одновременно наклонились вперед мент, и с точно таким же выражением лица.

’ Кто?

Колбрайт отодвинул фотографию на расстояние вытянутой руки и нахмурился. - Да, это не мог быть кто-то другой, верно? Частная медсестра по делу о стрельбе в Мейдстоуне. Конечно, сэр, вы бы этого не запомнили, потому что это был 1938 год.’ Он вопросительно посмотрел на них медленно.

- Расскажите нам об этом деле, - попросил Грей. - Вы были в нем замешаны?

- Нет. Но тот ли это парень?

Мы не знаем. В кого стреляли в этом деле в Мейдстоуне?

- Старина по имени… э-э-э… Сейчас я не могу вспомнить его имя. Что-то вроде скин… Эрскин, Баск, Болескин’

Цвейг и Грей уставились друг на друга поверх стола. Несмотря на жару, Цвейг почувствовал, как по коже головы и плечам пробежал холодок.

‘Думаю, это был Эрскин. В любом случае, вы могли бы легко проверить”.

Что случилось?” - Я полагаю, это было самоубийство, - сказал Грей, и в его голосе едва слышалось нетерпение.

- Предполагалось, что это самоубийство, но в нем были одна или две странности. Окно было открыто, и они заподозрили грабителя. Оружием был дробовик.

‘У нашего Альберта прекрасная память”, - сказала миссис Колбрайт. “Я часто говорила, что его нужно показывать по телевизору”.

“Что еще ты можешь вспомнить?’

Цвейг наклонился вперед и спросил:

Как звали секретаршу?”

- О, вот вы меня и поймали.

- Не могли бы вы вспомнить еще какие-нибудь подробности? - настаивал Грей.

Колбрайт, нахмурившись, уставился в стену. Он пробормотал: “Дайте-ка я посмотрю… Открытое окно… Кто-то вошел…” Но через несколько минут он сказал: “Извините, сэр Чарльз, но это было так давно, и мы на самом деле не были вовлечены. Я узнал об этом, потому что мой шурин - сводный брат моей первой жены - был сержантом полиции Мейдстона. Возможно, я вспомню об этом, если хорошенько подумаю… или это

могло бы прийти мне в голову, если бы я так усердно не старался вспомнить… Но…

Грей сказал: “Я полагаю, мы могли бы обратиться в полицию Мейдстоуна. Кто тогда был главным констеблем?”

‘ О… как его звали?.. у меня это вертелось на языке … Он был шотландец, Макферсон, вот и все. Но, держу пари, он много лет назад вышел на пенсию. Скорее всего, он мертв.

Вы не будете очень возражать, если я воспользуюсь вашим телефоном?

- Конечно. Но не обращайте внимания, если я скажу, что вам, наверное , лучше отложить это до Рождества. Это что, так срочно?

Мы не знаем. Мой друг Цвейг расскажет вам об этом, пока Я пытаюсь дозвониться до Мейдстоуна. Не могли бы вы показать мне телефон?

Цвейг попытался вкратце объяснить, но из-за волнения и неуверенности рассказ получился бессвязным. Несмотря на это, миссис Колбрайт слушала с напряженным вниманием и периодически кивала, подбадривая его. Цвейгу все время хотелось оказаться в соседней комнате, рядом с Греем; это напряжение казалось ему невыносимым. Он хотел спросить, есть ли у них внутренний телефон телефона в доме не было, но посчитал, что это было бы невежливо.

Колбрайт слушал, не проявляя никакой реакции и не комментируя, даже когда рассказ Цвейга терялся в двусмысленностях. Но когда Цвейг сказал: “Итак, вы видите, если вы правы, и Густав Нойманн был секретарем в этом деле Мейд Стоун…”, он присвистнул и сказал: “Вот это да”. Он протянул руку и снова взял фотографию. Но, уставившись на него, я ничего не понял. пытаясь утвердиться в своем мнении.

Миссис Колбрайт не смогла уловить подтекст последнего взгляда Цвейга на Густава Неймана. Она сказала:

- Но разве нет закона, по которому вы не можете судить человека за убийство , совершенное более двадцати лет назад?

Кобрайт сказал: “Если мы не сможем его найти, у нас может появиться что-то более свежее’.

По какой-то причине Цвейга успокоило то, что Колбрайт употребил слово “мы”; это, казалось, делало все более определенным. В то же время он впервые осознал, что это может оказаться охотой за убийством.

Они услышали, как звякнул телефонный звонок , когда положили трубку. Когда Грей вернулся, он выглядел довольным.

- Это была удача. Дежурный сержант служил под началом Макферсона.’

Цвейг был так обрадован, что схватил своего друга за руку. Он

там было очень холодно; очевидно, соседняя комната не отапливалась.

‘ И какие же новости? ’ спросил он.

Грей наклонился, протянув руки к огню. Он принял от Колбрайта вторую порцию виски.

- Не так много, как хотелось бы. Макферсон умер в начале этого года. Сержант на самом деле не участвовал в расследовании — в то время он был в патруле, - но он знал некоторые подробности. Старик, Бенскин…

“Вот и все!’ - Спросил Колбрайт.

- …приехал из-за границы со своим личным секретарем. Очевидно , он был либо энтомологом, либо лепидоптерологом - сержант не был уверен, кем именно. Он был болен, когда приехал, и большую часть времени проводил в постели. Секретарь сказал людям, что он страдает от последствий малярии. Однажды вечером секретарь вышел, чтобы взять у врача какое-то специальное лекарство — в нем был наркотик - и когда он вернулся, старик лежал мертвый на полу в столовой. Они предположили, что он услышал шум и спустился вниз, чтобы разобраться, в чем дело, прихватив с собой дробовик пушка. Грабитель, должно быть, схватил его и выстрелил в лицо…

Вот и все, - сказал Колбрайт. - А теперь верни все обратно. И они не смогли найти никаких следов взлома. Я помню! Это было что-то о садовнике. Сначала полиция подумала, что грабитель, должно быть, проник в дом через боковую калитку, которая вела в сад за домом, но садовник сказал, что он установил там что-то вроде охранной сигнализации, потому что в этом районе было много краж со взломом. И по какой-то причине я не могу вспомнить, по какой именно, они знали, что он вошел не через парадные ворота, поэтому предположили, что это сделал секретарь и попытался обеспечить себе алиби. Что же произошло потом

‘Был арестован местный грабитель, - сказал сэр Чарльз, - и ему удалось доказать, что его и близко не было к дому. Но он признался в других кражах со взломом.”

“Вот и все. Но разве тогда они не арестовали секретаря?’

“По-видимому, нет. Вскрытие показало, что смерть наступила,

когда секретаря не было дома/ (Т.е. он был не в состоянии больше сдерживать свое волнение: Этот секретарь… у кого-нибудь есть его описание?'

'Он был похож на вашу фотографию", - сказал Колбрайт.

Да, но был ли он иностранцем? Как его звали?"

48

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ.

Грей покачал головой. - Этого ему выяснить не удалось. Сержант перезвонит мне, если сможет что-нибудь выяснить по этому поводу. Он не смог вспомнить имя'

Цвейг опустился на стул, тяжело дыша.

- А, так мы все еще ничего не знаем, совсем ничего.

Они все сидели и теперь смотрели друг на друга. Госпожа - спросил Колбрайт:

- А ты не мог бы съездить в Мейдстоун? Должно же быть какое-то тело, у которого были бы все подробности.'

Грей пожал плечами: 'Мы можем узнать подробности из полицейских архивов. У меня не возникло бы никаких трудностей, если бы я по-прежнему занимал официальную должность. А так я выбит из колеи. Все это может оказаться мыльным пузырем. У нас нет ничего достоверного — только догадки. Если бы я все еще служил в полиции, я бы отправил пару человек в Мейдстоун, чтобы выяснить все, что можно, и тогда Я бы связался с Интерполом по поводу дела в Ментоне — может, удастся связать эти два события, может, полиции Цюриха что-нибудь известно о местонахождении Ноймана во время войны. Но нас только двое…'

- Три, - сказала миссис Колбрайт, лучезарно улыбаясь мужу.

Что ж, это очень любезно с вашей стороны, но даже с учетом трех

больших вопросов тион остается … Неужели мы испортим себе Рождество, гоняясь за муром человек, которого, возможно, и не существует?’5

Миссис Колбрайт оценила силу этого аргумента и помрачнела.

Неужели это не могло подождать?.. Я имею в виду, до конца Рождества? Неужели на Рождество мало что можно сделать?’

Помолчав, Цвейг сказал: ‘Я склонен согласиться’.

Грей медленно произнес: “С другой стороны, если бы я подошел к Немедленно отправляйтесь в Скотленд-Ярд, мы могли бы нанять нескольких человек, чтобы они занялись поисками вашего друга Неймана на Рождество.’

Часы на полке громко пробили одиннадцать . Цвейгу захотелось домой, в постель, но он постеснялся признаться в этом. От жары в комнате у него отяжелели веки. Он чувствовал себя бесполезным и беспомощным; это была раздражающая ситуация, тайна, которая могла и не быть тайной, и он ничего не мог сделать , чтобы разрешить возникшую неопределенность. Он переводил взгляд с Колбрайта на Грея, с мужчин на миссис Колбрайт и решил предложить отправиться домой. Но когда он открыл рот, чтобы заговорить, ему в голову пришла другая мысль, и он услышал, как спрашивает Колбрайта::

Где вы видели фотографию частной медсестры?’

49

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

- Э-э-э….. дай-ка подумать. Он наклонил голову, уткнув подбородок в грудь и схватившись за затылок. ‘ Это могла быть газета.

Грей выглядел заинтересованным.

- Эта история была опубликована в национальной прессе?

- Не совсем. Если мне не изменяет память, после первого дня это не произвело особого впечатления.

- Но в каких газетах это было опубликовано?

‘ Дайте подумать…. Раньше я брал “Мейл” и “Кроникл”. Но потом парень, с которым я работал, узнал об этом. Так что это мог быть любой из них. С другой стороны, возможно, я вообще не видел этого в газете. Возможно, мой шурин показал мне фотографию.’

- В любом случае, попробовать стоит, - сказал Грей. Он посмотрел на часы. - Послушайте, мы не хотим вас задерживать, поэтому давайте я вызову такси, и мы поедем ко мне домой.

- Или ко мне, - с надеждой сказал Цвейг.

Грей встал. - Я вызову такси, и пока мы будем ждать, Я попробую позвонить своему другу из Новостей - он работает ночным ассистентом.’

Когда десять минут спустя Грей вернулся в комнату, Цвейг дремал в кресле. Миссис Колбрайт ушла готовить, а Колбрайта позвали наверх , чтобы он унял перепалку между детьми. Раздался звонок в дверь, и Грей сказал: “Хорошо, это, должно быть, такси”. Он пошел открывать, а Цвейг встряхнулся и неохотно проснулся. Холодный ветер ворвался в комнату через открытую входную дверь. Вошел Колбрайт, и Цвейг пожал ему руку, но не смог вспомнить его имени. Грей сказал: “Это наше такси”. Альберт, пожелай своей жене спокойной ночи от нашего имени. Не беспокойте ее…’

‘Есть какие-нибудь новости?”

“Пока нет”. Моего друга там не было, но мне удалось… уговорить кого-нибудь заглянуть в файлы. К сожалению, я не знаю точной даты убийства. Где-то в начале октября , не так ли?”

- А, я могу вам рассказать. Должно быть, это было накануне Дня Святого Михаила, потому что Тед - мой шурин - всегда дарил жене ромашки на День Святого Михаила.’ Он открыл ящик письменного стола и достал оттуда дневник. - Должно быть, это было двадцать восьмого сентября или около того.

‘Великолепно. Какая у тебя память! Жаль, что я не знал этого пять минут назад. Неважно. Я позвоню еще раз из своего дома.

Они вышли на морозный ночной воздух. Цвейг упал, дрожа Усевшись на сиденье такси, Инг закрыл глаза и осознал , сколько он выпил с семи часов вечера. Водитель спросил адрес, и он, не задумываясь, назвал свой. Грей забрался внутрь и захлопнул дверцу. Цвейг позавидовал его живости. Колеса такси завертелись в снегу, их занесло, затем они застряли. Водитель обернулся и спросил. “В каком конце Кларджес-стрит?’

“Только не на Кларджес-стрит!’ Сказал Грей. Он остановился и посмотрел на Цвейга. - По крайней мере, если только…

Цвейгу стало не по себе. - Я чувствую себя очень усталой, но если ты думаешь Я могу быть полезен…?

‘ Найтсбридж, - сказал Грей водителю. - Прямо за Виллой. тон’Плейс. Он повернулся к Цвейгу. - Зайдите на минутку, и давайте выясним, ждет ли нас какая-нибудь информация. Я сомневаюсь, что она будет. У них небольшой штат сотрудников на Новости.” 1

Цвейг отбросил усталость и провел рукой по холодным щекам.

‘Конечно. В сложившихся обстоятельствах это меньшее, что я могу сделать’.

- Видишь ли, Карл, вполне возможно, что Сид Хопкинс - мой друг - мог найти фотографию секретарши. Если бы он это сделал, Я бы хотел, чтобы ты немедленно взглянул на нее. Ты понимаешь почему, не так ли? Если это ваш друг Нойман, я сочту оправданным позвонить помощнику комиссара полиции сегодня вечером и начать расследование убийства’

‘ Конечно. Я понимаю.’ Но сердце Цвейга сжималось от усталости при мысли о том, что ему придется добираться до Флит-стрит на такси. Он больше не верил в то, что они делали; его слегка озадачивал энтузиазм Грея.

Столовая Грея была пуста; в гостиной огонь в камине почти погас. - Эдна, должно быть, легла спать, - сказал Грей. Он подбросил полено в огонь и раздул мехи.

Цвейг зачарованно наблюдал, как нижняя сторона наполовину обгоревшего полена вспыхнула красным, а затем загорелась, и в то же время понял, что этот интерес был результатом истощенного внимания. Он закрыл глаза и откинулся на подушки, которые ласкали его затылок и шею. Грей вышел из комнаты, затем вернулся; Цвейг не открывал глаз, предпочитая

что Грей подумает, что он спит. Он мог видеть отблески пламени сквозь закрытые веки. Грей подбросил в огонь еще поленьев , аккуратно разложив их на случай, если он потревожит своего друга. Затем Цвейг притворился, что спит, и впал в беспамятство, и спал он еще крепче, потому что какая-то часть его сознания все еще ожидала пробуждения.

Ему приснилось, что он играет в шахматы с Густавом Ной Манн. Нойманну было семнадцать лет. Затем шахматная доска каким-то образом превратилась в пол с большими квадратами, а он и Нойман - в шахматные фигуры, стоящие на противоположных концах лицом друг к другу. Цвейг был не только шахматной фигурой, но и возвышался над доской, глядя на нее сверху вниз. Доска была не полом комнаты, а частью длинного овального участка. Но стен не было; овал был очерчен полосами прозрачного серого тумана, похожего на серый хрусталь. Когда Цвейг присмотрелся к этому туману повнимательнее, он увидел, что служило тому, что ничто не мешало ей течь вперед и покрывать пол и шахматную доску; она кружилась небольшими вихрями и иногда, казалось, слегка отступала; в противном случае ее могла бы задержать стеклянная стена.

Цвейг проснулся и на мгновение подумал, что Грей, сиди В кресле напротив сидел Густав Нойманн. Грей заметил его движение и поднял голову, улыбаясь.

- Пока нет никаких известий. Я не могу понять, что произошло. Хотите, я закажу вам такси?”

Цвейг покачал головой и уставился на огонь в камине, затем на часы. Он проспал полчаса; было уже за полночь. Он хотел рассказать Грею о своем сне, но был слишком ленив, чтобы говорить. Вместо этого он задумался об этом и о странном чувстве значимости, которое охватило его во сне. Грей сказал бы: “Но ты просто думал о себе как о противнике Неймана, играя с ним в шахматы”, и это была наименее важная часть сна. Что у него было на него снизошло озарение, когда он посмотрел на

стены тумана. Снаружи не было ничего, ни смысла, ни ценностей; здесь были правила, правила игры; и игра велась на небольшом участке кажущейся нормальности и реальности, окруженном туманом.

Зазвонил телефон. Грей вскочил со словами: “А, наконец-то”. Он поднял трубку и назвал свой номер. Цвейг, внезапно проснувшись, внимательно прислушался.

‘А, Сидни… О, это не Сидни. Робин Дэвис, конечно же

S3

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

Я помню тебя. Что происходит? … Я понимаю. Мне жаль , что я доставляю вам столько хлопот, но это важно. Если есть какой-то В нем есть история, я прослежу, чтобы ты получил ее первым… Да. Что бы вы хотели, чтобы мы сделали? Подойдите к нам? … Вы можете? Конечно Когда? … Вы уверены, что это не доставит вам хлопот? Нет. Это очень любезно с вашей стороны…

Он положил трубку.

‘Он сейчас же приедет сюда. Он привезет картину”.

Цвейг, обрадованный тем, что его не пригласили на Флит-стрит, сказал::

“Потрясающе! Как вам удалось его уговорить?’

“Мне не пришлось этого делать. Он говорит, что направляется домой. По правилам, выносить библиотечные вырезки из офиса строго запрещено, но Я думаю, он надеется на статью’

“Но у него была фотография?’

‘Да. Он говорит, что у него есть довольно хорошая фотография частной медсестры, которую, кстати, звали Бернстайн.

Волнение Цвейга внезапно усилилось. Через несколько минут фотография будет у него в руках, и он будет знать наверняка. Теперь казалось, что фотография решит все. Если это был не

Густав Нойман, то Ной… манн не был убийцей, а остальные доказательства были совпадением, несчастным случаем. Затем Цвейг с неожиданной ясностью увидел себя с газетной фотографией Густава Нойманна, и его словно окатили холодной водой. Он сказал:

‘Чарльз… предположим, это Густав? Что ты будешь делать?’

Грей пожал плечами. - Мне остается сделать только одно. Немедленно предоставьте всю информацию полиции и начните розыск убийцы.’

- Сегодня вечером?

- Боюсь, что так. Не было бы места сомнениям, что Неу манн - убийца. По крайней мере, не в моем воображении. А как насчет вас?

- Конечно, - сказал Цвейг бесстрастным голосом. Он представлял себе рождественское утро, проведенное в Скотленд-Ярде, когда он повторял свою историю.

- Как насчет того, чтобы выпить напоследок? - спросил Грей.

Цвейг встал. - Спасибо. Я выпью большую порцию бренди.

‘ Отличная идея. Я тоже. А пока нам лучше решить , что сказать нашему другу из прессы.

- Это имеет значение?

- Не на данном этапе. Он ничего не напечатает, пока мы ему не скажем.

53

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

Но если они сами начнут расследовать эту историю, это может вызвать неловкость. Нойманн может решить исчезнуть.

“Тогда давайте скажем ему…”

Звонок в дверь прервал его. Сказал Грей:

“Он чертовски сообразительный’.

Мгновение спустя Грей вернулся в комнату в сопровождении молодого человека, чей плащ был запорошен снегом.

- Робин Дэвис, это профессор Карл Цвейг.

‘ Здравствуйте, сэр. Я, конечно, знаю вас в лицо.

- Дай-ка я надену твое пальто, Робин. Не хочешь ли чего-нибудь выпить ? Попробуй этот бренди - это особый португальский бренди?

У молодого человека было пухлое добродушное лицо и застенчивая манера говорить, он слегка заикался.

- Это очень любезно с вашей стороны, сэр Чарльз. Я бы с удовольствием.

- Напротив, мой дорогой Робин, это очень любезно с вашей стороны - взять на себя все эти хлопоты в канун Рождества… Рождество. Ты уже поел? Могу я сделать тебе сэндвич?”

‘Нет, нет, правда, спасибо. Я уже еду домой. Я сказал жене, что постараюсь вернуться пораньше’.

“Где ты был до сих пор?’

‘В Сент-Олбансе. Это тело в деле Ривер. Муж признался несколько часов назад.

- Это действительно был он? Значит, это был муж…

Дэвис сделал глоток бренди, сделал глоток с закрытыми глазами , а затем сказал более бодро:

- А, это бренди. Он протянул руки к огню. Цвейг откашлялся и сказал:

“Простите, но фотография…”

“О, мне так жаль. Она у меня в пальто”.

Цвейг вздрогнул. Он боялся, что у него будут дрожать руки , когда он будет делать снимок. Грей, чувствуя напряжение, налил себе еще бренди и небрежно спросил::

“Сид дал вам какое-нибудь представление о том, что все это значит?”

‘Немного. По правде говоря, когда я вошел, мне было так холодно и сыро , что я не очень внимательно слушал. Он протянул длинный конверт, на котором было написано: “Дело Бенскина, 28 сентября”., 1938.’ К облегчению Цвейга, Грей взял его и сел на диван. Он вытряхнул содержимое и разгладил его. Цвейг стоял, оглядываясь через плечо. Грей сказал::

- Вот и ты. Это он?

Цвейг, не веря своим глазам, смотрел на бородатое лицо, фотографию-

НЕОБХОДИМОЕ СОМНЕНИЕ изображено в виде полупрофиля.

‘Я … Я не понимаю. У Густава не было бороды.

Он смотрел на нее беспомощно, безучастно, как до этого смотрел на горящие поленья, его мозг категорически отвергал это; он почувствовал огромное облегчение, когда Грей сказал:

‘Очевидно, он мог отрастить бороду по такому случаю. Но похож ли он на Неймана? Можете ли вы сказать?”

Это была хорошая фотография, хотя бумага пожелтела по краям. Но для Цвейга это могло быть изображение человека в капюшоне, как у члена Ку-клукс-клана. Глаза не смотрели в камеру; на мужчине была мягкая фетровая шляпа. Цвейг подозревал, что сам он не хотел признавать это, чтобы избежать неизбежных осложнений, которые могли бы последовать, поэтому ему было неловко признаваться, что фотография ничего для него не значит.

‘Давайте взглянем на вашу фотографию Нойманна’, - сказал Грей. Они поставили их рядом. Грей пробормотал: ‘Может быть”. Он

посмотрел на Цвейга. “Что ты об этом думаешь, Карл?”

‘Я не знаю. Я просто не знаю. Я не думаю, что это так… но я не думаю, что это не так. Я просто не могу сказать наверняка.

Робко подошел Робин Дэвис. Он сказал:

“Вы не возражаете… или это строго конфиденциально?’

‘Вовсе нет. В конце концов, вы принесли фотографию”.

Дэвис уставился на две фотографии. Он сказал:

“Я бы сказал, что это один и тот же человек… но с оговоркой, что я могу ошибаться”.

Он взял конверт, заглянул внутрь и встряхнул его. Оттуда выпала тонкая, сложенная пополам вырезка. Грей нетерпеливо развернул его, но на фотографии был всего лишь пожилой мужчина с абсолютно лысой головой. Подпись гласила: “Уолтер Бенскин, снимок сделан за несколько дней до его убийства’. Вырезка была сделана через несколько дней после убийства; в ней упоминалось, что коллекция редких ночных бабочек Бенскина оценивалась в несколько тысяч фунтов, и высказывались предположения, не надеялся ли грабитель украсть ее. Больше в доме не было ничего ценного.

Дэвис сказал: “Он уже выглядит мертвым, не так ли?” Это было правдой; возможно, именно газетная фотография придавала лицу старика безжизненный вид. Цвейг поймал себя на том, что не в силах отвести взгляд от этого лица, и задался вопросом, не показалось ли это его воображению лицом обреченной жертвы.

55

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

Что это за история? - спросил Дэвис. - Или это секрет?

- На самом деле нет. Если этот человек и тот, другой - одно и то же лицо, то он , вероятно, убийца.

‘ А если нет?

‘Тогда вероятность этого значительно снижается”.

‘Что это за убийца?”

“Тот, кто убивает стариков ради денег”.

“Звучит потрясающе’.

‘Не волнуйтесь. Если что-то покажется очевидным, вы узнаете это первым”.

Цвейг прочитал статью, в которой описывалась смерть Уолтер Бенскин. Заголовок гласил: “Мужчина погиб в смертельной схватке с грабителем”. В нем содержалось несколько деталей, которых он еще не знал. Бенскин вернулся из Южной Америки за месяц до своей смерти; Мейдстоун-хаус достался ему в наследство от брата, который умер, когда он был в Америке.

Грей оглянулся через плечо. Он сказал:

‘Судя по тексту этого отчета, Бернстайн была скорее секретарем, чем медсестрой”.

Грей сказал: “Похоже, после Рождества мне придется съездить в Мейдстоун и посмотреть, что я смогу выяснить. Я хотел бы узнать о национальности секретаря.

“В Густаве есть одна особенность”, - сказал Цвейг. ‘Он был прекрасным лингвистом. Он прекрасно говорил по-французски и по-итальянски. Возможно, не было очевидно, что он не англичанин’.

- Это стоит иметь в виду. Но полиция, должно быть , попросила предъявить его документы, паспорт и так далее.

Дэвис сказал: “Что ж, джентльмены, если вы увидели все, что хотели, я, пожалуй, пойду”. Боюсь, мне придется забрать эти вырезки с собой”.

“Вовсе нет. Не думаю, что они нам еще понадобятся. Кстати, я удивлен, что у этой истории нет продолжения”.

‘Я не знаю. Конечно, он мог затеряться. С другой стороны… - Он подавил зевок. - Извините… С другой стороны, возможно , не было никаких дальнейших действий’

Он надел пальто.

‘Профессор, могу я вас подвезти куда-нибудь?”

“Нет, спасибо. Я живу всего в ста ярдах отсюда’.

Когда Дэвис ушел, Цвейг потянулся за своим пальто.

“Итак, доказательств нет. И, боюсь, я впустую потратил ваш вечер.

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

Грей сказал: ‘Я не уверен. Видите ли, мне показалось, что я уже видел эту фотографию Неймана раньше. И Колбрайт сразу подумал, что это секретарь по делу Мейдстоуна

“.

‘Это правда. Интересно, почему?

- Интересно… Видите ли, у Колбрайта необыкновенная память на лица. Он был одним из лучших специалистов по уголовным делам; он часто мог опознать разыскиваемого человека просто по плохой фотографии или описанию. Так что либо он увидел фотографию секретаря без бороды, либо он увидел другую фотографию граф, с бородой, которая гораздо больше походила на вашу фотографию Неймана’

“Вы думаете, это возможно?”

‘Да. Если вы заметили, эта газетная фотография была сделана с наихудшего ракурса. Очевидно, фотограф слегка приседал, поэтому борода видна из-под нее и выглядит довольно заметной. Даже если бы это была совсем небольшая бородка - возможно, всего двухнедельная, - под таким углом она выглядела бы заметной. Если бы фотография была сделана сверху или так, чтобы мужчина смотрел вниз, это могло бы быть почти незаметно.’

Цвейг устал; слова Грея лились мимо его ушей потоком звуков. Он думал: ‘Я старею. Я проснулся на несколько часов позже обычного времени отхода ко сну и чувствую себя измотанным’. Он сказал: “Мне нужно идти, Чарльз. Я с трудом удерживаюсь от того, чтобы не заснуть”.

‘Я пройдусь с тобой. Или ты хочешь взять такси?’

‘Нет. Прогулка меня разбудит”.

Снегопад прекратился, и воздух был ледяным. Несмотря на протесты Цвейга, Грей пошел с ним. Но ветер был таким холодным, что разговаривать было невозможно. При каждом шаге под их ногами хрустела ледяная корка, которая образовывалась на снегу. Раскинувшийся перед ними уголок Гайд-парка выглядел странно красивым в своей безлюдности и заставил Цвейга с ностальгией вспомнить о Бранденбургских воротах в Берлине. Холод пронизывал насквозь.Безразличие Цвейга, но лишь в той степени, в какой это было возможно. он с удовольствием думал о теплой постели и электрическом одеяле. Было утомительно, что ему приходилось вставать довольно рано, чтобы ехать в Хэмпстед; возможно, он смог бы поспать до одиннадцати часов и поспеть туда к ленчу.

В конце Кларджес-стрит он сказал::

“Мой дорогой Чарльз, я действительно настаиваю, чтобы ты сейчас же вернулся пешком.

57

НЕОБХОДИМЫЕ СОМНЕНИЯ

Я не собираюсь падать и ломать себе шею на последних двадцати ярдах. Спасибо вам за чудесный вечер и, пожалуйста , поблагодарите вашу жену. Если я понадоблюсь вам завтра, у вас есть номер телефона моей сестры в Хэмпстеде. Я, вероятно , вернусь завтра поздно вечером.

- Счастливого Рождества. А я тем временем попытаюсь связаться с полицией Мейдстоуна’

Когда он вошел в квартиру, часы пробили час. Он вспомнил, что вышел из квартиры менее шести часов назад, чтобы пойти в клуб; казалось, это было так давно.

Прежде чем снять пальто, он наполнил водой электрический чайник и включил его в розетку; грелка появилась первой. Затем он повесил свое пальто и пиджак на вешалки и повесил их в шкаф в своей спальне. Он достал фотографии из внутреннего кармана и отнес их в свой кабинет, где все было готово. задница по-прежнему лежала на столе, и я аккуратно вставил ее на место. Он долго смотрел на фотографию Густава Неймана, затем вернулся к предыдущей странице и посмотрел на фотографию график Неймана в возрасте шести лет, сидящего на коленях у матери . Мать и дитя были удивительно похожи: две смуглые в объектив камеры смотрят чувственные лица с открытыми глазами. Цвейг встречался с ней несколько раз в последний год ее жизни; он запомнил ее как нежную женщину, страстно любившую песни Хьюго Вольфа и Роберта Франца. Как могло случиться, что ее сын оказался убийцей? Он снова подумал о фотографии бородатого секретаря, затем взглянул на серьезное детское личико и внезапно задумался, что могло заставить его заподозрить неладное Густав Нойманн, обвиняемый в многочисленных убийствах.

Он взял альбом под мышку и лег в постель комната. Влага , скопившаяся на внутренней стороне окна , превратилась в иней; он все время царапал его пальцами . Эта спальня была самой теплой комнатой в квартире, так как через нее проходили трубы с горячей водой из ванной. Он не медленно одевался и наслаждался тем, что снова оказался в своей комнате, снова независимый.

Обычно он читал несколько минут, прежде чем выключить свет; сегодня вечером он снова открыл альбом с фотографиями и перелистал страницы. Глядя на свою фотографию в военной форме, ему вдруг показалось невероятным, что теперь он старик, которому, возможно, осталось жить всего десять лет . Сорок лет пролетели как сон, оставив после себя так мало

позади; немного воспоминаний, немного достижений - и впереди стена тумана, такая же непостижимая, как и его начало. Он подумал: странно, как меняется мое ощущение реальности. В юности все кажется слишком реальным; ближе к концу уже ничто не кажется реальным.

Он лениво переворачивал страницы, больше не интересуясь фотографиями. Альбом раскрылся на форзаце. Там в кармашке из плотной бумаги лежали фотографии, которые были смяты или повреждены, а также несколько фотографий, которые показались ему достаточно интересными, чтобы сохранить, но недостаточно интересными, чтобы наклеить на них ярлыки и вставить в папку. Одна из них привлекла его внимание. На нем было запечатлено около дюжины мужчин, сидящих за обеденным столом, все в официальной одежде. Алоис Нейман был далеко от камеры, и его с трудом можно было узнать. Это была фотография, подаренная ему Нейманом; он даже не был уверен, что это должно было быть, хотя смутно помнил, что это был либо гражданский банкет, либо заседание общества хирургов. Его собственного лица на фотографии не было, и он не узнал никого из присутствующих.

И все же одно лицо показалось ему знакомым, и именно оно заставило его пристально вглядеться в фотографию. Это был мужчина , сидевший рядом с Алоизом Нейманом. Когда он взглянул на нее, семья неприятие исчезло, и он осознал, насколько плоха фотография; но, находясь на расстоянии, она снова встревожила его память ори. Мужчина казался человеком средних лет и почти лысым; веки, насколько можно было судить, были большими и опущенными. У Цвейга была теория, что память работает на определенном электричестве, вырабатываемом клетками мозга, и что, если воспоминания находятся глубоко под водой, потребуется значительный заряд , чтобы вытащить их на поверхность. Он сказал вслух: “Батарейка села”, - и выключил прикроватную лампу. Это было неважно, и он очень устал.

Он уже почти засыпал, когда ему показалось, что на фотографии появилось еще одно лицо. оно наложилось на изображение. Он открыл глаза и долго лежал, не в силах заснуть, уставившись в темноту. Затем он сел в постели, включил свет и снова открыл альбом. К нему вернулось лицо. Всего час назад он увидел его на фотографии в газете: это было лицо старика, убитого в Мейдстоуне, Уолтера Бенскина.

И все же, когда на него упал свет, он снова почувствовал неуверенность. Если этот человек, сидевший рядом с Алоизом Нейманом, был Уолтером Бенскином, то Грею следует немедленно сообщить об этом. Но как он мог быть

уверен? Он устал; ночь была холодная, а его спальня была самой теплой комнатой в квартире. Он рассуждал сам с собой , глядя на окно. изображение. Газетные фотографии - это не достоверный, а размытый снимок двадцатипятилетней давности , безусловно, ненадежен. Более того, репортер к этому времени уже вернулся домой с газетными вырезками и, вероятно, уже лег спать. Это не было доказательством; Грей вполне мог быть раздражен тем, что его разбудили в такой час….

Он лег и выключил свет. Он подумал: “Это абсурд, меня клонит в сон”, а потом понял, что ему вовсе не хочется спать. Вместо этого он смотрел в темноту и думал: “Итак Густав - убийца. Он был удивлен, что эта мысль про Он испытывал возбуждение, близкое к удовольствию. Он задавался вопросом:: почему я должен радоваться, если Густав - убийца? Достаточно ли я стар , чтобы радоваться этому возбуждению? Нет. Цвейг подумал о нескольких делах об убийствах, в которых он был личным экспертом . В Калифорнии жил человек, который убил свою жену и поджег дом; но он был истериком. И Цвейг сопровождал Алоиза Неймана, чтобы допросить Хаарманна, ганноверского мясника; его оттолкнули дегенеративность этого человека, его определенная крестьянская хитрость. Что касается Киртена … Все убийцы таковы… Он мысленно поискал нужную фразу и нашел ее. Жертвы собственного преступления. Кто это сказал? Алоис? Нет, это был Густав, который говорил в тот последний вечер , который они провели вместе. Когда Цвейг описывал этот вечер серым, Густав Нойманн был расплывчатым лицом, вызванным усилием памяти. Теперь он стал явью, такой отчетливой, как если бы Цвейг открыл глаза и обнаружил его стоящим в комнате. Даже его голос был воспроизведен с точностью граммофонной

пластинки: “Такой убийца, как Киртен, стал жертвой своего собственного преступления. Ужас этого деяния заключается в смешении убийцы и жертвы. Но можете ли вы представить себе убийцу, который остается в стороне от своих действий? Не будет ли это последним проявлением свободной воли - убивать без всякого участия? ’

И все же именно потому, что Нойман умел выражать свои мысли с такой ясностью, Цвейг не мог поверить, что он способен на убийство. Человек, который мог посвятить свою жизнь убийству стариков ради их денег, сам, должно быть, был глупцом и жертвой. Было ли это источником удовольствия Цвейга - мысль о том, что Нойманн тоже был одним из побежденных? Или, возможно, это был

какая надежда?

Он больше не думал всерьез о том, чтобы позвонить Грею. И воспоминания об Алоизе Нойманне теперь уносили его далеко от настоящего, пока ощущение комфорта не погрузило его в сон. Во сне он был в отпуске в Берлине в 1917 году; стоял серый, холодный февральский день, и они с Алоизом Нейманом нашли кафе, где можно было купить шнапс. Это было дорого и почти наверняка разбавлено; но они говорили о будущем, о Германии, которая возникнет после победы, и о своей роли в этом, и не испытывали ничего, кроме оптимизма и ощущения приближающейся победы. Он собирался стать величайшим немецким человек мыслящий со времен Канта; Нейман разрабатывал теории о связи силы воли с мозгом, которые произвели революцию в психологии. И Нойманн, разливая по бокалам остатки шнапса, сказал: “Странно, что мы собрались здесь вместе. Но великие люди всех эпох собираются вместе…’

Он наполовину проснулся и вспомнил, что это было сорок лет назад. Чувство потери душило его, стало невыносимым и исчезло, когда он обнаружил, что лежит в постели. Он подумал: “Странно,

что горе в жизни переносится легче, чем горе во сне". Затем мысли о Густаве Ноймане вернулись к нему, и он впервые увидел все в перспективе. Как он мог смириться с тем, что отправил его в тюрьму? минимумы? Как же так получилось, что теперь все оказалось в руках Грея? Очевидно, потому, что пять часов назад он не верил Густав Нойманн - убийца. Теперь он понял, почему не связался с Греем, как только обнаружил фотографию человека, похожего на Уолтера Бенскина. Это была не усталость или лень, а инстинктивная преданность Алоизу и Густаву Нейманам.

Теперь он испытывал сожаление; сожаление о том, что не выскочил из такси и не подошел к Нойману у отеля "Чешем"; сожаление о том, что рассказал эту историю Грею. Но тогда, если бы он не говорил Серый, теперь он не будет уверен, что Густав Нейман был есть … Его разум отвергал слово, прежде чем приговор был ком завершена. Он ни в чем не был уверен - даже в том, что человеком , стоявшим возле "Чешема", был Густав Нойманн. Вся его цепочка доказательств еще может оказаться бумажной цепочкой. Было ясно только одно: он должен найти какой-то способ связаться с Густав Нойманн. А потом? И затем… На этот раз сон пришел так внезапно, что он не осознавал этого, пока не проснулся

61

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

и увидел, что сквозь заиндевелые стекла просачивается серый дневной свет.

Кто-то постучал; прежде чем он успел прийти в себя настолько , чтобы крикнуть "Войдите", вошел Грей, подталкивая официанта с кофе.

- Доброе утро, Карл. Как спалось?

- Очень хорошо, - сказал Цвейг. Его первая мысль была о фотографии альбом с графиками лежал на соседнем столе, но было уже слишком поздно закрывать его. - Который сейчас час? - спросил я.

- После одиннадцати. Я только что из Чешема.

Цвейг выпрямился и провел ладонью по щетине на подбородке.

- Какие новости?

- Боюсь, никаких. Я разговаривал с тем же швейцаром, который останавливал такси. Он сказал, что не знает таксиста и не может восстановить номер.'

Он наливал кофе в две чашки. Цвейг, испытывая некоторое как стыдно было оказаться в постели, накинуть халат и зажечь газовый камин.

- Почему бы тебе не перейти в другую комнату?

- Я еще не проснулся, - сказал Цвейг, протирая глаза. Затем, снова собирая альбом, он сказал: "Тем не менее, мы можем пойти'. Но прежде чем он успел встать, Грей сказал:

'Это тот самый альбом, не так ли? Там есть еще фотографии Неймана ?"

'Несколько'. Врать не было смысла.

"Можно взглянуть?" Грей уже держал альбом в руках. Цвейг добавил в свой кофе сахар и сливки, сказав: "Здесь нет ничего" , что могло бы помочь". Он сел в кресло у камина и уставился на раскаленные элементы, стараясь не смотреть на Грея. Через мгновение он услышал, как Грей поставил альбом на место.

- У меня есть еще одна новость, - сказал Грей. ' Я не думаю, что Нойманн мог бы быть секретарем по делу Мейдстоуна.'

- Что? Как это?'

- Я разговаривал по телефону с Эдвином Стивенсом, который вел это дело. Он говорит мне, что, по его мнению, Бернстайн был Шотландец, несмотря на свое имя.'

' Он был уверен?

- Более или менее. Конечно, Нейман не мог разговаривать с Шотландский акцент? Он был не так уж силен в языках, не так ли?

Цвейг медленно произнес: "Да, он был силен в языках…

но…’

‘Вполне. Не очень хорошо. Я часто слышал об иностранцах, которые говорят по-английски “как на родном”, но никогда не встречал ни одного. Твой собственный Английский, например, совершенен с грамматической точки зрения, но у вас немного взрывная манера выделять короткие слова. …’

Цвейг заинтересовался. Он гордился своим английским.

‘В каком смысле? Я приложил немало усилий, чтобы не произносить “ш” как “в”, а “в” - как “ф”.

Я не могу точно объяснить. Англичанин как-то говорит… гладко. Все слова звучат как-то взаимосвязанно. Иностранец говорит по-английски так, как будто в конце каждого слова есть небольшой барьер , который нужно преодолеть… Извините, я не совсем ясно выражаюсь

“.

‘Не совсем. Но не бери в голову. Я понимаю твою точку зрения насчет Густава. У меня есть только одно возражение. Шотландский акцент, конечно, немного похож на немецкий или итальянский?

“Так ли это?”

“Я слышал запись, на которой Карузо поет по-английски, и любой принял бы его за шотландца”.

Грей уставился в свой кофе, и Цвейг поймал себя на том, что задается вопросом: зачем он все это говорит? Грей сказал::

“Но был ли Нойманн таким уж хорошим лингвистом?” Цвейг улыбнулся и пожал плечами.

“Нет”.

“Хорошо. Потому что, честно говоря, я не верю, что секретарем был Густав Нойманн. Это был ложный след, который пустил Колбрайт’

Но разве ваш друг в полиции не попросил показать документы этого человека?

- Нет. По крайней мере, он не просил его подтвердить свою личность. Видите ли, этого Бернстайна отпустили почти сразу после задержания. На самом деле, технически говоря, он никогда не был арестован - просто работал в полицейском участке, помогая полиции. И, кстати, Эдвин Стивенс сказал мне, что он совершенно уверен, что секретарша не имеет никакого отношения к убийству. Он считает, что это был несчастный случай. Старик нервничал. Он услышал шум и бросился вниз с ружьем - и оно каким-то образом выстрелило”.

“А как насчет открытого окна?’

Стивенс говорит, что оно было открыто изнутри. Старик , вероятно, открыл его сам”.

63

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

Все время, пока Грей говорил, Цвейг думал о фотографии в кармашке на обороте альбома - фотографии, на которой жертва сидела рядом с Алоизом Нейманом. Цвейг и Грей были друзьями много лет; между ними установилась привычка к откровенности, и Цвейгу теперь было трудно от нее отказаться. Когда Грей замолчал, они оба сидели молча, попивая кофе, и Цвейг решил упомянуть о фотографии. Вместо этого он услышал свой собственный голос::

“Короче говоря, дело против Густава Ноймана закрыто?”

‘Не совсем. Я все еще думаю, что есть вероятность, что он может быть убийцей. При первой же возможности я собираюсь заполучить Шотландию Ярду следует связаться с Интерполом,

чтобы узнать, известен ли он полиции.

Он поставил чашку на поднос и встал.

- Мне пора домой. Полагаю, ты хочешь одеться. В любом случае, я решил зайти и успокоить вас насчет дела в Мейдстоуне.

Зазвонил телефон. Цвейг сказал::

“Это, должно быть, моя сестра…”

“Тогда я пойду. Я позвоню вам, если будут какие-нибудь новости”.

Цвейг проводил его до двери спальни.

- Спасибо, что позвонили, Чарльз. Вы очень добры.’

Грей быстро откланялся, понимая, что продолжает Цвейг говорит по телефону.

Цвейг сказал: ‘Привет. Кто это?

Спросил незнакомый голос:

‘Профессор Цвейг?’

“Слушаю”.

‘Вы меня не знаете. Я менеджер в “Чешеме”. Кажется, вы заходили сюда вчера вечером, спрашивали о двух посетителях…”

’ Да.

- И, как я понимаю, сегодня утром здесь снова был ваш друг. Что ж, я думаю, мы можем немного рассказать вам о них, хотя не знаю, поможет ли это вам.

Цвейг понимал, что ему следовало бы попросить менеджера подождать, пока он позовет Грея обратно наверх. Грей еще не вышел из здания. Именно в этот момент он принял решение, которое подразумевалось в его прежней сдержанности по отношению к Грею. Он сказал:

‘Одну минутку. Я буду у вас через двадцать минут. Вы еще будете там?”

‘Да, сэр. И вы также можете поговорить с секретарем. Она взяла

Я сомневаюсь в правильности заказа на ужин…”

‘Превосходно. Это действительно очень любезно с вашей стороны. Я сейчас приду’.

‘Спасибо, сэр’.

Он налил себе еще кофе и сел на кровать. Альбом лежал на подушке, и он раскрыл его, не меняя позы. Там была его фотография и Алоис Нойманн в роли солдат; снимок был сделан в Бадене в 1942 году. 1916. Это помогло ему успокоиться; это показалось ему почти предзнаменованием. Одеваясь, он тихо разговаривал сам с собой: “Нет, было бы нехорошо по отношению к Чарльзу говорить ему об этом. … Он полицейский. Это его долг. … Но Алоис и Густав были моими друзьями. ..Он вызвал такси, затем пошел на кухню и намазал маслом мацу. Он был слишком взволнован, чтобы чувствовать голод, но был достаточно взрослым , чтобы понимать, что выйти из дома без завтрака - это катастрофа. Теперь он спросил себя, почему предложил поехать в отель, и понял, что это потому, что Грей все еще находился в здании, пока менеджер разговаривал с ним. Эта попытка уклониться вызвала у него улыбку. Он без аппетита раскусил печенье и запил его холодной водой. Он был достаточно честен, чтобы понять, что его мотивы были менее похвальными , чем он хотел бы признаться Грею. В свое самооправдание он утверждал, что разрывался между старой дружбой с Густавом и своим гражданским долгом; на самом деле он разрывался между волнением от перспективы охоты на убийцу и раздражением из-за того, что это грозило отнять у него много времени . Дружеских чувств к Густаву у меня почти не было. существующий. Он всегда был слегка обижен поведением Неймана. отсутствие уважения; теперь, по прошествии двадцати пяти лет, в основном осталось раздражение. И все же волнение было не главным предлагайте поглощение человека, который втайне увлечен идеей преступления; Цвейг таким не был. Если бы Густав Нойман оказался вторым Ландрю, Цвейг был бы разочарован и опечален определен. Что его взволновало, так это перспектива, которую он

не хотел раскрывать, потому что она казалась слишком маловероятной; но она была связана с его последним разговором с Густавом Нейманом в Хайделе айсберг.

Т—с

*5

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

Управляющий узнал его, как только он вошел в вестибюль, и с улыбкой направился к нему. Это был невысокий пожилой мужчина с экспансивными манерами, за которыми, вероятно, скрывалась застенчивость.

‘Доброе утро, профессор, и счастливого Рождества. Могу я предложить вам что-нибудь выпить?”

Группа женщин, входивших в столовую , уставилась на Цвейга; он услышал, как одна из них упомянула телевидение. Такое признание обычно льстило ему, но сегодня утром оно вызвало чувство дискомфорта, как будто его ботинки были полны воды. Он отвернулся от них и сказал::

“Боюсь, я только что позавтракал… но все равно спасибо вам’.

- Нет? Даже немного шерри на Рождество? Не хотите ли зайти ко мне в кабинет на минутку?

Вслед за ними в кабинет вошла полная женщина в темно-бордовом платье . Менеджер сказал::

Это миссис Уэст, наш секретарь. Она работает с нами уже тридцать лет. Не хотите ли выпить хереса, миссис Уэст?

- Благодарю вас, мистер Гаскойн. Я не возражаю, если я это сделаю, учитывая, что это Рождество.’

Цвейг чувствовал себя неловко, стоя там, и не хотел намекать ,

что его ждет такси. Администратор взглянул на него, когда он наполнял два бокала, и Цвейг сказал:

“Тогда, может быть, совсем маленький”.

‘Хорошо. … Да, мистер Чэмберс, мой ассистент, сказал мне, что вы заходили справиться о своем друге. Но, конечно, он об этом не знал, потому что заступил на дежурство только в пять. Именно миссис Уэст ответила на телефонный звонок и заказала им ужин.

“Вы знаете их имена?” - Спросил ее Цвейг.

Не обоих. Но я знал старика. Его звали сэр Тимоти Фергюсон, шотландский баронет. До войны он регулярно приходил сюда - часто со своим отцом.

- Великолепно! - Цвейг достал свой дневник и нацарапал имя. - Вы, случайно, больше ничего о нем не знаете?

- Только то, что написано в книге “Кто есть кто”, - ответил менеджер. Он взял книгу со стола; она была уже открыта. - Вот’ пожалуйста.

Цвейг склонился над ней и быстро прочитал. ‘ Третья

НЕОБХОДИМО СОМНЕНИЯ

баронет … сын генерал-майора сэра Кельвина Фергюсон … председатель правления больницы Управления … Шотландский Корабль научные исследования строительное объединение … Перт. Перт? Разве это не в Австралия?’ География всегда была слабым местом Цвейга джект. Менеджер улыбнулся секретарше; в воображении он уже говорил своей жене: “Он спрашивает экспертов, и он даже не знает, где находится Перт!” “В Шотландии есть другой Перт , профессор”, - сказал он.

‘Конечно, конечно, теперь я это понимаю. Я не ношу очков для чтения…” - Цвейг переписал адрес и номер телефона в свой ежедневник. “Это действительно очень полезно. Я передам по тел.

позвоните по этому номеру и узнайте, знают ли они, где он остановился. Он посмотрел на секретаршу. - Я полагаю, вы понятия не имеете, откуда он звонил?

‘ Нет, сэр. Звонила его секретарша. Разве это не тот человек , которого вы хотите найти?

- Да. Почему вы сказали “его секретарь”?

- Именно так он представился по телефону.

‘ А. Но он не сказал вам, где остановился?

- В этом не было необходимости, сэр. Он просто спросил, могут ли они заказать столик на ужин, и я согласился… Я полагаю, они, должно быть, остановились где-нибудь у друзей….

Цвейг допил свой шерри. Теперь он чувствовал себя более раскрепощенным; ему даже понравился менеджер.

“Я не могу выразить, как я благодарен вам за те хлопоты, которые вы взяли на себя”.

“Очень приятно, профессор. Я никогда не пропускаю вашу программу. Кстати, не будете ли вы так любезны подписать книгу для автографов моего племянника? Ему всего восемь лет.

Цвейг размашисто поставил свою подпись, а затем поставил свою подпись на листе бумаги, который, по словам миссис Уэст, она хотела бы подарить своему сыну на день рождения. лекция. Затем, пожав руки им обоим, он попрощался. Садясь обратно в такси, он размышлял о том, что в том, чтобы быть знаменитостью, тоже есть свои преимущества.

Час спустя, сидя на кровати своей сестры, Цвейг сделал междугородний звонок в Шотландию. Последовало долгое молчание, гудков не было, пока голос оператора не произнес: “Извините, сэр, кажется, никто не отвечает… О, извините, я отойду на минутку’.

После еще одного молчания она сказала: “Вы закончили”.

Цвейг сказал: “Здравствуйте, это резиденция сэра Тимоти Фергюсона?”

Приглушенный голос ответил, что да.

Это профессор Карл Цвейг. Я друг сэра Тимоти. Голос произнес: “Боюсь, его здесь нет”.

“Кто говорит?’

‘Это его экономка’.

(Я полагаю, что в настоящее время он в Лондоне. Вы случайно не…” - Он не в Англии, сэр, - резко перебил его голос.

Вы уверены? Как долго он отсутствовал?”

“Два месяца. Он в Кельне”.

“Тогда вы, должно быть, ошибаетесь. Вчера вечером я видел его здесь, в Лондоне ’.

Последовало молчание, затем:

“Почему вы звоните сюда?”

“Я хотел узнать, не можете ли вы сообщить мне его лондонский адрес. Он ушел прежде, чем я смог узнать его у него….”

“Но я уверен, что вы, должно быть, ошибаетесь. Сэр Тимоти всегда присылает телеграмму, прежде чем вернуться в Англию. И он…

я проведу Рождество в Лондоне - он сразу же приедет сюда.

Цвейг глубоко вздохнул и сдержался, чтобы не брякнуть-owmg: Я говорю вам… - Сказал он. - Могу заверить вас, что сэр Тимоти в данный момент находится в Лондоне. У вас есть какие-нибудь предположения , где он может остановиться?

Она попросила его подождать; он ждал, казалось, целую вечность минут, и дважды прозвучали гудки. Оператор подошел к линии один раз, чтобы спросить: “Вы все еще разговариваете?” Он

крикнул:: Да, не прерывайте меня, - и оператор раздраженно ответил: “Я вас прекрасно слышу, сэр”. Последовало еще одно долгое молчание. Женский голос произнес::

Извините, что я так долго не появлялась. Я не смогла найти его адресную книгу. Сэр Тимоти, вероятно, будет в своей квартире по адресу Пелхэм, 74. Плейс, Южный Кенсингтон. Если его там нет, то, возможно , он остановился у Джозефа Атолла Гарднера на Кромвель-роуд, 200.

Она повторила адреса, и Цвейг переписал их в дневник. Он спросил, можно ли позвонить в квартиру на Пелхэм-плейс? Она дала ему номер и добавила:

‘Если вы будете с ним разговаривать, не могли бы вы попросить его позвонить мне и сообщить , что он делает? Это миссис Киркап’.

68

НЕОБХОДИМЫЕ СОМНЕНИЯ.

Цвейг пообещал и повесил трубку. Он прислонился к стене, закрыв глаза. Снаружи доносились звуки детского смеха. Цвейг поморщился. Он любил Дети Оттоли, но сегодня они были неуместны.

Дверь открылась, и вошла его сестра. Она была на пятнадцать лет моложе Цвейга; десять лет назад, до замужества, она была его экономкой. У Оттоли были те же резкие черты лица и твердый рот, что и у ее брата; ее плоские красные щеки выглядели так, словно были покрыты эмалью. Они говорили по-немецки; она все еще использовала диалект их деревни.

- Ты устал?

Немного. Они были близки слишком долго, чтобы хранить секреты. “У меня сегодня столько всего на уме”.

“Ты не можешь забыть об этом на Рождество?”

‘Нет, моя дорогая. Это серьезно. Ты помнишь Густава Ной

Манна?”

- Тот самый убийца? Она была знакома с историей Неймана еще в 1936 году; она несколько раз слышала, как Цвейг рассказывал ее в Америка; как и ее брат, она никогда не воспринимала это всерьез.

- Да, главный преступник. Возможно, он в Лондоне”.

“Хорошо. Но что в этом такого, что тебя расстраивает?”

“Со стариком”.

“И что?”

“Неужели ты не понимаешь?” ’ Он уставился на нее.

Она рассмеялась. ‘Ты же не думаешь, что он убьет этого человека?”

“Ты думаешь, это невозможно?”

Она недоверчиво уставилась на него.

“Ты серьезно?”

Он сказал, защищаясь: “Почему бы и нет?’

Потому что… - Она пожала плечами и начала собирать одежду, складывая ее в ящик стола. - Я не думала, что ты когда-нибудь по-настоящему верил в эту историю. Я имею в виду, я знаю, что это возможно. Но…

- Как ты думаешь, почему я рассказал об этом друзьям в полиции?

Потому что это хорошая история. И потому что ты хотела выдать меня замуж за того детектива’

Это оказалось правдой, и Цвейг сменил тему.

У меня есть его лондонский номер телефона. Думаю, мне лучше позвонить ему прямо сейчас.

Вы можете помешать ему, пока он будет избавляться от тела.’

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

Она вышла, когда он поднял телефонную трубку. До того, как она вошла , он не собирался звонить в квартиру на Пелхэм-плейс, но ее скептицизм вывел его из себя, “заставил его почувствовать, что он играет в детективов и теряет из виду здравый смысл. Кроме того, это не могло причинить никакого вреда. Если Нойманн действительно намеревался убить сэра Тимоти Фергюсон, тогда вмешательство Цвейга остановило бы это. И если бы все это было ошибкой, они могли бы встретиться и поговорить о старых временах.

В трубке послышались какие-то странные звуки, затем голос оператора спросил: “По какому номеру вы звоните, сэр?”

Сказал он ей.

“Боюсь, этот номер был отключен, сэр’.

“На какой срок?’

- Я не могу вам этого сказать, сэр. Вы хотите, чтобы я навел о вас справки?

Чувствуя тщетность своих усилий, он согласился. Еще десять минут ушло на расспросы, прежде чем он узнал, что телефон был отключен год назад и больше не устанавливался. Он спросил::

“Не могли бы вы сказать мне, есть ли в доме другие телефоны?’

Я мог бы посмотреть в справочнике улиц. Есть ли какой-нибудь конкретный абонент, с которым вы хотели бы поговорить?

Нет. Я просто хотел бы узнать, могу ли я связаться со своим другом….

Извините, сэр, но мы не можем этого сделать. Я не могу назвать вам номер , пока вы не представите мне человека, с которым хотите поговорить”.

Не могли бы вы сказать, в какой квартире жил сэр Тимоти

Фергюсон ?

“Да, сэр. В подвале’.

‘Тогда скажите мне, есть ли телефон на первом этаже”.

“Извините, сэр. Я не могу этого сделать, если вы не знаете имя абонента. Видите ли, мы должны защищать абонентов….”

Он раздраженно повесил трубку. Оттоли вошла, когда он все еще ругался. Она сказала , что все английские телефонистки такие. - Цвейг грыз ноготь указательного пальца. Она сказала: “Пойдем, пообедаем”.

- Я вот думаю… Может, мне стоит позвонить этому человеку… Гарднер.

’ После обеда.

- Я бы предпочел сделать это сейчас. Видите ли, они, возможно, остановились там. Кроме того, Кромвель-роуд находится всего в двух шагах от Пелхэм-плейс. Он мог бы пойти и посмотреть, дома ли Фергюсон.

. 70

НЕОБХОДИМОЕ СОМНЕНИЕ

домой…’

‘В Рождество! А почему он должен был?

Цвейг уже набирал номер. Она стояла и смотрела. Ответил женский голос. Когда Цвейг спросил Джозефа Атолла Гарднера, она сказала

:

- Боюсь, мистера Гарднера и его жены сегодня не будет дома. Могу я что-нибудь передать?

‘ Нет. Но не могли бы вы мне кое-что сказать? Вы, случайно , не знаете, не видел ли мистер Гарднер сэра Тимоти Фера? гьюсон на

это Рождество?”

‘Нет, сэр, насколько я знаю, нет. Я не верю, что сэр Тимоти в Лондоне. Но я бы знал об этом, если бы он был там, потому что он всегда проводит здесь много времени’.

‘Ах. Большое спасибо. Я перезвоню завтра.

- Ну что? - Спросила Оттоли.

Цвейг потер подбородок.

- Интересно, может, мне самому поехать туда на такси? Горничная говорит, что не думает, что сэр Тимоти в Лондоне. Это означает, что он, возможно, держит свое присутствие в секрете.

Оттоли опустила плечи и сложила руки, словно в молитве; это должно было означать, что она считает своего брата безнадежным. Поскольку Цвейг всегда был “мыслителем” в семье, а она была практичной, она была склонна иногда относиться к нему как к глупому ребенку. Это ее отношение раздражало его; кроме того, она ошибалась так же часто, как и он. И все же он позволил ей убедить себя. Он встал и сказал:

- Хорошо, я отложу это до конца обеда.

- Оставь это до завтра. Вы ничего не можете с этим поделать. День Рождества. Забудь об этом и наслаждайся жизнью.’

Так получилось, что вторую половину рождественского дня Карл Цвейг провел , помогая старшему сыну Оттоли собирать подъемный кран, а вечер посвятил обсуждению западногерманской политики с жителем Дюссельдорфа, владельцем ресторана в Сохо, и швейцарским инженером-строителем, коллегой его шурина. Он также выпил по меньшей мере две бутылки превосходного рейнского вина, поставляемого герром Шнайдером из Сохо, так что, когда ему пришла в голову мысль о Густаве Ноймане , он почувствовал себя хорошо и слегка навеселе, что было вызвано как едой, так и вином. В два часа ночи его шурин отвез его домой, ведя машину на второй передаче по обледенелому снегу.

НЕОБХОДИМЫЕ СОМНЕНИЯ

За несколько минут до того, как он заснул, мысль о Густаве Нойманн вернулся с определенной свежестью, вызванной двенадцатичасовыми размышлениями о других вещах. При взгляде с этой новой отстраненностью внезапно стало очевидно, что Густав Ной манн не мог быть преступником. Преступник - это человек без предназначения; Нойман был романтиком, одержимым идеей своего предназначения. Эта мысль успокоила Цвейга и погрузила его в сон.

В половине десятого его разбудила уборщица, которая также приготовила ему завтрак. Он сел и протер заспанные глаза.

- Может, мне развести огонь, профессор? Вы будете дома весь день?

Цвейгу не нравилось принимать решения в полусонном состоянии. Он сказал: ‘Дай мне подумать”.

“Не хочешь ли копченую рыбу на завтрак?’

“Это было бы превосходно”.

Он снова задремал, когда зазвонил телефон.

- Это сэр Чарльз Грей.

Бормоча что-то себе под нос, Цвейг накинул халат и прошлепал к телефону. Раздался голос Грея.:

“Извините, если разбудил вас. Это важно. Можно я зайду через двадцать минут?’

“Вы знаете, что можете прийти в любое время”.

“Я знаю. Но я хочу привести с собой кого-нибудь - Джона Стаффорд-Мортона, психиатра’.

‘Хорошо. Приходите, когда будете готовы”. Он обратился к горничной: “Может быть, вы все-таки разожжете камин? Сэр Чарльз придет через несколько минут. Ты не могла бы сварить кофе в большом кофейнике?

Было слишком холодно, чтобы сразу одеться. Он поджег постель растопила камин в комнате, принесла из кабинета журнал “Кто есть кто” за 1951 год и снова забралась в постель. Он никогда не слышал о Джон Стаффорд-Мортон, но по его появлению стало ясно, что он был важной персоной. За его именем следовали две строчки букв: M.A., B.Ch (Cantab.), F.R.C.S. (англ.), F.I.C.S. и т.д., различные больничные назначения, связанные с психологической медициной, и длинный список публикаций, включающий помрачение рассудка рецидивиста и нервное расстройство, а также

НЕОБХОДИМОЕ СОМНЕНИЕ

Преступление.

Вошла официантка и сказала: “Вам лучше съесть это до того, как они придут”. Кофе почти готов’

Он рассеянно ел, продолжая смотреть на статью в журнале “Кто есть кто”. Зачем Грею понадобилось знакомить его с этим человеком? Это казалось бессмысленным. Но на самом деле его беспокоило не это. Он надеялся, что у него будет возможность заехать по адресу в Пелхэм-плейс до того, как он увидел Грея и поговорил с Густавом Нейман. Теперь ему снова предстояло принять решение , рассказывать ли Грею о том, что он узнал. Это было сложнее, чем решение не показывать Грею фотографию, поскольку Грей в любой момент мог узнать, что Цвейг разговаривал с менеджером отеля “Чешем”. Цвейг проклинал себя за то, что у него не хватило присутствия духа попросить Грея позвонить через два часа. На мгновение он подумал о том, чтобы выбежать из дома, взять такси до Пелхэм-плейс и оставить сообщение с просьбой Грею и Стаффорд-Мортон подождать. Он представил увидев их лица, он вошел в комнату и сказал:

“Позвольте представить вам Густава Неймана, молодого человека, с которым мы познакомились. подозреваемый в том, что он убийца…’ Эти размышления были прерваны звонком в дверь. Цвейг пошел в ванную, посмотрел на свое небритое лицо в зеркале и решил, что одеваться нет смысла. Вместо этого он повязал на шею шелковый шарф и сменил свой побитый молью егерский халат на менее удобный, но выглядящий поновее.

Грей сказал: “Извините, что беспокою вас в столь поздний час, Карл. Врач У Стаффорда-Мортона впереди напряженный день.’

Цвейг пожал руку психиатру и решил, что он опосредованно, что он ему не нравился. Стаффорд-Мортон выглядел моложе своих пятидесяти лет, но лицо его было бледным и нервным. взгляд человека, который боится, что мир не будет воспринимать его так же серьезно, как он сам себя воспринимает. Его голос был высоким и отрывистым.

“Я много о тебе знаю. Всегда хотел с тобой познакомиться. Жаль, что сегодня нам придется поговорить о делах….

- Кофе вам обоим? - сказал Цвейг.

- Я расскажу тебе, почему мы пришли так рано, Карл. Я разговаривал с Митфордом из Скотленд-Ярда, и он согласен с тем, что выследить Ноймана было бы большой работой. Это означало бы разослать описания во все полицейские участки и провести огромное количество рутинных расследований. Это может занять десятки людей на несколько недель. И он , похоже, не считает, что у нас есть какие-либо реальные доказательства того, что Neu-73

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

Манн может быть убийцей. Я поговорил с доктором Стаффорд-Мортоном, и он, кажется, согласен, что все это, вероятно , ошибка. …’

Стаффорд-Мортон сказал: ‘Я бы не стал выражаться так категорично Но я понимаю точку зрения Митфорда, позвольте мне откровенно сказать, профессор, что, судя по тому, что рассказал мне Грей, я не думаю, что ваш Густав Нойманн похож

на убийцу.’

Цвейг уставился на дымящийся огонь, который пока почти не давал тепла. Он спросил: “Почему ты так говоришь?’

- Судя по тому, что рассказал мне сэр Чарльз, этот Нойманн - своего рода бунтарь-интеллектуал, очарованный идеей стать великим преступником. По моему собственному опыту, такие люди никогда не становятся преступниками. В его голосе, пронзительном и четком, звучали нотки лектора, и Цвейг то и дело отворачивался от него, чтобы скрыть свое отвращение. “Вы, конечно, заметили, что литераторы, проповедующие преступность, на самом деле никогда не претворяют в жизнь то, что проповедуют. Де Сад и Лотреамон - очевидные примеры. Когда Де У Сада действительно был шанс отомстить некоторым из своих врагов во время правления террора, он великодушно за дал им. - Он помолчал, затем, словно осознав, что его тон звучит покровительственно, быстро добавил: - Но, конечно, вы осведомлены обо всем этом не хуже меня.

То, что он говорил, соответствовало целям Цвейга, но у него было извращенное желание возразить. Он сказал серьезно::

- Но, конечно, неверно говорить, что литератор никогда не бывает преступником. Например, многие преступники писали стихи’

О, да, конечно. Но не очень хорошие стихи. На самом деле Уэйнрайта или Ласнера нельзя было назвать “литераторами”, разве что в качестве вежливого комплимента. Видите ли, позиция поэта противоположна позиции преступника. Он слишком эгоист, чтобы опускаться до обмана общества. Он автоматически чувствует, что он прав, а общество - нет. Преступник…’

- А еще он эгоист, - перебил Цвейг.

Конечно. Но другого рода. Он мелкий эгоист, эгоистичное животное. Для него общество всегда правое. Общество имеет право осудить его. Поэт чувствует, что имеет право осуждать общество”.

Цвейг поймал себя на том, что испытывает некоторое восхищение этим рассуждением; оно было лишь развитием идеи, которая пришла ему в голову, когда он засыпал. И все же это было для него невозможно

- выразить согласие со Стаффордом-Мортоном.

- Но разве сэр Чарльз не объяснил вам, что Густав Ной манн считал, что у него есть право осуждать людей? Он считал, что преступление является естественным выражением этого осуждения. нация.'

- Нет! - взорвался Стаффорд-Мортон, его голос стал еще выше.:

- Но, мой дорогой профессор, именно это я и хочу сказать. Любое преступление - это выражение страха. Это естественное проявление невроза неполноценности. Вы бы сказали, что ваш друг Нойманн был тяжелым примером неполноценности?

Вмешался Грей: "Я не понимаю вас, Карл. Вчера вы согласились с тем, что Нойманн на самом деле не был похож на преступника. Сегодня утром вы говорите так, словно хотите в это верить.

Вопрос не в том, во что я хочу верить. Я надеюсь, что Доктор Стаффорд-Мортон прав. Но если он ошибается, это может стоить жизни.'

- Теперь в голосе Стаффорда-Мортона звучало явное раздражение. ' Нужно учитывать и другие жизни. Полиция использует всех доступных людей в поисках илингского детоубийцы. Есть еще дело сторожа в Доллис-Хилле. Пока они пытаются разыскать вашего друга Ноймана, может быть убит еще один ребенок".

В этот момент Цвейга так и подмывало сказать:: "Нет необходимости искать Ноймана. Мне кажется, я знаю, где он". Но Грей уже заговорил::

"Суть в следующем: если вы сможете убедить доктора Стаффорда-Мортона в том, что он ошибается в том, что Нойманн не является преступником, он посоветует Митфорду начать поиски. Должен сказать, что , как мне кажется, в его словах есть здравый смысл….

Цвейг сказал: 'Очень хорошо, Чарльз, давайте предположим, что

вы правы. В данный момент я продолжу свои личные поиски Густава…’

Грей настаивал: “Но вы думаете, доктор прав? Это все, что я хочу знать. Вы знаете этого Неймана, а мы нет. Мог ли доктор ошибаться? Мог ли он игнорировать какой -то важный фактор в личности Неймана?’

Цвейгу вдруг захотелось поскорее закончить это интервью; его им пейшенс чувствовала, как что-то набухает у него в груди, угрожая взорваться. Он резко встал.

- Очень хорошо. Я согласен. Я сейчас оденусь и…

75

НЕОБХОДИМОЕ СОМНЕНИЕ

С чем вы согласны?’ - спросил Грей. Его голос выдавал поддержку давящее раздражение.

- Я согласен, что нет смысла просить полицию предпринимать какие-либо действия. Думаю, я и сам смогу найти Густава.

Это было больше, чем он хотел сказать, и он заметил удивление на лице Грея.

‘Как? Если полиция не может этого сделать…”

Цвейг улыбнулся. ‘У меня есть несколько идей. Обещаю рассказать вам о них позже”.

- Не лучше ли было бы рассказать мне об этом сейчас? Возможно, мы смогли бы что-то сделать вместе.

Цвейг сказал: “Давай я позвоню тебе по этому поводу через два часа”. Стаффорд-Мортон встал. - Боюсь, мне в любом случае придется уйти. По его тону было очевидно, что теперь он осознал враждебность Цвейга; в ответ он стал более бесстрастным и

точным. Грей попытался успокоить его, был особенно любезен, когда они прощались, и пообещал позвонить ему. Цвейг сдержанно поклонился, когда Стаффорд-Мортон вышел. Когда дверь закрылась, Грей сказал:

‘Что ж, вы определенно заставили его почувствовать себя нежеланным гостем”.

“Мне жаль. Он меня раздражал’.

“Почему?” Я согласна, что его манеры не очень дружелюбны, но это , вероятно, застенчивость….”

Цвейг сказал: “Он напомнил мне современного профессора истории в Санта-Барбаре, еще одного англичанина…” Он был удивлен собственным замечанием, когда слушал Стаффорда-Мортон, он даже не осознавал, что сравнивает его с профессором из Калифорнии и переносит на него всю неприязнь, которую испытывал к своему бывшему коллеге. Осознание теперь это заставило его почувствовать себя смущенным. Чувствуя, что Грей с любопытством смотрит на него, он сказал: “Я согласен, странно, что мы позволяем этим глупым факторам влиять на нас”. Теперь, когда Стафф Форд-Мортон ушел, он уже забыл об уникальном характере взаимодействия их личностей и был готов проявлять терпимость - в теории.

Грей, не подозревавший о том, что происходит в голове его друга, сказал: “Жаль, что он тебе не нравится. Он очень хотел с тобой познакомиться. Очевидно, он прочитал все твои книги и считает тебя самым важным философом из ныне живущих’.

Это заставило Цвейга устыдиться самого себя. Он сказал:

“Я чувствовал, что он говорил на тему, о которой знал очень хорошо”.

маленький. Может быть, если вы его увидите, вы извинитесь от моего имени? Но я, естественно, расстроен мыслью о том, что мой старый друг может оказаться убийцей….

Вполне, вполне, - сказал Грей. Он, казалось, погрузился в свои мысли", 0р . а в 3:2. Ти Джей роется в кармане в поисках трубки; это был способ повлиять на переход к интересующей его теме

Ему. Теперь он рассказал об этом телефонном звонке.'

Телефонный звонок?' Говорит Цвейг, хотя он прекрасно понимал. Ты сказал, что звонишь мне в два часа. Что у вас уд рукав?' Дж Р

спицы з т е я!? Ла ^ ghed и вылил последние кофе. Грей набил трубку и сделал вид, что в наступившем молчании нет вопроса, хотя на самом деле у него не было желания курить. Цвейг перебирал варианты, но все они указывали в одном направлении: быть откровенным с Греем. Он сказал Вздохнув: '

- Очень хорошо, я могу вам рассказать. Кажется, я знаю, где найти Густава.

Грей был поражен. 'Боже милостивый, как?' Его изумление было Он был в середине, и мне пришлось объясняться с другими людьми.

- Помнишь, когда ты вчера уходил от меня, зазвонил телефон ? Это был менеджер Чешема…

Он рассказал о своем визите в Чешем, о телефонном разговоре с экономкой-шотландкой, а затем и с хозяевами дома.-

Я сказал, что это Джон Атолл Гарднер. Грей сказал::

Боже мой, вы что-то от меня скрывали!'

в тоне ответа появилось больше ожесточения, и он стал более откровенным.

- Но разве ты не понимаешь, почему? Послушай, Чарльз, я не верю , что Густав Нойманн - убийца. И что я должен сказать, когда я наконец встречусь с ним? Что я помогал полиции охотиться на него? По крайней мере, я хочу иметь возможность сказать: "Вокруг из-за некоторых взглядов казалось, что ты можешь быть преступником, но я никогда всерьез в это не верил. '

он сказал: "Все это очень хорошо, Карл, но предположим, что это так?

Ты бы отправил его на другой конец Англии".

“я этого не понимаю”, - сказал Цвейг. - Если он убийца, то…

чем больше мы его подозреваем, тем лучше. Возможно, так и будет я говорю о жизни этого человека, Фергюсона. А если он не…

Р. Грей собрался было раскурить трубку, но передумал и толкнул

он положил их в кисет с табаком.

- Но что вы намеревались сделать, когда увидели его? Т

- Выяснил все, что мог…

Грей подошел к каминной полке, хмуро разглядывая ковер.

- Ну, я не знаю. Я полагаю, это не принесло бы никакого вреда.

Цвейг знал, о чем он думает. Он быстро сказал: “Как это могло случиться? Моя история показалась бы Густаву достаточно правдоподобной — что я видел, как он выходил из “Чешема”, сумел установить личность его спутника и проследил, как они дошли до квартиры. Я мог бы задать ему обычные вопросы о его планах. …’

Он уже начал было убеждать себя, когда вспомнил о фотографии. На мгновение он задумался, не показать ли это Грею, но потом понял, что это невозможно. Это только подтвердило бы Подозрение Грея в том, что он считал Ноймана убийцей. Он посмотрел на часы и сказал: “Мне нужно одеться… То есть, если вы считаете, что мне следует навестить Густава…’

“Не думаю, что это что-то изменит”.

Одеваясь, Цвейг оставил дверь своей спальни открытой, чтобы они могли продолжить разговор. Он сказал:

“Хочешь пойти со мной?”

‘Нет. Нет, если ты хочешь встретиться с ним наедине. Возможно, мне стоит выйти и подождать снаружи”.

“Возможно, вам придется долго ждать’.

И. с другой стороны, там может никого не оказаться.

- И что мы будем делать в таком случае?

Наступило молчание, затем Грей сказал:

- В этом случае, я думаю, мы должны обратиться в Интерпол и выяснить, что Фергюсон был занят в Кельне, и знал ли он, что Neu манн.’

- Но, конечно, он это сделал.

Конечно, нет. Единственное доказательство, которое у нас есть, - это то, что вы заметили человека с расстояния двадцати ярдов снежной ночью. Вы могли ошибиться’

- И официант. Он сказал, что этого человека звали Густав…

Ах, да. Я совсем забыл об этом. В любом случае, нам лучше пойти и посмотреть на этот адрес на Пелхэм-плейс. Я вызову такси.’

78

НЕОБХОДИМОЕ СОМНЕНИЕ

На Пелхэм-плейс снег на тротуарах был толстым и нерастаявшим. Грей сказал:

‘Хорошая погода для детективной работы. Обратите внимание, есть ли следы, ведущие в подвал”.

Цвейг чувствовал себя виноватым из-за того, что оставил его на улице. Несмотря на то, что из-за жаркого солнца снег казался ослепительным, воздух казался холоднее, чем когда-либо. Он сказал:

“Возможно, тебе стоит пойти со мной”.

Нет. Если станет слишком холодно, я подожду в ресторане через

дорогу. Можешь идти’.

Дорожка к парадному входу была хорошо утоптана. Ступеньки уходили влево и вели к боковой двери; но, как и ступеньки, ведущие к парадному входу, они были расчищены от снега. Три мусорных бака у подножия лестницы указывали на причину этого. Цвейг посмотрел на Грея, который стоял на другой стороне улицы, и покачал головой. Пространство перед дверью в подвал также было подметено. Цвейг заметил , как дернулись занавески на окне, когда он спускался по ступенькам; он мельком увидел бледное лицо пожилой дамы.

Он постучал в дверь и подождал. Ответа не последовало. Он заметил кнопку звонка и прижал к ней большой палец, но изнутри не донеслось ни звука. Он взглянул на часы , было еще далеко за полдень. Возможно, они ушли на обед. Занавески за зарешеченными окнами были задернуты.

Грей крикнул: “Не повезло?” Цвейг покачал головой. Грей вошел в ворота, и они вдвоем остановились у подножия лестницы, ведущей к входной двери. Грей сказал::

“Нет смысла притворяться, что я не с тобой. Пожилая женщина выглянула из окна и заметила меня. Давайте пойдем и выясним, что мы можем сделать.

Входная дверь открылась почти сразу. Молодая девушка спросила: ”Чем я могу вам помочь?”

Мы искали сэра Тимоти Фергюсона? Это здесь он живет?’

Открылась дверь, и вышла пожилая дама.

“Очень жаль. Вы разминулись с ними на полчаса. Они уехали на такси”.

“Вы случайно не знаете, когда они могут вернуться?’

“Боюсь, что это произойдет не скоро. Они забрали с собой свою сумку Гейдж’.

Грей пробормотал: “Черт возьми’.

Цвейг сказал: “Большое вам спасибо”. Извините, что побеспокоил вас…”

Прежде чем он успел отвернуться, Грей сказал:

Извините, вы не будете возражать, если мы с вами перекинемся парой слов ? Вы владелец этого дома?’

Я. В чем дело?” Она подошла к двери, опираясь на

палку. Девушка извинилась и вошла.

Речь идет о сэре Тимоти. Нам очень важно выяснить, куда он направился. Вы видели мужчину, который был с ним?

‘ Мистер Нойманн? Да.

Они старались не смотреть друг на друга. Грей тихо спросил: “У вас есть какие-нибудь предположения, где мы могли бы их найти?”

Боюсь, что нет. Если только они не уехали к сэру Тимоти в Шотландию.’

Цвейг заметил, что она не сразу узнала его, когда подошла к двери. Он сказал::

‘Это сэр Чарльз Грей, а меня зовут Цвейг, профессор” Карл Цвейг’.

к*ас, 5? это то, на что я надеялся. Она улыбнулась и сказала: Я только сейчас узнал вас. Я понял, что видел вас здесь.-

Грей сказал: “Как вы думаете, мы могли бы зайти на минутку?’ Конечно. Иди сюда… Я не знал, что ты такой

друг сэра Тимоти, профессор. Он никогда не упоминал о тебе* • • •

Грей и Цвейг обменялись взглядами. Очевидно, она была прекрасна хорошо знаком с Фергюсоном. Цвейг сказал:

- Не близкий друг.

Она провела их в гостиную. Грей сказал—

отключен!” Он был “ робким « , но в обмен на это сказал, что это было

- Совершенно верно. Он удалил его год назад. Он сказал, что не стоит платить за аренду, поскольку он пользуется телефоном только раз в полгода. Он пользуется моим телефоном, если хочет заработать.

Цвейг уже задавался вопросом, как много они должны рассказать

ее. Он решил доверить это Грею. Грей спросил:

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

“Часто ли вы видитесь с сэром Тимоти?”

Не часто. Я сдаю ему квартиру на первом этаже по очень низкой цене, но он пользуется ею не чаще двух раз в год. Она села в кресло с высокой спинкой, крепко зажала трость между коленями и посмотрела на них снизу вверх. - Боюсь, я ничем не могу вам помочь. Возможно, он уехал в Шотландию, а возможно , и еще куда-нибудь. Это важно?”

Грей сказал: “Это довольно важно. Вы встречались с мистером Ной Манном раньше?’

ˆНет. Сэр Тимоти познакомился с ним в Германии несколько недель назад’

“Понятно. Он вообще говорил с вами о нем?

ˆ да… но почему? Почему вы хотите это знать?

Вы не возражаете’ если я присяду? Грей отодвинул стул от стола и сел лицом к ней. - Видите ли, мадам, мы немного обеспокоены беспокоился о сэре Тимоти.’

- Вы из полиции? - спросил я. Вопрос прозвучал так неожиданно , что Цвейг вздрогнул, но Грея, казалось, это нисколько не смутило.

Да. Я. Но это еще не дело полиции. Это более или менее личное дело.

- Кто вам нужен? Этот Нойман? Ее глаза заблестели С жадным и нескрываемым интересом. Грей осторожно спросил:

- У вас есть какие-нибудь основания подозревать его?

‘ О нет. Но если это не сэр Тимоти, я полагаю, это должен быть его секретарь. • ‘

- Да, нас интересует именно Нейман…

Она перебила: “Что он сделал?”

Насколько нам известно, он ничего не сделал. По описанию он похож на немецкого мошенника, который не имеет права находиться в этой стране. Если Нойманн окажется таким же человеком, мы просто добьемся его депортации”

Цвейг слушал с восхищением, впечатленный бойкостью и правдоподобием изобретения Грея. Грей продолжал:

Но, видите ли, мы можем оказаться на совершенно ложном пути, поэтому нам нужно быть предельно осторожными. Мы не можем открыто выдвигать обвинения. Вот почему мы были бы благодарны за любую помощь , которую вы можете нам оказать.ˆ

Пожилая женщина взглянула на Цвейга. Она спросила:

- А профессор Цвейг узнал бы его, этого мошенника?

Цвейг, стараясь не запутаться в уловках, ответил: Э-э… нет. Я случайно услышал, что сэр Тимоти в Лондоне.

с секретаршей, которая соответствовала описанию. … ' Он колебался, и Грей быстро перебил его.

'Что вы можете рассказать нам об этом секретаре? Сэр Тимоти рассказывал вам что-нибудь о нем?'

'Немного. Во время этого визита у него не было возможности поговорить со мной . Обычно мы проводили много времени за разговорами.

"Когда они приехали?"

"За день до Сочельника".

'Сэр Тимоти богатый человек?

Она пожала плечами. - Боюсь, этого я не могу вам сказать. Сэр Тимоти - хороший и доброжелательный человек во многих отношениях, но он не любит говорить о деньгах.

Цвейг ухватился за это противоречие.

'Вы хотите сказать, что он не любит тратить деньги?"

'Ну… да. Хотя на самом деле я не могу вам сказать об этом. Он всегда платит за квартиру".

'Зачем ему секретарша?'

Она улыбнулась. - Конечно, нет. Он просто называет этого человека своим секретарем. На самом деле, он больше похож на врача.

'Сэр Тимоти болен?"

На этот раз она рассмеялась. Цвейг заметил, что она взволнована. радуется каждой минуте разговора.

- Он так думает. Возможно, это действительно так, насколько я знаю. Он , видите ли, беспокойный человек. С ним всегда что-то не так . Желудок — его самое слабое место, его всегда тошнит после еды. И я думаю, что у него что-то не в порядке с кишечником… хотя, конечно, он мне об этом не говорит .'

Цвейг задал вопрос, который не выходил у него из головы с тех

пор , как он вошел в комнату.

Он болел на Рождество?

- Нет. Напротив, я никогда не видел, чтобы он выглядел так хорошо. Если этот Нойманн - мошенник, он, должно быть, что-то смыслит в медицине".

“Вам кажется, он выглядел намного лучше, чем в прошлый раз, когда вы его видели?”

Конечно, так оно и было. В последний раз я видел его в августе * - минуточку… или, может быть, в сентябре. Я не помню. В любом случае, он выглядел ужасно. Он думал, что у него какое-то редкое заболевание. расстройство кишечника. Вот почему он поехал в Кельн - к специалисту.

82

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

Цвейг спросил: ‘Вы, случайно, не знаете имени специалиста?”

“Я знал. … Он упоминал это несколько раз… но я забыл ’.

Это был Вертхаймер?”

‘Совершенно верно!’

’ Вы его знаете? Спросил Грей.

- Немного. Он крупнейший европейский специалист по болезням желудка и кишечника. Он был другом отца Густава.

‘ А! Тогда почти наверняка именно там Нойманн познакомился с сэром Тимоти. Это может оказаться полезной зацепкой. А теперь, мадам, не могли бы вы повторить нам в точности, что сэр Тимоти рассказал вам о своем новом секретаре?

- У него не было времени много мне рассказать. Он был здесь всего один раз, и это было в день его приезда. Он сказал, что

узнал об удивительном докторе, который творил чудеса с его здоровьем.

Я сказал, что он выглядел так, как будто так оно и было. На его щеках появился румянец , глаза заблестели — он выглядел на двадцать лет моложе'.

"Он рассказывал вам что-нибудь о лечении?'

- Нет. За исключением того, что в этой поездке он не будет часто меня видеть , потому что ему придется проводить много времени в лежачем положении. Мне это показалось немного странным, ведь он выглядел таким здоровым.

А как насчет Ноймана - вы его видели?

- Раз или два. Он показался мне очень приятным человеком. Теперь я понимаю , почему он такой хороший врач.

Почему?

Почему? Потому что… о, потому что он очень… убедительный. Он обладает огромным обаянием… и теплотой. И все же, я полагаю, нельзя судить по внешности. Вы действительно думаете, что он мошенник?

Грей встал и отодвинул стул, медленно произнося::

Описание соответствует действительности, но вполне может быть и неправильным. Моя дорогая леди, вы действительно очень помогли мне. Если они вернутся, не будете ли вы так добры сообщить мне об этом по телефону? позвоните мне по этому номеру?'

Она выглядела разочарованной, когда брала карточку. Она была об отчаянно не желая отпускать их. Спросила она:

Ты вернешься?'

- Это невозможно сказать. Следующая проблема - попытаться и

найти сэра Тимоти. Вы говорите, что понятия не имеете, где он?

“Я полагаю, они отправились к сэру Тимоти в Перт. Я мог бы дать вам адрес’.

Спасибо, он у нас есть. Но не знаете ли вы, сэр Тимоти, где он?” У Тимоти есть еще какое-нибудь жилье в Англии. У него есть другая квартира или коттедж где-нибудь еще?

“Я в этом сомневаюсь, зная сэра Тимоти”.

‘Почему?’

“Он не любит расходов. Вот почему у него отключили телефон

“.

- Ах, конечно. Что ж, большое спасибо за вашу помощь.

На улице, в снегу, Грей сказал: “Что ж, Карл, я должен перед вами извиниться’.

‘ Почему?

- Если бы я позволил вам действовать по-своему, мы бы не приехали и через полчаса после их отъезда.

- Это просто невезение. И что теперь?

- Я предлагаю обратиться к этому другому парню… как его зовут’

‘ Гарднер? Джозеф Атолл Гарднер”.

‘Я знаю его имя. Интересно, где я его слышал?’ - Спросил он заставил себя крикнуть: ‘Такси!” - Такси внезапно остановилось, заскользив по полурастаявшему снегу и испачкав их брюки. Цвейг забрался внутрь и сказал::

“Я могу ошибаться, но, по-моему, он написал мне о каком-то вещь. ..Он назвал водителю адрес, и такси свернуло к станции метро “Южный Кенсингтон”. Он добавил: “Я хочу поздравить вас

с тем, как вы справились со старой женщиной. Ваша история о мошеннике была убедительной. Я думаю, мы могли бы попробовать то же самое с этим Гарднером.'

- Это зависит от обстоятельств. Всегда лучше сначала подвести итоги работы с человеком. Если бы я сказал той старой леди правду, все было бы кончено Лондон к сегодняшнему вечеру. Я готов поспорить, что в эту самую минуту она разговаривает по телефону".

"Но, как вы думаете, было бы целесообразно рассказать кому-нибудь о том, что мы подозреваем Густава в убийстве?"

'Я не знаю. Возможно, это так".

Такси остановилось у многоквартирного дома неподалеку от Эрлс-Стрит Корт-роуд. Здесь снег полностью растаял, и дорога была усыпана гравийной крошкой.

Грей взглянул на таблички с именами на дверях. Оглянувшись через плечо, Цвейг заметил, что большинство имен

свидетельствовали о деньгах, звании или известности. - Третий этаж, - сказал Грей.

Девушка, открывшая дверь, спросила: "С кем вы хотели поговорить, сэр?'

- По-моему, я разговаривал с вами вчера по телефону, - сказал Цвейг. - Я хотел поговорить с мистером Гарднером'

На ее лице отразилось сомнение.

- Не могли бы вы подождать минутку, сэр? Мистер Гарднер обычно работает в это время. Напомни, как его звали?

Они стояли и смотрели на закрытую дверь. Грей сказал:: "Исключительный парень". Как только он это произнес, дверь открылась, и на пороге появился высокий мужчина военного вида

в твидовом костюме. Он сказал:

- Мой дорогой сэр, это большая честь для меня… - Он выглядел удивленным , увидев Грея. Цвейг подумал, не ошибся ли он, поскольку не помнил, чтобы видел его раньше. Он сказал:

- Я профессор Карл Цвейг, а это сэр Чарльз Грей из Скотленд-Ярд.'

- Бывший сотрудник Скотленд-Ярда, - сказал Грей.

Великолепно! Великолепно! Входите, пожалуйста. - Он суетливо пошевелился, потирая сложив руки. 'Моей жены сейчас нет дома. Она будет очень сожалеть, что разминулась с вами". Цвейг был сбит с толку этой пылкостью. Единственное объяснение, которое пришло ему в голову, заключалось в том, что он был одним из своих телевизионных "фанатов", но это казалось маловероятным. И действительно, в комнате, куда он их сейчас привел, не было видно ни одного телевизора. Эта комната была большой и хорошо обставленной — в основном такой же, как и все квартиры, построенные тысячу лет назад, в которых когда-либо бывал Цвейг, включая квартиру Грея; главное отличие заключалось в количестве любопытных и варварских украшений на столах, полках и в настенных шкафчиках. На первый взгляд казалось, что это в основном африканские трофеи — над камином висел огромный цветной щит и два скрещенных копья , - но при ближайшем рассмотрении Цвейг заметил реликвии африканской культуры. Египет, Индия и Япония. В угловом шкафу стояла большая каменная фигура — около двух футов высотой — с надписью, которая , возможно, была кельтской. Гарднер говорил::

"Я все думал, доведете ли вы когда-нибудь до конца свое письмо, как обещали. Через восемнадцать месяцев я потерял надежду'.

Это озадачило Цвейга, поэтому он улыбнулся, пожал плечами и сказал:

"Прошло много времени, но…"

Грей, странно взглянув на Цвейга, сказал: "Я вас не понял'

двое переписывались. Он прекрасно понимал смущение Цвейга, и это его забавляло. Его собственная память на лица и имена была почти безошибочной.

О, конечно, - сказал Гарднер. - Мы обменялись несколькими письмами после выхода второго тома “Протестантской теологии”. Меня заинтриговала сноска профессора Цвейга о фигуре спасителя в кельтской мифологии. Видите ли, у меня есть неопровержимые доказательства того, что валлийцы - одно из потерянных колен Израиля.’

Теперь, когда память вернулась, Цвейг не был уверен, радоваться ему или огорчаться. Он улыбнулся Грею, но движением лба попытался показать, что хочет, чтобы его спасли. Грей спокойно ответил::

Я в восторге от этого. Но я должен сказать вам, что мы пришли сюда не только для того, чтобы обсудить кельтскую мифологию - неважно, какие личные мотивы мой друг Цвейг скрывал от меня. - Он кашлянул, опустив глаза, и Цвейг понял, что это делается для того, чтобы не видеть лица Цвейга и не улыбаться ему. - Мы пришли поговорить с вами о вашем друге сэре Тимоти. Фергюсон.

‘ Понимаю. Я понимаю. Не хотите ли присесть? Что вы будете пить - виски или херес?

Оба попросили виски. Гарднер вручил им оба стакана , которые были наполовину полны, и вышел, чтобы наполнить кувшин водой. Цвейг быстро сказал, понизив голос::

Я не сразу понял, но он полный псих. У него есть какая -то теория о том, что Великая пирамида является местом захоронения Друиды.’

- Но вы, должно быть, ответили дружелюбно.

- Без сомнения. Вероятно, я сказал, что его теории показались мне увлекательными, но я не смог увидеть ни одного… - Он замолчал, когда Гарднер вернулся в комнату и сказал: “Я как раз говорил своему другу, что нахожу ваши идеи увлекательными, но не смог найти убедительных доказательств в их поддержку”.

Гарднер погрозил пальцем: “Ага, так вы и написали в своем письме. И я сказал тебе, что если ты захочешь навестить меня, то…, Я был бы рад предоставить вам все необходимые доказательства.’ Цвейг попробовал свой напиток и подумал, что

качество виски Гарднера было менее сомнительным, чем его идеи. Гарднер сказал:

- Итак, вы хотели поговорить о Тиме Фергюсоне. Итак, давайте покончим с этим, а затем обсудим важные вопросы. Они сели, и Цвейг заметил, что подошвы гарднеровских

туфли были сделаны из крепа толщиной более дюйма. Гарднер сказал: “Я полагаю, он сейчас в Кельне”.

“Я думаю, вы ошибаетесь, сэр”, - сказал Грей. ‘Еще час назад он был здесь, в Лондоне. Я думаю, что сейчас он в поезде или собирается сесть в поезд”.

‘Это невозможно. Он всегда видит меня, когда проезжает через Лондон. Мы были на Цейлоне вместе в течение многих лет.’

- Вот это, - сказал Серый, - это одна из вещей, которая нас беспокоит. Мы есть определенные доказательства того, что сэр Тимоти провел Рождество в его квартира в Пелхэм Плейс с человеком, которого он называет его испол тельного’.

- Я не совсем понимаю. Не могли бы вы выразиться яснее?

‘ Хорошо. У нас есть основания подозревать, что человек, называющий себя секретарем сэра Тимоти, может быть преступником. Он писал вам из Кельна?

- Нет. Мы редко переписываемся. Что это за преступник?”

‘Возможно, он мошенник. Сэр Тимоти богат?”

‘Боже милостивый, да. Вероятно, миллионер. Какие у вас основания полагать, что этот секретарь - мошенник?”

- Мы не уверены. Но его описание соответствует описанию человека, которого разыскивает немецкая полиция.

- Откуда вы это знаете? Вы сказали, что раньше работали в

Скотленд -Ярде.” Цвейг заметил, что, даже если религиозные идеи Гарднера были безумными, в других отношениях он, похоже, был в здравом уме . То, как он слушал и смотрел на Грея из -под опущенных бровей, убедило Цвейга в том, что он не дурак.

- Да. И в этом отчасти проблема. На данный момент это частное дело. Мы не уверены, что было совершено какое-либо преступление. совершено или рассматривается”.

Гарднер сказал: “Не думаете ли вы, что вам лучше рассказать мне историю с самого начала?”

Грей посмотрел на Цвейга; он знал, что Цвейг возражал против распространения идеи о том, что Нойманн мог быть убийцей. Цвейг пожал плечами.:

- Не думаю, что это может причинить какой-то вред. - обратился он к Гарднеру.: - Но мы должны попросить вас отнестись к этому с величайшей осторожностью’

Гарднер ничего не ответил, но слегка кивнул, не сводя с них глаз.

Грей сказал: ‘Хорошо. Мы считаем, что вполне возможно, что этот человек Нейман может быть убийцей’.

87

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

“Это секретарь?”

‘Да. Он, по-видимому, также является лечащим врачом сэра Тимоти”.

‘Его разыскивает немецкая полиция?’

‘Насколько нам известно, нет. О том, что он может быть убийцей, стало известно только в последние два дня - и то по странному совпадению. Карл… - Грей указал на Цвейга и оставил Цвейга рассказывать остальную часть истории. Повторив это трижды, Цвейг обнаружил, что может уместить рассказ примерно в десять

минут. Когда он закончил, Гарднер сказал::

“Но ведь совершенно очевидно, что этот человек - убийца”.

Так ли это?” - Спросил Грей.

‘У вас, случайно, нет ничего, что принадлежало бы этому парню, не так ли? Нейман?’

‘Нет. Почему?”

‘Жаль. Я, наверное, мог бы выяснить….’

“Что выяснить?’

‘Я знаю”, - сказал Гарднер. “У меня здесь осталась пара перчаток “‘ Он позвонил в колокольчик и, когда появилась горничная, сказал:: “Принесите мне, пожалуйста, перчатки, которые оставил здесь сэр Тимоти”.

Цвейг и Грей посмотрели друг на друга, и Грей поднял глаза брови.

- Я хочу испробовать древний кельтский метод гадания, - сказала Гарднер. - Это даст нам кое-что для продолжения.

Грей подавил желание сказать, что у них была назначена встреча любопытство перевесило его раздражение. Они наблюдали за тем, как Гарднер достает из шкафа несколько палочек с зазубринами, а затем снимает обувь. Цвейг спросил: “Простите, но почему у вас такие толстые подошвы?”

“А, мне показалось, что вы на них смотрели. Это связано с током в комнате’.

“Ток?’ - Спросил Грей, взглянув на электрическую вилку.

- Эфирные токи от этих различных предметов. Вы видите, как Профессор Цвейг скажет вам, что все объекты, которые были связаны охваченный сильными чувствами, особенно религиозными - улавливать частички скрытых сил людей, с которыми они соприкасаются . Когда я прикасаюсь к ним, часть этого тока переходит в меня, если я не заземлен. Затем, если я прикоснусь к какому-нибудь другому предмету, я почувствую два противоречивых тока. Видите ли, убеждения, которые эти вещи представляют, часто вступают в противоречие друг с другом. Так

что, если бы я не носил толстую подошву, мне грозил бы психический удар током .’

88

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

Цвейг спросил: “А как насчет нас?”

‘О, это зависит от того, чувствительны ли вы к этому. Может, вы и не дирижер. Но я дирижер. И поскольку моя жена - медиум, Я мог бы причинить ей большой вред”.

Теперь он сидел перед кельтской статуей в углу комнаты. Стекло в витрине опускалось на двух цепочках, образуя что-то вроде столешницы. На этом Гарднер разложил свои палочки, затем разложил их по кучкам. Он бросил через плечо::

“Вам, конечно, знакома эта процедура, профессор?”

“Это похоже на метод, который используют китайцы, чтобы свериться с И Цзин”.

“Вполне. Очень похоже. Теперь перчатки… - Он положил перчатки к подножию статуи, затем принялся перекладывать палочки, некоторые положил на пол позади себя, а другие переложил из одной кучи в другую. Через пять минут у него осталась только одна кучка палочек. Затем он взял их одну за другой и внимательно осмотрел. Наконец он сказал::

“Странно. Кажется, они говорят, что Тиму угрожает большая опасность, но не физическая”. Он встал, сердито посмотрел на палку в своей руке, затем раздраженно сказал: “Это безумие”. Грей быстро отвернулся, и Цвейг увидел широкую улыбку на его лице. Чтобы удержаться от смеха, он спросил:

’ Что такое безумие?

- Только это. Вряд ли ему угрожала духовная опасность… Такой старый хулиган’

Грей пришел в себя. Он сказал:

- Мистер Гарднер, я надеюсь, вы понимаете, что я всего лишь обычный полицейский, и хотя я кое-что видел о божественной магии на Востоке, я не ожидал, что к ней прибегнут в центре Лондона. Вы простите меня, если я скажу, что на самом деле не придаю большого значения вашим ароматным палочкам.

- Только не фруктовым палочкам, старина. Их лучше сожгите' Гарднер , казалось, почти не слышал речи Грея; он все еще хмуро смотрел на палочку. Он сказал: "Я не мог сделать ничего плохого…" В конце концов, он пожал плечами и бросил клюшку к остальной куче. "Ничего не поделаешь. В любом случае, очевидно, что ему не угрожает физическая опасность'.

С иронией спросил Грей:

'Могут ли эти палочки подсказать нам, где его найти?"

Гарднер серьезно сказал: 'О, нет, это совершенно невозможно. На них только ограниченное количество символов. Моя жена могла бы

мы могли бы помочь, если бы смогли ввести ее в транс, но лучше всего она себя чувствует по вечерам.

На этот раз Цвейгу пришлось сделать большой глоток виски, чтобы скрыть улыбку.

- У вас есть какие-нибудь предположения, где он может быть?

- Я не знаю… - Гарднер был поглощен своими мыслями. Он покачал головой и снова переключил внимание на Грея. - Прошу прощения. Давайте посмотрим… где он может быть. Он забавный старикан. У него есть три или четыре убежища в разных частях Англии.

‘ Вы в этом уверены? Его квартирная хозяйка, похоже, считала это маловероятным.

Почему?

Она подумала, что ему не понравится платить арендную плату за помещение, которым он не пользуется.

- О, это чистая правда. Он не любит тратить деньги. Но он не платит за аренду своих коттеджей — они принадлежат ему. Он любит покупать жилье по дешевке - однажды я был с ним в В Корнуолле, когда он купил два коттеджа по десять фунтов за каждый и поселил в одном из них сторожа. Потом у него появился свой собственный коттедж. за ним присматривали бесплатно, понимаете? Он любопытный старик, сэр Тим, как вы скоро узнаете. Его отец был когда-то продан судебными приставами, и я думаю, что наличие всех этих мест дает Тиму чувство безопасности.

Грей вздохнул: “Хотя, это усложняет нашу проблему”.

“Боюсь, что да. Дайте мне подумать. У него есть дом в Корн - Уолле, еще один в Уэльсе, недалеко от Абергавенни, еще один на озере Район недалеко от Конистона, еще один - где-то рядом с Бирмингом ветчина….’

Грей вдруг сказал: “Почему я об этом не подумал? Надо было спросить на стоянке такси возле Южного Кенсингтонского вокзала”.

Цвейг недоуменно спросил:“Почему?”

“Он не мог вызвать такси звонком, иначе пожилая дама услышала бы его. Телефон был у нее в гостиной, помнишь?” Если вы вызываете такси по телефону, вас всегда спрашивают, куда вы хотите поехать. Так что, скорее всего, Нойманн прошел пятьдесят ярдов за угол и поймал такси на стоянке.

- Все очень просто, - сказал Гарднер. - Моя машина стоит снаружи. Давайте пойдем и выясним.

- Не беспокойтесь, - поспешно сказал Грей. ‘ Мы можем взять такси или автобус.

‘ Ерунда. Я могу помочь всем, чем смогу, раз уж ничем другим помочь не могу. Он вывел их в холл, энергично шагая—

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

Усли кричит: “Маргарет, если моя жена вернется домой, скажи, что нас не будет больше десяти минут.’ Он зажал оленя на голове у него была шляпа сталкера. ’ Давай, поехали, - подхватил Цвейг. Выражение лица Грея, когда они выходили за дверь; его глаза были с мольбой подняты к небу.

Машина Гарднера, серый “Ровер-90”, была припаркована возле дома под знаком “Парковка запрещена”. Почему-то Цвейг ожидал, что он будет ездить на красном спортивном автомобиле с откидным верхом. Это, казалось, добавляло еще больше ощущение респектабельности его личности, которого так не хватало в квартире. Хотя ветровое стекло было покрыто тающим снегом, что говорило о том, что машиной в тот день еще не пользовались, двигатель завелся при первом повороте ключа. Гарднер поочередно подергал себя за усы, словно настраивая их на движение. инг, и сказал: “Ну, у меня было предчувствие, что у меня будет интересная Рождество. Я никогда не ошибаюсь. Машина влилась в поток машин, дворники работали бесшумно.

Был уже час дня. Грей сказал:

- Если таксист отвез их на вокзал в половине двенадцатого, он должен был вернуться к половине первого, если предположить, что это было Паддингтон, Сент-Панкрас или Виктория. Так что, возможно, нам придется подождать, если он снова уйдет….’

Гарднер припарковал свою машину напротив стоянки такси. Там их ждали три такси. Когда они остановили машину, переднее начало отъезжать. Грей выскочил из машины и подбежал к ней. Они видели, как он разговаривал с водителем. Через мгновение он достал бумажник и дал мужчине записку. Он повернулся и вернулся. “Привет, - сказал Гарднер, - он кое-что нашел”. Это было видно по улыбке на лице Грея. Он открыл заднюю дверцу и забрался внутрь.

- Боже мой, вам крупно повезло! Это был тот самый мужчина! В половине двенадцатого он встретил их на Пелхэм-плейс, 74 , и отвез на вокзал Кингс-Кросс. Он не знал, на какой поезд они хотели попасть, но сказал, что они , похоже, никуда не торопились. Он сказал, что молодой человек подошел сюда около

11.25 - темные глаза и волосы.

Гарднер сказал: “Вокзал Кингс-Кросс. Это может означать , что они возвращаются в Перт. Или это может означать, что они едут в Бери-Сент-Эдмундс.

Как насчет Бери’Сент-Эдмундс?

“Я только что вспомнил — у Фергюсона там есть одно местечко. Я должен был подумать об этом в первую очередь. Конечно! Если он возвращается в Шотландию, то все равно может там остановиться.

91

НЕОБХОДИМОЕ СОМНЕНИЕ

“Следующее, что нужно сделать, - сказал Грей, - это позвонить на вокзал Кингс-Кросс и узнать, какие поезда отходили там между двенадцатью и часом’.

- В этом нет необходимости. Возвращайся ко мне, и мы посмотрим это в Брэдшоу. - Он завел двигатель, прежде чем они успели возразить. Когда несколько минут спустя они вышли из машины, Грей смог прошептать Цвейгу на ухо: “Это самое безумное дело об убийстве, которым я когда-либо занимался”.

Гарднер сказал: ‘О, отлично. Я вижу дом своей жены”. На том месте, где только что стоял “Ровер”, теперь был припаркован спортивный автомобиль кремового цвета. Грей спросил: “Вы что, никогда не получали штрафов за парковку?”

“Надо же где-то припарковаться”, - мягко сказал Гарднер. “В любом случае, у нас есть взаимопонимание с местной полицией”. Он повернулся к Цвейгу: “Моя жена будет очень рада вас видеть. Она ваша большая поклонница, просто потрясающая”.

“Я был бы в восторге”, - пробормотал Цвейг, избегая взгляда Грея.

- Я и вполовину не так рад, как она, - искренне сказал Гарднер. ‘ Кстати, я надеюсь, вы оба останетесь на ланч?

Они сразу же начали протестовать, но, поскольку находились в замкнутом пространстве лифта, почувствовали, что их как-то пред ему суждено было пообедать с Гарднерами. Цвейгу пришло в голову, что в личности Гарднера было что-то странно притягательное , несмотря на кажущуюся эксцентричность.

Когда они вошли, Гарднер крикнул: “Ку-ку, Наташа!” Из открытой двери спальни раздался тихий, но отчетливый голос, который отчетливо произнес:: “Не кричи, Джозеф. Это вульгарно”.

“Прости, дорогой”. Впервые с тех пор, как они познакомились, Гарднер выглядел смущенным. Цвейг обнаружил, что уже представляет себе невидимую женщину.

“Угадайте, кто со мной?” - спросил Гарднер.

‘Я знаю, кто с вами”, - произнес голос. Цвейг уловил легкий иностранный акцент. “Маргарет рассказала мне”. - Женщина только что вышла из спальни. Она оказалась намного моложе, чем они ожидали, - ей могло быть от двадцати пяти до сорока лет. У нее было лицо русского типа, с высокими скулами и раскосыми глазами, а волосы были длинными и черными. Обтягивающее шерстяное платье, которое она надела , тоже было черным. На ней не было макияжа, если не считать легкого намека на губную помаду, и бледность ее лица, контрастировавшая с темными волосами и платьем, создавала впечатление, что она поразительно красива. На самом деле, как смог убедиться Цвейг , разговаривая с ней, она таковой не была; нос был слегка неправильной формы, подбородок немного

слишком подчеркнуто, чтобы поддержать первое впечатление.

‘Очень любезно с вашей стороны, что вы пришли, профессор”. Она пожала ему руку таким образом, что это каким-то образом дало понять, что он пришел специально, чтобы увидеть ее. Гарднер представил ее Грею. Затем она сказала: “Пойдем выпьем чего-

нибудь. Обед будет готов через десять минут. Ты, должно быть, замерз". Она повернулась к Цвейгу и сказала: "Не могу передать, какое это для меня удовольствие". Ее манеры были теплыми и располагающими, даже интимными, но без кокетства. И все же Цвейг не был полностью очарован. Хотя в свои шестьдесят пять Цвейг был так же впечатлителен, как и в двадцать, его идеалом женщины были светлые волосы, голубые глаза и невинное выражение лица. В жизни Цвейга было три женщины такого типа - последней была одна из его студенток, а Шведка - но аппетит остался. Невинность - или ее видимость - была важна. Поскольку его главным интересом были идеи, ему, как правило, надоедали женщины с сильными личными качествами. ити, чувствуя, что это несправедливая замена интересному уму.

Гарднер просматривал Брэдшоу, что-то бормоча себе под нос. Цвейг и Грей позволили миссис Гарднер налить им еще виски. Гарднер внезапно закричал: 'Вот оно. Должно быть, это оно. Поезд из Норвича отправляется с вокзала Кингс-Кросс в двенадцать двадцать пять. Может быть, так оно и есть. Или есть поезд до Эдина в Берге в два тридцать, если они не успеют на второй.

- Ты собираешься в Норидж, дорогая? - спросила миссис Гарднер. Ее голос звучал мягко, но в нем не было явной иронии.

- Возможно, я и поеду. Гарднер налил себе полстакана виски, затем плюхнулся на диван, лучезарно улыбаясь им.

- Знаете, моя жена медиум. Жаль, что у нас нет ничего из вещей этого парня, Неймана. Она бы сразу сказала вам, убийца ли он.

"Нейман? Как его зовут?"

"Густав...."

Миссис Гарднер наклонилась вперед и уставилась в огонь. Гарднер сказала: "У нее часто складываются впечатления от имен. Они не всегда точны, но она получает поразительное количество точных совпадений'.

Миссис Гарднер, не обращая на него внимания, медленно произнесла::

' Нейман. У меня не сложилось впечатления, что это убийца. Возможно, это просто ассоциация идей... но я вижу, что кто-то связан с нервами, возможно, с мозгом. Она посмотрела на

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

Цвейг. ‘Может быть, психиатр или нейрохирург?”*

Цвейг почувствовал, как у него по коже пробежали мурашки от удивления.

“Это удивительно точно. Его отец был нейрохирургом. геон. Но, возможно, вы слышали имя его отца? Алоис Нейман. Он известный специалист по изучению мозга.

‘Это очень вероятно. Я провел детство, путешествуя по континенту’.

Вошла девушка и сказала, что ужин готов. Гарднер сказал: “Может быть, вы хотите сначала умыться? Ванная комната вон там. Там две раковины, так что вы можете пользоваться ими одновременно”.

Они были рады этому предлогу, чтобы немного поговорить. Цвейг осторожно прикрыл дверь и тихо сказал:

- Я думаю, нам придется отговорить нашего друга от этого шага. продолжай в том же духе.’

Грей, снимая пальто и не решаясь понизить голос, сказал:

‘Должен признаться, я не могу решить, мошенник он или просто немного эксцентричный. Вы сказали, он написал вам раздражительное письмо?”

“Совершенно сумасшедший. Похоже, он считал, что теолог должен быть экспертом в магических ритуалах и древней мифологии. Я даже не пытался объяснить, что моя теология начинается с изучения языка.’

Теперь они стояли бок о бок, и кусочки сиреневого мыла источали странный аромат, который ни один из них не узнал.

‘ Что вы думаете о его жене? - спросил Грей.

- Странно. Я ожидал, что она будет коренастой, с растрепанными волосами. Но мне интересно, действительно ли она медиум?

‘Что вы имеете в виду?”

“Интересно, хочет ли она поддержать идеи своего мужа…”

- Вы имеете в виду, намеренно ли она приютила его ради его денег? Это возможно. Как вы думаете, какой она национальности?

‘ Русская или венгерка. Но у меня также сложилось впечатление , что она училась на актрису или, возможно, на модель”.

- Актриса, - сказал Грей. - Этот голос мог бы сделать ей состояние на экране.

Цвейг вытер руки и сказал: “Честно говоря, меня беспокоит то, что Гарднер может захотеть пойти с нами хоронить святого Эда-

манд’…

- Возможно, - сказал Грей. - Посмотрим, что из этого выйдет.

Они помогли друг другу надеть куртки и пошли в столовую. Гарднер посмотрел на него с веселой и приветливой улыбкой, и оба почувствовали себя виноватыми в своем разговоре. Миссис Гарднер скользнула к Цвейгу, взяла его за руку обеими руками и сказала своим ласковым голосом:

‘Дорогой профессор, я хочу, чтобы вы отошли со мной на минутку”. Цвейг почувствовал, что реагирует на эту близость с пугающей быстротой. Он заметил, что Гарднер, казалось, даже не заметил этого; он разговаривал с Греем с тем выражением всепоглощающего энтузиазма, которое, казалось, редко сходило с его лица. Цвейг позволил увлечь себя к двери, отметив прохладу

руки миссис Гарднер. Они пересекли густо заросший вагон он прошел по коридору, и она толкнула дверь; с тревогой , которая была наполовину удовольствием, он обнаружил, что они в ее постели комната. Она все еще держала его за руку, когда вела через комнату. Кровать была откинута, чтобы проветрить, на подушке лежала черная нейлоновая ночная рубашка . Она указала на книжную полку.

- Вот. Я хотела, чтобы вы поняли, что я не шучу, когда говорю, что восхищаюсь вами больше, чем любым другим писателем. У меня есть все ваши переведенные книги. Вы - мое чтение перед сном.'

Это было правдой. На первый взгляд казалось, что все его книги были на месте. Ее рука на мгновение легко коснулась его рукава.

- Есть одно исключение… которую я храню рядом с собой. Ваш творческий подход к сексуальному акту.

К своему собственному раздражению, Цвейг почувствовал, что краснеет. Он кашлянул и сказал::

"Это одна из моих самых ранних книг'. Он понял, что это прозвучало так, будто он оправдывается, и почувствовал еще большее раздражение.

"Я считаю, что это самая глубокая и прекрасная из всех ваших книг. Интересно, если вы будете так любезны … - она взяла его за руку, и притянула его к кровати, и недоверчивый момент он принял ее намерение, и казалось, что бомбы были экс ploded в голову. Затем он увидел, что она взяла его книгу и отвинчивает колпачок от авторучки. Он потянулся к ней, надеясь, что руки не будут дрожать и не выдадут его. Когда он это сделал, она подняла глаза, и он заметил ее озорную детскую улыбку и был поражен. Он что-то нацарапал в блокноте, понимая, что его слова неразборчивы, затем протянул его

назад к ней. Она взяла книгу, не отрывая взгляда от его лица. Она сказала: >■

‘Мой муж смеется надо мной. Он говорит, что я влюблена в тебя, как школьница”.

“Я очень польщена”. Цвейг был доволен, потому что в его голосе прозвучали как раз нужные нотки сухой галантности.

- Нам пора идти. - Она произнесла это так, словно они только что занимались любовью. Она снова взяла его за руку и вывела из комнаты. ‘Когда-нибудь, когда у тебя будет время, ты должен подписать мне все свои книги”.

“Нам понадобится больше времени”, - сказал он.

Она повернулась и улыбнулась.

’Гораздо больше времени”.

Гарднер все еще увлеченно беседовал с Греем; он что-то объяснял ему об индонезийской мифологии. Госпожа Гарднер сказал:

- Ты должен сесть рядом со мной. - Она подвела его к стулу, все еще держа за руку. Цвейга поразило, что ее, казалось, не волновала реакция мужа; она открыто относилась к Цвейгу как к своей собственности. Он поймал себя на мысли: “Ее последняя игрушка…”, И это помогло немного восстановить отчужденность. Приступив к супу, он заметил время на своих наручных часах: было двадцать три минуты второго. В последний раз он смотрел на часы в ванной, когда снова надевал их на запястье после мытья; тогда было девятнадцать минут второго. Миссис Гарднер покорила его меньше чем за четыре минуты.

Некоторое время они ели молча, затем Гарднер сказал::

“Я вкратце объяснил ситуацию своей жене. И она считает, что нам следует съездить в Бери-Сент-Эдмундс сегодня днем.

Грей сухо заметил: “Вряд ли в этом есть необходимость”.

Гарднер пристально посмотрел на него. “Почему бы и нет?”

Грей откашлялся. Он сказал:

“Э-э-э”… Я не хочу, чтобы вы считали нас неблагодарными за вашу помощь и гостеприимство. Но вы же понимаете, не так ли, что это может быть охота на убийцу? И чем больше нас будет, тем меньше шансов на успех. …’

- Я действительно этого не понимаю, сэр Чарльз. В конце концов, если бы вы были будь вы хоть чуть-чуть более уверены в своих фактах, у вас была бы половина Лондонская полиция помогает вам.'

' Нет. Вы не совсем понимаете, к чему я клоню. Это не вопрос

поиск и арест преступника. Это скорее так… как бы это сказать — вопрос слежки, бдительности, понимаете ли… Я думаю, что Профи профессор Цвейг согласится со мной.'

Цвейг притворился, что его внимание сосредоточено на супе, и издал неопределенный звук. На самом деле ему понравилась идея поехать в Бери-Сент-Эдмундс в компании Нэт аши Гарднер. Миссис Гарднер сказала:

- Пойдемте, сэр Чарльз. На самом деле вы не очень-то представляете, как это сделать, не так ли? Я имею в виду, вы даже не знаете , где находится коттедж Тимоти. И когда вы его найдете, что вы собираетесь делать? Вы не знаете ни одного из них, и если Профессор Цвейг уйдет, это выдаст игру".

Цвейг почувствовал, что пришло время взять на себя предварительное обязательство.

"Вероятно, это правда, Чарльз".

Грей добродушно заметил: "Возможно, так оно и есть. Я никогда не знаю заранее, что собираюсь сделать. Мы найдем какой-нибудь предлог, чтобы выяснить, что происходит. Возможно, нет необходимости идти и стучать в дверь коттеджа. Мы можем осмотреться после наступления темноты. Главное - дать ему понять, что он находится под наблюдением, пока мы связываемся с Интерполом, чтобы выяснить, сможем ли мы собрать достаточно улик для его ареста".

"Но наш метод намного проще", - настаивала Наташа Гарднер. - Послушай. По другую сторону поля от коттеджа есть пустой

коттедж, который мы когда-то хотели снять. Что может быть естественнее, чем для нас с Джозефом притвориться, что это и есть причина нашего пребывания в этом районе? Мы возвращаемся откуда-то с Севера и решили заехать посмотреть на другой коттедж. Мы замечаем клубы дыма я выхожу из коттеджа Тимоти, и мы, естественно, отправляемся навестить его. Если понадобится, мы могли бы снять другой коттедж на несколько недель. Пока мы будем там, этот Нойманн не посмеет ничего предпринять. И все же у него до сих пор нет никаких подозрений, что полиция за ним охотится. И вы можете на досуге ознакомиться с его криминальным прошлым".

Цвейг посмотрел на нее с восхищением. То, что она сказала, опровергло аргументы Грея и дало понять , что они с мужем были бесценными союзниками. Грей медленно кивал, хмуро глядя в свою тарелку, и Цвейгу его мысли были так же очевидны, как если бы он их высказал вслух. Он разрывался между инстинктом солдата, который подсказывал ему избавиться от этих очаровательных, но сомнительных союзников, и его пониманием того, что

НЕОБХОДИМО СОМНЕНИЯ

ее план был простым и удобным. Сказал Цвейг осторожно:

Она может быть прав насчет важности не давая Гас тав знаю, что он находится под наблюдением'.

Серый стало известно, что девушка ждет, чтобы взять его суповая тарелка, и что он был единственным, кто еще не закончил. Сказал он, смеясь:

'Очень хорошо. Если вы не возражаете против скуки и inconven Йенси, мы будем рады вашей помощи'.

- Отлично, ' сказал Гарднер. - Давайте за это откроем бутылку вина

.

- Спасибо, это не для меня, ’ сказал Грей. “Если я еду в Но сегодня днем я бы предпочел не спать.’

Миссис Гарднер сказала: “Джозеф, если ты за рулем, тебе тоже не следует больше пить”.

- “За рулем?” - Сказал Грей. - Как ты думаешь, разумно ли это в такую погоду?”

- Будет лучше, если мы сможем пройти, - сказал Гарднер. ‘Другое мудро, но вся история рушится. Вряд ли мы будем проезжать через Бери-Сент-Эдмундс на поезде, не так ли? Я позвоню в Общество анонимных алкоголиков и узнаю, какие там дороги.’

Три часа спустя Цвейг очнулся от дремоты и выглянул из окна машины. Уже смеркалось. Он спросил: “Где мы?”

Гарднер сказал: “Это место называется Садбери. Мы будем на месте меньше чем через полчаса, если дорога будет в порядке.

- Я думаю, нам лучше зарегистрироваться в отеле, прежде чем предпринимать что-либо еще, - сказал Грей.

Цвейг спросил: “Это хорошая идея? Что, если мы ошибаемся? Что, если Густав приедет сюда? Что, если они действительно сейчас на пути в Шотландию? Не лучше ли вернуться в Лондон сегодня вечером? Перспектива провести ночь в незнакомом отеле его не прельщала.

- Боюсь, что нет, профессор, - ответил Гарднер. - Через несколько часов дороги покроются льдом. Я бы предпочел ехать днем.

Цвейг мрачно уставился на заснеженный пейзаж и подавил зевок. Наташа Гарднер повернулась на своем месте и улыбнулась ему. Она сказала:

“Не бери в голову. Мы с тобой можем провести вечер в уголке , обсуждая твои книги”.

Ее муж мягко сказал: “Не держи его полностью в своем распоряжении”. сам. Я бы тоже хотел с ним поговорить.’

- Я был бы рад поговорить с вами обоими, - дипломатично произнес Цвейг. Он снова закрыл глаза и потянул овцу за собой. кожаный автомобильный коврик плотнее облегал его колени. Этот обмен мнениями имел большое значение это подтвердило его чувство юмора; теперь он позволил себе помечтать о теплом лице рядом с его собственным, о женских духах и был близок к тому, чтобы снова заснуть. Гарднер разбудил его, сказав::

“Коттедж вон там, справа”. Но, я полагаю , нам лучше сначала найти отель?

Несколько минут спустя он сказал:

“Черт, опять идет снег”. Слава богу, мы почти на месте’

“Я очень рад”, - сказал Грей. “Надеюсь, так будет продолжаться и дальше”.

‘Почему?”

‘Проблема с отпечатками ног. Мы не можем приблизиться к коттеджу, не выдав себя отпечатками ног. * Если идет снег, это не имеет значения”.

Машина ехала медленно, поднимаясь по крутому склону. Внезапно колеса начали вращаться на обледенелой дороге, и они остановились. Гарднер сказал: “Похоже, нам придется выйти и надеть цепи. Это плохая примета”.

‘Почему бы вам не попробовать проехать задним ходом по другой стороне дороги? Там меньше снега’.

“Мне нужна чашка чая”, - запротестовала Наташа Гарднер.

Мы”!! попробуй. - Гарднер позволил машине спуститься с холма. В ложбине у подножия, укрытой деревьями, дорога была относительно свободна от снега. Цвейг уже был в отъезде. он испытывал скуку и смятение при мысли о том, что придется помогать надевать цепи на машину, особенно учитывая, что уже стемнело. Он протер заднее стекло, чтобы Гарднер мог видеть

сквозь него. Они остановились под деревьями, затем машина съехала на правую сторону дороги и поехала за уорд включил вторую передачу с полным ускорением. К облегчению Цвейга, колеса завертелись, и они покатили вверх по склону. Гарднер сказал: 'Ура, мы сделали это!' - когда его жена крикнула: "Берегись". Еще одна машина выехала из-за вершины холма, сверкая фарами глядя на них сквозь падающий снег. На мгновение показалось , что произойдет столкновение, затем обе машины вильнули в сторону и

- НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ.

остановился почти рядом. Гарднер опустил стекло и крикнул: "Извини, старина. Не могу забраться с другой стороны. Снег слишком густой'.

"Осторожно, - сказал Грей, - мы соскальзываем назад'.

Когда Гарднер попытался выровнять машину, их фары осветили другую , и Цвейг увидел, что это такси. В тот же момент Наташа Гарднер крикнула: "Боже мой, это Тим". Цвейг увидел белое лицо, выглядывающее из заднего окна.

Быстрее, ' сказал Грей, ' притормози и проедь мимо них. Не позволяй им остановиться рядом с нами. Он повернулся к Цвейгу. - Карл, пригнись к подоконнику, на случай, если его машина засветит фарами

.

Цвейг присел на корточки, прижавшись головой к пальто Грея. Гарднер сказал:

- Все в порядке, они едут дальше.

Узнает ли сэр Тимоти эту машину? Спросил Грей. - К счастью, нет. Мы купили ее всего несколько месяцев назад.

Гарднер был вынужден снова спуститься к подножию холма; на этот раз они преодолели холм без происшествий. Десять минут спустя машина остановилась у отеля “Джордж” в Бери-Сент-Эд мундс. Грей говорил:

- Это была большая удача. Должно быть, они успели на более поздний поезд. Я предполагала, что они останутся на ночь в отеле.

- Я удивлена, что это не так, - сказала Наташа Гарднер. - Тим - ужасный ипохондрик по поводу холода и сырости. Возможно, они дали телеграмму сторожу, чтобы он подготовил помещение.

“Где живет сторож?”

“В двадцати ярдах отсюда, в другом коттедже. Они оба принадлежат Тиму’. &

Портье спросил их: “Надолго?’

Только на ночь, - сказал Гарднер, - хотя мы можем остаться на пару дней, если снегопад будет слишком сильным.

Цвейг и Грей забронировали отдельные номера, которые были рядом друг с другом; Гарднеры жили дальше по тому же коридору. ридор.

‘Поставить машину в гараж, сэр?’

Нет, не делайте этого, - сказал Гарднер. “Возможно, она нам понадобится позже. У вас есть кто-нибудь, кто мог бы надеть цепи на задние колеса?”

“Конечно, сэр’.

Они пили чай в гостиной. Они, по-видимому, были самыми

яооо

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

в отеле были только постояльцы. Сидя перед большим камином с углями и поедая бутерброды, Цвейг снова почувствовал себя счастливым. Когда официант ушел, Гарднер спросил:

‘Итак, каков наш следующий шаг?”

Наташа Гарднер сказала: “Мой следующий шаг - принять горячую ванну, а затем переодеться”.

Меня беспокоит только одно, - сказал Грей, - будет ли Нойманн видел ваше лицо или слышал ваш голос, когда вы окликали того таксиста”.

“Почему? Это имеет значение?”

Только если Нойманн видел, что в машине были не только вы двое. Другое дело, конечно, что вы не сможете заявить, что едете с Севера.

Гарднер стоял у карты на стене. Он сказал:

Я не знаю. Я мог бы заявить, что мы выбрали неправильную дорогу из Кембридж и зашел слишком далеко на юг. В любом случае, я сомневаюсь , что он был уверен в том, что его опознали. Было довольно темно и шел снег.

Наташа Гарднер спросила: “В котором часу вы собираетесь пойти посмотреть на коттедж?’5

- Мы можем отправиться в путь довольно скоро, - сказал Грей. - Но вам нет необходимости приходить. Мы только хотим осмотреть коттедж снаружи . Почему бы вам не остаться и не принять ванну?

Она, вздохнув, сказала: “Нет, я лучше пойду с тобой. Я проделал весь этот путь не для того, чтобы оставаться в отеле!’

Гарднер сказал: “Почему бы вам и профессору Цвейгу обоим не Ты доктор медицины? Вам обоим нет смысла приходить.

Цвейг улыбнулся; идея показалась ему превосходной. Грей заметил его улыбку и сухо сказал::

Боюсь, нам может понадобиться Цвейг. Если Нойманн там, я бы хотел, чтобы его точно опознали.’

Тогда мы все уйдем, - сказала Наташа Гарднер. - Но сначала я должен

С °!м ан? кл? замените эти стыковки. У них есть лестница.’

В темноте этого никто не заметит, - сказал Гарднер.

Я бы это заметила, - сказала она.

. }Когда он поднялся наверх, трое мужчин придвинулись поближе. Цвейг закурил сигару, Грей и Гарднер закурили трубки. Цвейг был по-мальчишески доволен собой. Сейчас

вч м !вчера, сегодня, мы поженились, он снова был в центре внимания, и он снова обратил внимание на обшитые дубовыми панелями стены гостиной, которые утратили свою суровость благодаря рождественским украшениям.

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

отражает то, что в мужском обществе существует некая близость - особенно когда его члены преследуют общую цель, - которую женщинам было бы трудно понять. Глядя на лица своих спутников, которые смотрели на огонь и были заняты своими мыслями, он был близок к тому, чтобы пожелать, чтобы Нэт аша Гарднер осталась в Лондоне. Но когда его мысли обратились к Наташе Гарднер, он представил, как она сидит на краю кровати и натягивает чулок, и его ощущение благополучия усилилось. Какое-то мгновение эти два удовольствия существовали бок о бок; затем они слились, превратившись в жизненную силу, напомнившую ему о юности.

- Похоже, поднимается ветер, ’ сказал Грей.

Хотя окна были закрыты, дул сильный ветер задергиваю занавески. Гарднер сказал:

“Если так пойдет и дальше, к утру коттедж занесет снегом

“.

“Я думаю, нам лучше переехать, как только спустится ваша жена .

Я не хочу застрять в снегу’.

- Она придет через полчаса. Она никогда не собирается меньше чем за три четверти часа.

- В таком случае, я, пожалуй, пойду и приведу себя в порядок сам.

Когда они остались одни, Гарднер сказал:

‘Кажется, ваш друг приятный парень. Давно его знаете?”

‘Несколько лет. Он очень хороший человек’.

Они молча курили еще минут пять. Цвейг спросил::

“Простите за любопытство, но ваша жена русская?’

‘Наполовину русская, наполовину венгерка. У ее семьи было поместье в местечке под названием Матешалка”.

“Она много читает?”

Гарднер сухо заметил: “О, она высокообразованная. Настоящая интеллектуалка. И, как большинство интеллектуальных женщин, она легко влюбляется .’

Его взгляд остановился на Цвейге, как мне показалось, с иронией. давление. Цвейг бросил окурок сигары в камин и встал.

‘Пожалуй, я пойду и распакую свою сумку”.

‘Я посмотрю, есть ли на машине цепи”.

Когда Цвейг умывался в своей комнате, вошел Грей

.

“Знаешь, Карл, я тут подумал об этом. Интересно , это хорошая идея - держать твое присутствие в секрете от Ной?-

манн?’

‘Он может что-то заподозрить. Что я , по-твоему, здесь делаю?”

Грей сел на кровать.

“Именно об этом я и думал. Предположительно, сэр” Тимоти Фергюсон слышал, как жена Гарднера упоминала ваше имя. Возможно, они даже обсуждали вашу работу. Итак, мы все провели Рождество на Севере - нам еще предстоит решить, где именно, - и возвращаемся в Лондон. Я заинтересован в покупке этого другого коттеджа, и Гарднеры привезли меня с собой, чтобы показать его. Это звучит достаточно правдоподобно, не так ли? То, что вы оказались здесь, - совершенно обычное совпадение. хочу познакомиться с Нейманом поближе.’

- Возможно, ты прав. Давайте спросим двух других, что они думают по этому поводу/

Клерк сказал: “Вы же не собираетесь уходить прямо сейчас, сэр?”

“О, я думаю, что да, - сказал Гарднер, - в конце концов, мы же не хотим , чтобы снегопад становился еще глубже”.

“Я бы не стал уходить далеко, сэр. При таком ветре сугробы будут повсюду”.

Гарднер вернулся к ним троим в баре. Капли снега таяли на плечах его пальто.

“Я не знаю, есть ли смысл выходить сейчас на улицу. Я только что садился в машину, а погода ужасная. Но Я полагаю, мы можем попробовать.

- О, да, мы должны попробовать, - сказала Наташа Гарднер. Она пила второй стакан виски и выглядела раскрасневшейся.

Грей посмотрел на часы.

- Ужин будет через час, так что нам лучше начать. Если дороги такие плохие, нам придется повернуть назад. Как далеко это

место?

‘ Около пяти миль.

Наташа Гарднер надела красную шерстяную шапочку, закрывшую уши. Заметив, что Цвейг улыбается, она сказала::

“Я решила отказаться от гламура в пользу тепла”.

*Вы выглядите очаровательно’.

Она сказала: “Пойдемте, джентльмены. В ночь’. Цвейг поймал

выражение легкого неодобрения на лице Грея. Он, очевидно, чувствовал , что она относится к этому как к пикнику. Она сказала: “Пойдем, Профи профессор, вы можете проводить меня к машине.’ Она взяла его за руку. Когда они выходили, Грей заметил, что Гарднер качает головой. Он сказал: “Она в приподнятом настроении”.

“Дело не в этом”, - сказал Гарднер. “Она восхищается Цвейгом Тремендом явно считает себя величайшим мыслителем из ныне живущих. И все же она не может удержаться, чтобы не заигрывать с ним и не вести себя как непослушная школьница девушка.’

- Ты не возражаешь? - спросил я. - спросил Грей. Что-то подсказывало ему, что Гарднер был не из тех, кто обижается на такой вопрос.

- Боже мой, нет. Я слишком часто это видел. Я только надеюсь, что он этого не делает’

Грей улыбнулся: “Нет, я почти уверен, что он этого не делает”.

Входная дверь отеля была закрыта. Когда Цвейг и Наташа Гарднер вышли в ночь, ветер попытался загнать их обратно в отель. Снежный вихрь ослепил их. Они беспомощно стояли,

прижавшись друг к другу, пока Гарднер вышел и сказал::

‘Машина стоит вон там, у тротуара. Пошли’.

Хотя машина была менее чем в двадцати футах от них, они не могли ее увидеть, пока не подошли вплотную. Когда Наташа Гарднер плюхнулась на заднее сиденье, ветер занес за ней снег. Стуча зубами, она крикнула: “Закрой дверь, быстро’. Гарднер включил “дворники”, но их занесло снегом, а затем они замерзли. Наташа Гарднер жалобно сказала: “Тебе следовало сесть в машину пораньше и прогреть ее’.

Ее муж, спотыкаясь, вышел на снег и протер ветровое стекло рукой в перчатке. Но даже когда дворники пришли в движение, ветровое стекло оставалось непрозрачным; оно было покрыто слоем льда. Гарднер включил двигатель и защитную систему. Через десять минут в салоне машины стало теплее, а видимость через ветровое стекло сократилась до четырех метров. Гарднер сказал: ‘Прекрасная ночь для убийства”. Никто не ответил.

Они ехали по городу со скоростью пять миль в час. Цвейгу показалось, что сквозь снег ничего не было видно, хотя оранжевые противотуманные фары были включены. Шум ветра заглушал шум двигателя, даже на второй передаче. Но Гарднер, по-видимому, знал дорогу, и через четверть часа

через час включила максимальную передачу и сказала: “Теперь мы выезжаем на главную дорогу. Кажется, все не так плохо, как я думала”.

“Это кажется ужасным”, - сказала Наташа Гарднер, произнося это как “ужасающе”.

- Нет. Этот ветер сгоняет снег в сугробы у изгородей, и дорога остается относительно свободной.

Теперь, когда в машине стало теплее, Наташа Гарднер взяла Она снова взяла Цвейга за руку и сжала ее между собой, ее рука и тело были напряжены, как будто она все еще сопротивлялась холоду. Цвейг позволил себе погрузиться в приятные грезы о ней. Он не питал иллюзий относительно своей сексуальной привлекательности. Если его лицо и было по-прежнему красивым, то с возрастом оно приобрело новый оттенок. напористость, словно высеченная из камня - он сознавал , что его голос не производит впечатления; у него были почти женские интонации; кроме того, он был слишком маленького роста. Для Наташи Гарднер он , очевидно, был кем-то вроде отца. Было очевидно , что в какой-то степени отец был тем, чего она хотела; Гарднер был старше ее лет на пятнадцать, а может, и больше. Цвейг был еще более удовлетворителен в этом качестве, поскольку он был не только на десять лет старше Гарднер, но и мыслителем, которого она уже считала своим наставником. Что не было никакого сексуального влечения об этом восхищении свидетельствовало отсутствие у Гарднера ревности. И все же роль духовного отца не была неудовлетворительной напротив, это сулило скрытую близость, негласное давление и контакты. По сравнению с этой неопределенностью открытые сексуальные отношения показались бы грубыми. Романтизм Цвейга всегда вызывал отвращение к Французская традиция нескрываемой супружеской измены.

Машина повернула налево, хрустя по сугробам. Грей сказал: “Хорошо, что на нас надеты цепи. Иначе нас бы занесло на всем пути”.

Наташа раздраженно сказала: “Кажется, это далеко”.

“Еще около двух миль’.

Грей сказал: “Я думаю, лучше всего попытаться заглянуть в окна Коттеджа. Нет смысла звонить размышляю над ними сегодня вечером. В такую погоду это выглядело бы слишком подозрительно

.

- А если предположить, что мы ничего не увидим в окнах?

- Я не знаю. Мы что-нибудь придумаем.

- А если мы не сможем вернуться? Спросила Наташа Гарднер. Что нам делать - попросить Тима найти нам свободную комнату?

10 5

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

“Нет причин, почему бы и нет. Сначала мы должны найти это место. Я ни черта не вижу”.

Гарднер остановил машину и опустил стекло. Он сказал:

“Я думаю, это вон там”. Это примерно в двадцати ярдах от дороги. Нам лучше выйти и идти отсюда пешком.

Они выбрались из машины по глубокому снегу и попытались укрыться от ветра за машиной. Гарднер крикнул::

Вам всем лучше следовать за мной. Держитесь друг друга и избегайте обочин. Там канава.

Цвейг обнаружил, что не может определить, где заканчивается дорога и начинается канава. Местность вокруг была плоской, с редкими деревьями и живыми изгородями, и дорога могла

тянуться практически в любом направлении. Держась за руку Наташи Гарднер , он, спотыкаясь, пошел в направлении голоса Гарднер. Разглядеть что-либо было невозможно: ветер бросал снег ему в глаза, когда он поднимал лицо. Мгновение спустя он услышал крик Грея:: “Где ты? Я тебя потерял”. Гарднер сказал: “Послушай, я думаю , нам всем лучше держаться за руки цепочкой, иначе мы заблудимся”. Еще пять минут они шли, держась друг за друга. Грей крикнул: “Ты уверен, что мы идем в правильном направлении на что Гарднер ответил: “Нет”. Гарднер остановился, и они столпились вокруг него. Он сказал:

“Вы видите свет вон там?’

“Я вижу”, - сказал Грей. Он указал направо. Наташа Гарднер сказал: “Вот и все. Я уверен, что это то самое место. Я узнаю эти деревья”.

“Что нам делать?’ Спросил Гарднер. Его жена закричала::

“Взгляни на это, а потом возвращайся в отель. Я проголодался”.

Гарднер сказал: “Наташа, тебе лучше остаться со мной. Мы пойдем первыми”.

Снегопад почти прекратился, но ветер все еще был таким сильным, что это не имело значения. Несмотря на плотную пелену над надев пальто, Цвейг почувствовал себя голым. Грей сказал: ‘Пойдем, Карл. Мы заглянем за дом”.

Гарднеров больше не было видно, но они оставили тропинку в глубоком снегу. Они перелезли через перелаз и пересекли поле. Впереди забрезжил свет, и они смогли разглядеть очертания коттеджа. Грей наклонился к уху Цвейга и сказал:

Давай подойдем к нему поближе. Я не хочу уезжать

слишком много явных следов”.

Они перелезли через что-то похожее на проволочную изгородь, затем продрались сквозь яблони. Ветки хлестали Цвейга по лицу, но кожа была такой холодной, что он не мог понять, поранился он или нет. Он споткнулся и налетел на какой-то предмет, который металлически звякнул. Грей сказал: “Осторожно, смотри за мусорным ведром”. В этот момент открылась дверь, и на снег упал луч света. Чей-то голос спросил: “Есть здесь кто-нибудь?’ Грей прошипел: “Пригнись”. Они пригнулись под деревьями, и Цвейг прошептал: ‘Это Густав”. В этот момент слева раздался голос Гарднера: “Привет”. Они наблюдали Гарднер и Наташа Гарднер приближались по садовой дорожке.

Мужчина крикнул: ‘Кто это?’

‘Сэр Тимоти Фергюсон дома?” Позвал Гарднер.

“Да. Кто это?’

‘Меня зовут Гарднер’.

Изнутри коттеджа послышался другой голос: ” Привет! Заходите.” Мгновение спустя дверь коттеджа закрылась за Гарднерами.

Грей встал. “Заходите’.

‘Где?’

‘Возвращаемся к машине. Ждать здесь нет смысла.

Пять минут спустя они сидели на переднем сиденье машины, двигатель был включен, а обогреватель растопил снег на ботинках Цвейга. Укрыться от ветра было роскошью, даже несмотря на то, что обогреватель, казалось, не работал. Цвейг извинился за то, что споткнулся о мусорный бак. Он сказал: “Он был полностью засыпан’.

‘Ничего страшного. Может, все к лучшему. Гарднеры могут хорошенько осмотреться”.

“Как вы думаете, нам стоит подъехать поближе?”

“Нет. Нойманн может услышать шум мотора. У него, должно быть, очень хороший слух, раз он подошел и выяснил, откуда доносится шум крышки мусорного бака’.

Постепенно тепло вернулось к их рукам и ногам. Серый

сказал:

- Старик казался вполне здоровым.

Они сидели молча, но оба были заняты одной и той же мыслью: что их охота на убийцу была ошибкой. Эта мысль не выходила у Цвейга из головы с тех пор, как Гарднер объявил, что сэр Тимоти Фергюсон не находится в физическом состоянии.

опасность. Хотя он отказался бы признать, что кельтская статуя Гарднера и его метод гадания произвели на него впечатление, слова Гарднера подтвердили его собственную уверенность в том, что Нойманн не был преступником.

Грей сказал: “Снова идет сильный снегопад. Надеюсь, они не задержатся надолго, иначе дороги станут непроходимыми”.

“Возможно, нам следовало пойти с ними внутрь”.

“Нет, пока нет. Если понадобится, мы можем пойти и постучать в дверь - скажем, что Гарднер оставил нас ждать в машине. Давайте сначала дадим им еще десять минут’

Он снова включил “дворники”. От их ровного тиканья Цвейга клонило в сон. Он проснулся от шока , когда дверь машины открылась и раздался голос Гарднера.: - Извините, что мы так долго.

Цвейг забрался на заднее сиденье.

- Что-нибудь узнал? - спросил Грей.

‘ Немного. Я расскажу вам через минуту. Он с некоторым трудом развернул машину; дорога была узкой, а канавы занесены снегом.

Наташа Гарднер сказала::

“Дай мне сигарету”. Этот человек вызвал у меня странное чувство’.

Несмотря на снегопад, Гарднер вел машину со скоростью двадцать пять миль в час, наклонившись вперед и глядя сквозь ветровое стекло. Цвейг прикурил от сигареты Наташи Гарднер и заметил, как покраснели ее щеки. Никто не проронил ни слова, пока машина не свернула на главную дорогу Садбери. Затем Грей спросил::

“Ты сказал ему, что Цвейг был здесь?”

Ответила Наташа Гарднер.

“Нет”. Мы просто сказали, что с нами были двое друзей. Мы сказали, что вы вернулись в отель. Я рад, что вы не пришли и не постучали в дверь.

. “Как вы объяснили свое присутствие там в такое позднее время?”

“Наташа утверждала, что у нее внезапно появилось ”шестое чувство”, что Тим был у себя в коттедже. Я не думаю’ что Нойманн поверил ей.

- Вам все показалось нормальным?

Не совсем. Но я расскажу тебе об этом, когда мы доберемся до отеля.’

Обратная дорога заняла меньше четверти часа. Наташа Гарднер все время курила и смотрела перед собой; Цвейг чувствовал ее напряжение. Они опоздали на полчаса

на ужин. Когда они вошли, портье вздохнул с облегчением. * Я боялся, что ты застрял в снегу. Не хотите ли пройти прямо в столовую?

В столовой было еще только двое гостей. Трое мужчин сели за

стол, и перед ними тут же поставили суп. Гарднер сказал::

- Нам лучше приступить к еде. Никогда не знаешь, сколько времени пройдет, Наташа может задержаться.

За ложками супа Гарднер рассказал им о коттедже.

- Когда вы наткнулись на мусорный бак, я подумал , что нам лучше показаться. В конце концов, ему достаточно было выглянуть наружу, чтобы найти следы. Итак, мы рассказали ему историю, которую придумали, - о том, как провели Рождество в Кембридже. Все казалось совершенно нормальным. Тим был явно рад нас видеть - хотел Ты хотел остаться на ужин, но мы сказали, что ты ждешь в отеле. Они дали нам немного виски, и Нойманн, казалось, очень дружелюбный.'

'Он мне не понравился, Наташа Гарднер сказал. У нее был просто присоединился к ним, надела другое платье.

Серый спросил: - он, кажется, вообще волнуют ваши появляются Анце? Он показался вам виноватым или хитрым?'

'О нет. Нисколько. Очень сдержанный.' Она сказала это насмешливо медленно.

Гарднер сказал: "Я понимаю, что она имеет в виду. На самом деле я этого не делал. похож на него, но в нем чувствовалось какое-то… высокомерие.

- А как насчет сэра Тимоти? Он казался счастливым?

Наташа задумчиво произнесла: "Он казался очень веселым… но…"

Гарднер перебил ее: "Он выглядел лучше, чем я когда-либо видел". Но произошло одно странное происшествие. Я уже говорил вам, что Наташа сказала, что у нее внезапно возникло ощущение, что Тим в своем коттедже. Ну, я заявил, что мы позвонили по его лондонскому адресу - его квартирной хозяйке - из отеля, просто чтобы проверить. Когда я сказал это, мне показалось, что Тим нервничает. Тогда Наташа сказала мне Нойманн: "Вы, должно быть, замечательный врач. Я никогда не видел Тим выглядит таким здоровым." И Нойманн тут же сказал: "Прошу прощения, но я не врач. Я всего лишь сэр секретарь Тимоти". Поэтому я сказал: "Но домовладелица упомянула по телефону, что вы врач". Но Тим перебил ее:: "Это моя вина. Мы

говорили о врачах, и она получила

смешаться. У нее на уме доктора". Поэтому мы оставили эту тему.

Принесли основное блюдо и бутылку кларета. Цвейга клонило в сон - сказывались тепло и еда после физических нагрузок. Он сказал:

"Мне это не кажется странным. В конце концов, если Густав не врач, почему он должен говорить, что он врач?"

Грей сказал: "Сегодня утром хозяйка была совершенно уверена в этом . Я думаю, у него могли быть причины не хотеть , чтобы кто-то знал, что он оказывает Фергюсону какую-то медицинскую помощь.

Цвейг спросил: "Они сказали, зачем пришли в коттедж?'

'Да. Тим утверждал, что хотел написать мемуары и хотел побыть где-нибудь в одиночестве.

"Он когда-нибудь говорил с вами о написании мемуаров раньше?"

'Никогда. На самом деле, я ему не верю. Он, пожалуй, самый нелитературный человек из всех, кого я когда-либо знал".

"Но у вас не сложилось впечатления, что у Ноймана есть какие-то способности к литературе". Как вы заставили его приехать в коттедж?'

"Нет. Нисколько. Я не верю, что он это сделал. Есть одна вещь , в которой я абсолютно уверен. Тим доверяет компании Neumann com полностью.'

Грей повернулся к Наташе Гарднер:

- Какое у вас сложилось впечатление о Неймане, миссис Гарднер?

Я ни хрена не знаю. Когда мы впервые вошли в дом, я подумал, что мы ошиблись на его счет. Он выглядел слишком молодым, чтобы жить в Гейдельберге в 1930 году. Потом, когда я рассмотрел его при более выгодном освещении, я увидел, что это было ложью. В нем есть что-то от молодости, что я раньше замечал у людей с единственной целью. Он человек с односторонним мышлением'

' Чудак? - спросил Грей.

- Нет. В некотором роде идеалист.

Цвейг торжествующе рассмеялся и повернулся к Грею.

Как видишь, это именно то, о чем я тебе говорил. Он не преступник обычный тип.'

- Я не знаю, - медленно произнесла Наташа.

' Почему?

Согласен, он не похож на преступника. Но он человек, который больше заботится о цели, чем о средствах. Я думаю, он мог бы совершить

нет

НЕОБХОДИМОЕ СОМНЕНИЕ

ель

совершил преступление для достижения какой-то цели".

"Ради денег?" - подсказал Грей.

"Да, если деньги были необходимы для его главной цели".

Гарднер с восхищением смотрел на свою жену.

‘Она почти всегда права в суждениях о людях, знаете ли. Она видит гораздо глубже, чем я когда-либо видел”.

“Вы согласны с ней насчет Неймана?’

“Думаю, да. Он показался мне неплохим человеком. Приятный парень. Потрясающий союзник, умный, я бы сказал. Но немного бесчеловечный.

Грей спросил Наташу Гарднер:

“Как вы думаете, сэру Тимоти угрожает какая-то опасность со стороны Неймана?’

‘Я… так не думаю. Я… - Она, нахмурившись, смотрела в свою тарелку, подыскивая слова. - На самом деле, не от Неймана. Я не думаю , что он такой, как мы думали….

- И что же мы подумали?

- Я знаю, что я думала. Что он был совершенно циничным мошенником без совести и морали, человеком, который убивал, потому что у него не было человеческих чувств. Вы понимаете, что я имею в виду, сэр Чарльз. Тип преступника. Человек, который в подростковом возрасте на социальном уровне….’

‘Да. Я понимаю, что вы имеете в виду. А вы уверены, что это не так?”

“Совершенно уверен. Если он убийца, то он относится к тому же типу, что и Гитлер - человек, для которого убийство - всего лишь средство достижения цели.

Цвейг чуть не поперхнулся вином. Он сглотнул замычал, закашлялся, а затем сказал:

“Это невозможно. Вы забываете, что Густав - еврей и что он пострадал при Гитлере. Гитлер был фанатиком, который был Достаточно глуп, чтобы проглотить бред Гобино и Гинтера. Густав слишком умен для этого.’

Гарднер сказал: “Я не думаю, что это совсем то, что она имеет в виду. Я думаю, она имеет в виду, что идеалисты были ответственны он повинен в большем количестве смертей, чем все преступники в истории.’

‘ Вполне. Но каков идеал Густава? Когда я познакомился с ним в В Гейдельберге у него возникла безумная идея стать мастером криминального искусства. инал. Это не идеал - это подростковая чепуха.’

Грей осушил свой стакан. Он сказал:

‘Короче говоря, мы по-прежнему в неведении, как и раньше… за исключением одной любопытной подсказки - Нойманн хочет, чтобы его воспринимали как секретаря и ничего более”.

“Это понятно”, - сказал Цвейг. “Я считаю, что его

привет

НЕСОМНЕННО, это НЕОБХОДИМО.

лечение, вероятно, психологическое. Но, вероятно, у него нет диплома, позволяющего практиковать в качестве психолога.

“Это не является незаконным, при условии, что он не использует ложные предлоги. Почему он должен беспокоиться?’

Цвейг, пожав плечами, сказал: “У него могло быть много причин”.

“Я могу предположить только одну”, - сказал Гарднер. Цвейг не ответил. Он знал, что имел в виду Гарднер, но не хотел об этом думать. Вместо этого он подозвал официанта и попросил принести еще бутылку вина.

Грей сказал: “Хотел бы я попасть внутрь этого коттеджа и осмотреться”

.

“Как вы думаете, что вы могли бы найти?” - Спросила Наташа Гарднер.

- Для начала, прав ли Карл в том, что лечение было

психологическим.

- Вы думаете, Нойманн заставляет сэра Тимоти принимать наркотики?

- Маловероятно, - сказал Гарднер, прежде чем Грей успел ответить. - Я не так уж много знаю о наркотиках, но я немного видел их действие. Тим выглядел совершенно нормальным и здоровым.

Цвейг сказал: “В таком случае, мы можем вернуться в Лондон завтра’.

- Я склонен согласиться, - сказал Гарднер. Все посмотрели на Грея. Грей покачал головой.

- Я не согласен. Почему бы вам с миссис Гарднер не вернуться и не оставить нас с Цвейгом здесь? Тебе особо нечего делать”.

“Что ты собираешься делать?”

“Я бы хотел посмотреть на этот коттедж. Разве ты не говорил, что поблизости есть другой коттедж, который ты когда-то хотел снять? Насколько он близко?’

- В пятидесяти ярдах отсюда.

‘Виден ли коттедж сэра Тимоти из окон?”

‘Да, я полагаю, что так. Но какой в этом смысл?”

“Когда-нибудь они обязательно куда-нибудь выйдут. Я бы хотел заглянуть внутрь, когда они это сделают’.

- Это будет нелегко. Домик садовника всего в десяти ярдах отсюда. Вас почти наверняка заметят.

Грей бросил в кофе кусочек сахара.

Тогда остается только один выход. Предупредить Фергюсона, что Нойманн может быть убийцей”.

“Каким образом?’ Спросил Гарднер.

НЕОБХОДИМЫЕ СОМНЕНИЯ

Грей посмотрел на Цвейга. “Вы бы согласились это сделать?”

Цвейг осторожно сказал: “Естественно, если вы считаете это необходимым. Но вы уверены, что это необходимо? Это было бы нелегко. Все зависело от того, удастся ли застать сэра Тимоти наедине или передать ему сообщение. …’

‘Или я просто поеду в коттедж с Гарднером и откровенно поговорю с Фергюсоном - при необходимости, в присутствии Неймана”.

Цвейг поморщился. - Это кажется излишне… грубым.

- Если мы собираемся вернуться в Лондон и оставить их наедине, я не вижу другого выхода.

Цвейг уставился в свой пустой бокал. Наконец он сказал::

- Я хотел бы поговорить с Густавом наедине.

- Вы могли бы все выдать.

- Я знаю. Но вы просите меня исходить из того, что он - человек, который убивает из-за денег, и я нахожу это трудным.

Грей вздохнул.:

‘ Хорошо. Мы можем с таким же успехом забыть об этом. Единственная альтернатива я хочу остаться и понаблюдать за ними. - Он повернулся к Гарднеру. - Если ты сможешь это устроить, я перееду в этот коттедж завтра.

- Здесь не должно возникнуть никаких трудностей, но это будет не очень удобно для удобства. Он принадлежит местному фермеру. Я попробую дозвониться до него сегодня вечером.

Наташа Гарднер сказала: “Ты знаешь, что здесь нет мебели и отопления?’

“Мы можем развести камин”.

‘В таком случае, - сказал Гарднер, - я пойду с вами и буду дежурить вместе”.

- “Нам всем лучше уйти”, - сказала Наташа Гарднер.

“Мы можем решить это позже. Прежде всего , нужно выяснить, можем ли мы воспользоваться коттеджем. Вы можете позвонить фермеру прямо сейчас?”

“Если хотите, я позвоню”. —

Пока Гарднер разговаривал по телефону, все трое сидели молча. Цвейг предложил им обоим вина; когда они отказались, он вылил остатки в свой бокал. Он пил , пытаясь избавиться от чувства подавленности, которое не покидало его с тех пор, как они вернулись из коттеджа, но это ничего не меняло. Во всем этом деле было что-то неуловимое; оно было одновременно и слишком сложным, и слишком простым.

Наташа Гарднер сказала: “У меня есть идея. Почему бы вам не попросить местную полицию позвонить в коттедж и не попросить о встрече с Ней?-

Ик 3

документы Манна? Если он решит, что полиция заинтересовалась им, он может что-нибудь выдать….’

Грей выглядел довольным.

Это неплохая идея. Деревенский констебль, вероятно, умело делай это. Он мог бы сказать, что проверяет , все ли в порядке — защищает собственность Фергюсона и все такое. Тогда он мог бы попросить показать паспорт Нойманна. Какой в этом смысл? - спросил Цвейг.

‘Чтобы заставить Ноймана понервничать’.

Наташа сказала: “Я думаю, что наш визит этим вечером, вероятно , повлиял на это’.

Я надеюсь, что это так. Я хочу, чтобы он был подозрительным — подозрительным и осторожным”.

Вернулся Гарднер; он потирал руки и выглядел очень веселый. Он сказал:

‘Ну, моя дорогая, теперь у нас есть летний коттедж”. Ты не предлагала мне его купить?”

Да. Это не имеет значения. Я долго думал об этом . И я не смог придумать другого предлога для того, чтобы захотеть переехать завтра утром. В любом случае, все улажено.

Завтра утром отправляйся в бой с охапкой дров для костра. Он сказал мне, что в нем есть кое-какая мебель . Не смотрите так обеспокоенно. Это было недорого’

Грей, смеясь, сказал: “Вы, конечно, все тщательно продумали”. В данном случае альтернативы не было. Может, пройдем в гостиную и выпьем бренди, чтобы отпраздновать это?

Наташа Гарднер зевнула, затем извинилась. Она сказала: “Боюсь , мне скоро придется лечь спать. Я с трудом удерживаюсь от того, чтобы не заснуть”.

Хорошая идея, - сказал Гарднер. - Я хочу встать к семи. Я попрошу портье перезвонить мне пораньше’

Спасибо, что пришли, - нахмурившись, сказала Наташа Гарднер., - Все в порядке, мы с Греем можем пойти и подготовить квартиру.

В С ˚ я *? д< : олл Ф КТ г˚ у ˆ позже. Он хлопнул серого по плечо. 11 мы берем бутылку из-под коньяка с нами тоже. Вы ком Инг уже сейчас ? ’

главный констебль!’*’ ˆ ˆ *1* ˆ ˚ позвонил местному жителю

*С какой стати?”

Наташа Гарднер, улыбаясь, сказала: “Он хочет договориться, чтобы кто-нибудь позвонил Нойманну рано утром’.

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

На следующее утро в половине десятого Цвейг и Наташа Гарднер позавтракали вместе, а затем вышли посмотреть на город. После грозы небо было безоблачным. Снег таял, и во влажном воздухе уже чувствовался привкус весны. Оба уже оправились от усталости, вызванной дорогой, и от чувства подавленности,

которое испытывал Цвейг. страх и дурные предчувствия полностью исчезли. Теперь, когда они были одни, она больше не вела себя так, что могло бы вызвать ревность у мужа; исчезли жесты и взгляды, которые, казалось, призывали к близости. Несмотря на это, чувство близости каким-то образом усилилось. Цвейгу было трудно осознать, что они знали друг друга меньше суток; она заставляла его чувствовать себя так, словно они были близкими друзьями на протяжении многих лет.

В десять часов позвонил Гарднер и сказал, что они поселились в коттедже и, вероятно, останутся там до конца дня. Казалось, он чувствовал, что обитателям соседнего коттеджа будет трудно устоять перед соблазном солнечного света и неожиданно теплого ветерка, и они дадут ему возможность обыскать их коттедж. Он посоветовал жене это было полуразрушенное аббатство и две пятнадцатого века храмы, которые стоит увидеть, и предложил ей взять Цвейг на прогулку. Они решили последовать его совету, нашли в отеле путеводитель и провели утро, бродя по тающему снегу и изучая историю короля Сигиберта и короля Эдмунда. Старый староста описал разрушение монастыря так наглядно и в таких длина том, что они оба почувствовали легкое удивление на их находить я еще в XX веке. В этот момент бой церковных часов предупредил их, что у них осталось всего десять минут, чтобы пройти две мили и подготовиться к обеду.

Она спросила портье: “Что-нибудь передать для меня?’

Нет, мадам, но вас ожидает джентльмен.’

‘ Джентльменом? Она выглядела озадаченной. - Где он? - спросил я.

- Полагаю, ждет в гостиной.

Она сказала Цвейгу: “Возможно, тебе лучше пойти пообедать, пока Я вижу, кто это. Я полагаю, это кто-то с сообщением от Джозеф’

Я подожду. - Говоря это, он руководствовался только

“5

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

мысль о приятной близости, о том, как мы поднимемся с ней в лифте и постучим в ее дверь через пять минут, чтобы узнать, готова ли она.

“Ах да”. Она спросила служащего: “Не могли бы вы указать мне на него ?’

В холле, казалось, никого не было. Портье сказал::

‘Это странно. Возможно, он снова ушел”.

Пока он говорил, из кресла с высокой спинкой, повернутого к двери, поднялся мужчина. Он сказал: “Доброе утро, миссис Гарднер”, - затем, взглянув на Цвейга, стоявшего у нее за спиной, добавил: “Доброе утро, профессор”.

Наташа Гарднер не выказала ни малейшего удивления. Она сказала: ’ А, это вы. - Она повернулась к Цвейгу. - Вы не знакомы с мистером Ной Манном, не так ли? Он секретарь сэра Тимоти’

Нойманн сказал: ‘Напротив, мы старые друзья. Он был моим профессором.’ Цвейгу он сказал: “Ты не кажешься таким уж хотел меня видеть.’

Цвейг позавидовал ее самообладанию; он почувствовал , что краснеет, и на мгновение лишился дара речи. Затем, слегка заикаясь, он произнес:

‘Удивлен! Я поражен. Что вы здесь делаете?’ Он подошел к Нойману, протягивая руку. Нойманн взглянул на нее и слегка улыбнулся, как будто его позабавило это неуместное замечание. Затем он протянул руку и взял ее, быстро и небрежно, но почти сразу же уронил. Он сказал Наташе:

“Извините, что пришел в такой неподходящий момент. Я надеялся поговорить с вами и вашим мужем’.

‘Боюсь, его здесь нет. Он в коттедже…” - Она замолчала, и разум Цвейга закончил ее фразу: “шпионит за тобой”. Она тут же спохватилась. “Разве ты не заметил его , когда проходил мимо?’

‘Нет. Какое несчастье! Если бы я знал, то, возможно, избавил бы себя от необходимости приезжать сюда. Я пришел другим путем, через Бейтон. Но теперь, когда я здесь, и уже так поздно, не

будете ли вы так любезны и не разрешите ли мне предложить вам пообедать?'

Хотя он говорил с ней серьезно и вежливо, ему в то же время удавалось намекнуть, что Цвейга в комнате нет. Цвейг был слишком поражен, чтобы возмутиться таким пренебрежением; он стоял, уставившись на профиль Неймана, и на мгновение растерялся. После нескольких дней размышлений о Неймане этот кон-116

появление было слишком внезапным; более того, человек, который сейчас разговаривал с Наташей Гарднер, был совершенно не похож на Густава Нойманна его мыслей. Физическое сходство было налицо; в этом отношении Нойманн очень мало изменился. Но этого самообладания, подобного тяжелому камню, балансирующему на оси, он никак не мог ожидать.

Наташа Гарднер смотрела на Ноймана с нескрываемым раздражение cealed; более хладнокровным, чем Цвейга, она обижалась оскорбление, что он был слишком растерянный, чтобы это заметить. Ее голос был холодно и вежливо, как она сказала :

- Прости, но я уже договорился пообедать с Профессор Цвейг.'

- Какая жалость. Манеры Нойманн были настолько небрежно-официальными, балансирующими между вежливостью и безразличием, что сторонний наблюдатель был бы удивлен ее реакцией. Цвейг также заметил, что в акценте Неймана не было и следа немецкого; он мог бы сойти за английского адвоката, беседующего со своим двадцатым клиентом за день, скрывая скуку за вежливой маской заинтересованности.

Наташа Гарднер посмотрела на часы. - Боюсь, мы и так уже опаздываем на ланч.

- В таком случае, не будет ли это слишком назойливо с моей стороны, если я спрошу , могу ли я иметь удовольствие присоединиться к вам?

Она посмотрела на Цвейга, успокоенная тем, что вынудила Нойманна просить об одолжении, но решившая воспользоваться своим преимуществом.

- Если профессор Цвейг не возражает… - Ее тон выдавал заявила, что, если Цвейг будет возражать, Нойманну придется обедать одному. Это был ее способ заставить Ноймана признать присутствие Цвейга. Цвейг не воспользовался своим преимуществом. Он поспешно сказал:

- Конечно, конечно. Конечно, - и затем по выражению ее губ понял, что каким-то образом обратил часть ее внимания на себя.

Она пожала плечами.:

- Я должна пойти в свою комнату. Может быть, вы двое присядете за наш столик? Она обратилась к Цвейгу: “Я бы хотела сухого шерри”.

Оставшись один, Нойманн улыбнулся Цвейгу с той же сдержанной светской вежливостью.

- Для меня было неожиданным удовольствием застать вас здесь. Не пройти ли нам в столовую? Он придержал дверь для Цвейга. - Боюсь, я проголодался. Вы не заглядывали в ресторан?

в городе?

‘ Э-э, нет… то есть, да, в аббатстве. …’

- Я должен взглянуть на это, прежде чем мы уйдем. Они вошли в столовую. зал, и их голоса были похожи на голоса двух случайных знакомых , которым нечего сказать друг другу.

Подошел официант; Нойманн сказал: “Я думаю, мне хотелось бы сухого мартини - очень сухого”. Вы не составите мне компанию? Да? Два мартини и сухой шерри.

Когда официант отошел, Цвейг сказал: “Вы говорите по-английски, как настоящий англичанин”.

Комплимент должен был пробудить в Нойманне интерес. Но Нойманн только сказал самым сухим из своих слов:

- У вас превосходный английский. Он уставился в другой конец зала, не обращая внимания на меню, которое лежало перед ним открытым. Несомненно, он хотел дать Цвейгу понять, что считает его незнакомцем. Если бы его сдержанность была вызвана застенчивостью, он , возможно, попытался бы скрыть это, притворившись , что изучает меню.

Цвейг спросил: “Вы все еще гражданин Германии?’

Нойманн холодно посмотрел на него.

, Уэс.’ Он резко отвел взгляд, как будто обдумывал вопрос это была дерзость. Через мгновение он добавил: “На самом деле, сегодня ко мне приходил офицер полиции, чтобы проверить мои документы. Похоже, его весьма заинтересовал мой адрес.’

- В самом деле? Сказал Цвейг. Он открыл меню. Пока он читал, его мысли были заняты вопросами. Где были Грей и Гарднер? Намеренно ли Нойманн избегал их, и если да, то о чем он подозревал?

- Думаю, я мог бы попробовать устриц, - сказал Нойманн.

- Да, - сказал Цвейг. - Возможно, я присоединюсь к вам.

Последовала пауза, и он почувствовал, что совершил ошибку; он взглянул на начало меню; устрицы там не упоминались. Он сказал: “В моем меню устрицы не упоминаются”.

В улыбке Неймана безошибочно угадывался сарказм. Он сказал: ‘Ах, нет, я допустил ошибку’.

Инцидент был тривиальным, но все же произвел впечатление на Цвейга. Он чувствовал, что Нойман знал, что на самом деле он не читал меню , а просто смотрел на него, чтобы выиграть время на размышления. В тот же миг он почувствовал приступ суеверного страха, что Нойманн мог читать его мысли. Он почувствовал облегчение, когда Через мгновение к ним присоединилась Наташа Гарднер. Она взглянула на него

переводя взгляд с одного на другого, заметил, что Цвейг смотрит как-то странно. непринужденно, как тогда, когда она покинула их пятью минутами ранее, и сказала нарочито наивным и оживленным голосом:

- Я полагаю, вы двое говорили о старых временах?

Нойман улыбнулся. - Пока нет. Я не уверена, что нам есть что обсудить.

“В самом деле?” Она широко раскрыла глаза. “Почему?”

‘Моя собственная карьера была очень скучной. Я не могу похвастаться каким-либо прогрессом или развитием, которое можно было бы сравнить с прогрессом Pro профессор Цвейг.’

Цвейг задумался, не было ли это запоздалой попыткой сделать ему комплимент. Он спросил: “Значит, вы читали какие-нибудь из моих более поздних книг?’

- Несколько. Я даже видела вас по телевизору. В улыбке не было явного сарказма, но смысл был очевиден. Но Наташа Гарднер лишь улыбнулась еще очаровательнее, чем обычно.

- Не расскажете ли вы нам, чем вы занимались с тех пор, как вам исполнилось 12 лет? Студент профессора Цвейга?

Нойманн осторожно поднял свой бокал с мартини; бокал был слишком полон.

- Я бы и не подумал надоедать вам, миссис Гарднер.

Они заказали еду, и Цвейг получил еще одну возможность рассмотреть лицо Неймана. Поразительно, как мало оно изменилось. Губы по-прежнему были слишком чувствительными, лоб - неухоженным. выложены. В глазах была та же настороженность, что и на фотографии в альбоме Цвейга; в складках вокруг рта не было и следа слабости или поражения. Это было лицо высокомерного юноши, а не мужчины средних лет.

И все же это было лицо, которое Цвейг был готов к тому, что ему понравится; вот почему он был озадачен и задет намеренной холодностью Неймана.

Наташа Гарднер расспрашивала его о работе на сэра Тимоти. Он объяснил, что помогает сэру Тимоти в работе над автобиографией и что он также будет изучать составлять и систематизировать различные семейные документы, когда они прибудут в Перт. История показалась правдоподобной. Когда Наташа Гарднер попросила подробнее рассказать о семейных бумагах, он ответил утверждал, что один из предков сэра Тимоти в елизаветинскую эпоху был неутомимым автором дневников и корреспондентом, а его более поздний предок переписывался с Криви и доктором Берни. Детали казались слишком подробными, чтобы быть выдумкой. В тишине, воцарившейся, когда они приступили к еде, она вдруг спросила:

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

‘Почему вы так не удивились, увидев профессора Цвейга только что? Вы знали, что он был здесь?”

Нойманн тщательно прожевал кусочек говядины, прежде чем ответить. “Я взял за правило никогда не удивляться. Кроме того, сэр Тимоти случайно упомянул, что Цвейг был вашим любимым писателем, и я понял, что вы были с ним знакомы.

Там был. было что—то коварное в том, как Нойманн умудрился выразить неуважение, не будучи явно грубым; упоминание Цвейга без его ученого звания могло быть своего рода проявлением почтения - в конце концов, никто не говорит о профессоре Шопенгауэр или профессор Ницше — но Цвейг знал лучше, и, говоря о нем как о своем “любимом писателе”, она, казалось, также намекала на то, что Наташа Гарднер была интеллектуальным дилетантом. И все же Нойманн улыбался им так, словно его единственным желанием было понравиться своим соседям по столу.

Наташа Гарднер резко спросила::

По какому поводу вы хотели меня видеть?

Нойманн на мгновение отложил ложку.

? - По поводу сэра Тимоти. Но это довольно деликатный вопрос, и Я бы предпочел поговорить об этом, когда ваш муж тоже будет здесь.'

- Я не думаю, что кто-то из нас счел бы правильным говорить об этом Сэр Тимоти за его спиной, да еще в обществе сравнительно незнакомого человека.

- Я была уверена, что вы так и поступите. Но, думаю, вы отнесетесь к этому по-другому, когда я объясню обстоятельства.

Она пожала плечами. - Тогда лучше всего увидеться с нами обоими сегодня после ужина.

- Ваш муж не вернется к обеду?

- Нет. Он присматривает коттедж, который мы купили.

' Понятно'

Они доели суп и сидели молча. Казалось, что разговор можно продолжить, не меняя темы. - Я не знаю, как это сделать. Нойманн, казалось, ничуть не смутился; официант принес графин с вином, и он рассеянно потягивал его, разглядывая посетителей за соседним столиком. Наташа Гарднер спросила::

Где вы двое познакомились?' Это была намеренная попытка вернуть разговор к прошлому Неймана. Ответил Цвейг.:

Отец Густава был моим ближайшим другом в Гейдельберге. Я также был профессором философии у Густава.' Это был первый раз , когда он назвал Неймана по имени, и это дало Наташе

Гарднер - та главная роль, которую она хотела.

- Значит, вы хорошо знали друг друга?

- Умеренно хорошо, - ответил Нойманн тем же бесстрастным тоном. голос миттала.

‘Но разве это не было много лет назад - в конце 1920-х?”

“Это было так”, - сказал Нойманн.

“В таком случае, - сказала она, улыбаясь Цвейгу, - “Кажется, вам очень мало что можно сказать друг другу’.

Наступило молчание, во время которого Цвейг посмотрел на Ной манн; этот взгляд говорил о том, что он тоже хотел бы знать ответ на ее вопрос. Нойманн вздохнул.

‘Моя дорогая миссис Гарднер, вы были так добры, что позволили мне присоединиться к вам за ланчем. Я надеялся, что мы обойдемся без некоторых тем. Вы восхищаетесь работой доктора Цвейга, и я не могу полностью разделить ваши чувства. В сложившихся обстоятельствах с моей стороны было бы грубо и неблагодарно не оставить свое мнение при себе.

- Чепуха, - сказала Наташа Гарднер. - Вы совершенно вольны говорить все, что хотите. Я уверен, профессор Цвейг не возражает”.

“Вовсе нет”, - добавил Цвейг.

“Вы читали много его книг?” - Спросила Наташа Гарднер. Это явно прозвучало как вызов.

Нойманн все еще улыбался. - Достаточно, чтобы усвоить основные идеи.

‘ И вы возражаете против основных идей?

Принесли еду, но Нойманн не взял нож и вилку, уставившись на нее поверх стола, как будто ему сначала нужно было решить более важные вопросы. Он тихо сказал:

- Вы призываете меня быть откровенным. Очень хорошо, и я надеюсь, что вы не обидитесь. Были некоторые немецкие философы и художники, которых критиковали за то, что они остались в Германии и поддерживали подражая нацистам - Хайдеггеру, например. Другие предпочли покинуть страну и приобрести репутацию мучеников…’

Цвейг попытался прервать его: “Но, мой дорогой Густав…”

- Позвольте мне закончить. Ты был одним из тех, кто отправился в Америке и стал символом гуманизма. Так что не многие люди были удивлены, когда вы объявили себя Христианин. Но я помню, как ты говорил моему отцу, что только дурак, мошенник или слабак может быть христианином в наше время”. Нойманн даже не пытался скрыть холод

в его взгляде сквозила враждебность. Но я согласился с тем, что вы сказали тогда, и продолжаю соглашаться с этим до сих пор. Есть только одна вещь, которую я хотел бы знать. Как вы думаете, кого из трех вы выбрали?

Нойманн отвел взгляд от Цвейга и аккуратно нарезал стейк. Цвейг уставился на него, не в силах подобрать слов. Оскорбление показалось ему настолько беспричинным, что сначала он просто удивился; затем, когда его чувства пришли в норму, он почувствовал, как кровь прилила к его лицу; безразличный вид Нойманна , когда он разрезал стейк, усилил его гнев. Этот человек прямо заявил, что он либо дурак, либо мошенник, либо слабак. Цвейг не был тщеславным человеком, но он привык к уважению; и Ной Манн, в конце концов, был его учеником. Ответ, который пришел ему в голову, был очевиден: “Не лучше ли стать Стать христианином или убийцей?’ Но прежде чем он успел произнести это вслух, голос Наташи Гарднер удивленно спросил:

Вы считаете необходимым быть таким грубым?’

Нойманн поднял глаза, и в его улыбке промелькнул элемент жестокости. Он сказал:

“Профессор Цвейг понимает меня”.

- Напротив, - сказал Цвейг и понял, что его голос прерывается, - я не совсем понимаю вас. Он говорил намеренно, потому что думал обо всем, что знал и о чем догадывался о Густаве Неймане.

Нойман улыбнулся и сказал: “Тогда, пожалуй, мне лучше больше ничего не говорить”. Он принялся за еду, как будто это требовало

от него всего внимания.

- Поздновато для этого, - сказала Наташа.

Цвейга разозлило не то, что Нойман усомнился в его искренности, а то, что он усомнился в этом таким образом. Его манера поведения не оставляла места для разумного ответа; казалось, она была рассчитана на раздражение, и его естественной реакцией была ярость. В то же время он понимал, что это может привести его к тому, что он скажет что-нибудь такое, что он бы сказал. Могло ли это быть целью Нойманна спровоцировать его? Сделав над собой усилие, он отхлебнул из бокала с пивом, уставился на его поверхность и позволил своему разуму просто созерцать узор пены на его поверхности. Это придало ему сил. Затем он заставил себя взглянуть в лицо альтернативному варианту. предположение: что Нойманн мог искренне возмущаться своей работой с 1930 года. Это казалось неправдоподобным, но помогло успокоить его чувства. Он снова начал есть, и некоторое время

изз

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

на мгновение показалось, что разговор прервался. Когда Цвейг заговорил снова, его голос звучал разумно, заинтересованно, почти дружелюбно.

- Кажется, ты очень сильно переживаешь из-за всего этого, Густав. Но действительно ли это так ужасно - стать христианином?'

Нойманн посмотрел на него, и было очевидно, что враждебность ити все еще был там.

- В твоем случае - да, хотя я согласен, что это не хуже, чем Хайдеггер становится нацистом.'

Цвейг снова почувствовал себя хозяином положения.

Но Хайдеггер отрицал, что он когда-либо был нацистом. В любом

случае, вы бы приравняли веру в расовое насилие к вере в любовь?'

Нойман медленно произнес: "В обоих случаях человек продал свою интеллектуальную целостность за безопасность. Однажды вы сказали нам никогда не иметь дела с глупцами или трусами - и, прежде всего, никогда не иметь дела с людьми, которые подчинили свой разум мифу, эмоциям или Спасителю. Вы сказали нам не обращать внимания на таких людей и идти своим путем.'

Цвейг спросил: "И вы пошли своим путем?"

"Я думаю, что да. Но в данный момент дело не в этом".

"Возможно, в этом и был смысл", - сказал Цвейг. Он поймал Наташу Гарднер бросил на него предостерегающий взгляд, но продолжил: "Я не считаю, что компромисс - это всегда слабость, поэтому я признаю, что в некоторых отношениях я, возможно, пошел на компромисс. Но не в важных вопросах терс. Можете ли вы сказать то же самое?'

Нойманн холодно и взвешенно произнес: "Повторяю, я не думаю, что это имеет отношение к данному разговору".

Наташа Гарднер, которая ела, спросила: "Вы хотите сказать, что устанавливаете правила?"

'Я имею в виду, - сказал Нойманн, - что мы говорим не о связи обещаю, но о нечестности и трусости.'

Она спросила, не поднимая глаз от своей тарелки: "Не могли бы вы объяснить нам, почему вам хочется быть оскорбительным?"

Он улыбнулся и снова взялся за нож и вилку. - Извините. У меня не было желания начинать этот разговор. Вы просили меня быть откровенным…

' Но не грубым.

Нойманн, казалось, извинялся, но Цвейг подозревал, что это была всего лишь очередная маска.

"Я хотел бы прояснить, что я осведомлен о

очарование идей профессора Цвейга, убедительность его высказываний

• И благодаря его роли на телевидении я понимаю, почему вы должны им восхищаться. Мне сказали, что человек

7 eTwhv, Но с ним 38 3 великолепных отношений, и я могу

посмотрим, почему. Но, не будучи женщиной, я чувствую, что мне должно быть позволено критиковать качество его идей….'

ЗвеО та Гардл? скорая помощь вспыхнула; это был первый раз, когда ˆ объявление замечено . она разозлилась, и он обнаружил, что это придало ей вид 7 'В какой-то момент у меня перехватило дыхание , когда она сказала:

Мистер Нойман, или вы покинете эту комнату, или это сделаю я. Нойман улыбнулся, словно слушая ребенка. Я был бы очень огорчен, если бы вы сочли это необходимым. Профессор Цвейг скажет вам, что я не хотел никого обидеть, - Он вернулся к своей трапезе, как будто вопрос был решен, - Она"

посмотрите, насколько серьезно это прозвучало.

профи, от кого она ожидала, что он уйдет или примет ее?

Если вместо этого он обращался с ней как с ребенком. Если она примет мой упрек, то это значит, что ты не прав. ей 8 лет. * было бы что-то вроде он сказал: "Она бы…"

Я думаю, что необходимо быть грубым с миссис Гарднер "

я стоял и слушал, как Наташа Гарднер доедала свой стейк и

Я поднимаюсь в свою комнату. - Она повернулась и ушла , прежде чем кто-либо из них успел среагировать. Нойманн немедленно вернулся к еде. Он сказал: "вернулся в

Мне жаль, что я обидел одну из ваших поклонниц.'

Цвейг внезапно почувствовал, что больше нет смысла сдерживать себя и играть в эту игру в прятки. Он

11. Я хочу понять, почему вы настояли на том, чтобы пообедать с

хаВбтрвед°верХдт“.” Да пребудет с вами единство”.

спасибо, что заставили его обернуться.

Леди вернется, сэр?

Нет. Она закончила, спасибо.

Какое сладкое вы бы хотели, сэр?’

Мысль о том, чтобы провести еще десять минут с Нпи. манн был ему неприятен. Его так и подмывало встать и

уйти. Только любопытство удержало его.

‘Я выпью кофе, пожалуйста. И немного бренди”.

Нойманн сказал: “И мне того же’.

Он закончил есть и отодвинул тарелку. Официант унес ее. Никто из них не произнес ни слова. В конце концов, Цвейг сказал:

:

“Зачем вы пришли сюда?”

‘Из любопытства’.

“По какому поводу?”

Нойманн мягко сказал: “Сначала позвольте мне задать вам вопрос. Что ты здесь делаешь?

Цвейг глубоко вздохнул и уставился на свои ногти; они были тупыми и квадратными и нуждались в маникюре. Этот уклончивый это вызывало у него отвращение, но он осознавал возможные последствия последствия откровенности. Он сказал, улыбаясь::

“Я чувствую, что мы говорим о разных вещах”.

“В самом деле?” Невинный взгляд Неймана был явно искренним. “Не могли бы вы объяснить, что вы имеете в виду?”

Все в порядке. Я подозреваю, что вы здесь потому, что вам нужна какая -то информация. Очень хорошо. Расскажите мне, что вы хотите знать”.

Нойманн уставился в другой конец комнаты с выражением замешательства на лице. Затем он улыбнулся.

Прекрасно сказано. Но я не совсем знаю, как ответить. Давайте для начала скажем, что я хотел бы знать, почему вы называете себя христианином?

На мгновение Цвейг удивился; это был не тот вопрос , которого он ожидал. Он пожал плечами.

- Очень хорошо. Если вы говорите серьезно. Начать было трудно, мешал неискренний тон разговора. Он глубоко вздохнул и постарался забыть о присутствии Нойманна. ‘Подобно молодым людям, читавшим Ницше, я начал с того, что отверг Христианство как миф, распространяемый слабаками. В своих первых книгах я сосредоточился на проблеме положения человека в мире - его несвободе, его беспомощности. Я пытался создать философию свободы, основанную на способности человека трезво смотреть на свои собственные страдания. Я полагаю, что эти книги оказали некоторое влияние на ваши собственные идеи? Затем наступил Нацисты. Я видел, как преследовали моих друзей. Я видел, что случилось с вашим другом Георгием Брауншвейгом. Говоря это, он внимательно наблюдал за Ной Манном, ожидая какой-то реакции. Ной манн смотрел в другой конец комнаты; его лицо ничего не выражало.

«5

неизбежные сомнения

Он продолжал читать , пока официант приносил еду <а у вас ,* . вкл . > все было ровно и спокойно: 8

У меня такое чувство , что человечество имело 8 часов вечера. “И ~ на обратном пути в Нью-Йорк

теперь, когда мне исполнилось 7 лет, они поняли, что я прав?”, но по выражению их лиц было трудно что-либо прочесть. “Я не знаю, говорил ли когда-либо философ что-либо, что имело бы

ˆ “ Внутри ящика ” ˆ бис

с самим собой . Единственные люди, которые изменили историю. -

духовная история человечества - были религиозным учением и

вма%. Я, до сих пор не могу понять, что происходит.

конечно, у Ваниса был интерес, и он теперь смотрел в сторону. - После этого многое пошло прахом.

НоттсˆTˆ ман ” 8.

я понял, что это другое название первородного греха , которое относится к человеческому страданию, к внутренностям человека.

• ;:тс

Стой&C £W’ ,живи - ˆ»£!&£3

история человечества. “Кто ” был активным участником “Вопреки нацистам”?

и Хелсмджисˆ

Как тосты

Р >““‘-АТС СС

сделал это в силу в истории. Вы можете отрицать его

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

в титуле искупителя?

Бога? - Мягко спросил Леманн. - Возможно, искупителя. Но сын… “Разве все мы не сыны Божьи?’

- Вы уклоняетесь от ответа. Христианин верит, что Христос был сыном Божьим в уникальном смысле этого слова”.

ответ №8: “Посмотрим, что получится “ ” “ < * - видите ли, - Нойман улыбался, потягивая кофе. Теперь Цвейг почувствовал уверенность в себе; он попытался заставить Ноймана смотреть на него во время разговора.

“есть еще одна вещь, которая заставила меня пересмотреть мою часть. Через несколько недель после моего приезда в Америку я получил Я твой отец. Он сказал мне, что его друг Герхардт

холицки покончил с собой в Швейцарии, куда он приехал.

Нойманн смотрел на него; при упоминании имени Сейферта он слегка улыбнулся. Цвейг сказал:

Я вспомнил, что вы рассказывали мне о том , как он покончил с собой, и я задался вопросом, была ли его смерть на самом деле…

Нойманн сказал: ‘Понятно’. Он говорил равнодушно, как будто слушал какое-то маловажное объяснение. 8

Цвейг выпил свой кофе; он был холодным. Он хотел заставить Нойманн должен ответить. Наблюдая за лицом Неймана, на котором не было никаких признаков внутреннего конфликта или даже интереса, он поймал себя на том, что восхищается самообладанием Неймана. И снова он почувствовал, как 5 * ого, тьфу на эти защиты > желание, чтобы ему разрешили

пристает к официанту? ”” “° , бросив взгляд на свои часы . - Могу я получить свой счет, пожалуйста? - спросил Нойманн.

(Вы мой гость, - сказал Цвейг.

- Это очень любезно с вашей стороны, но я и мечтать не мог о том, чтобы сделать акцент” Нойманн кивнул официанту, и тот ушел. - Боюсь , вы несколько неподходящий гость.’

Цвейг сказал, сдерживая раздражение: “Густав, ты не CSTJtT? Почему r™ j° в “ s для J™* и сеток

говорить? Что ты пытаешься скрыть?’

когда Энн К. уставилась на него, Цвейг заметил в его глазах вспышку холодного раздражения.

Мне нечего скрывать. Он добавил более обдуманно: - Вы

можете искать сколько угодно. Вы ничего не найдете.

Цвейг сказал: “Почему вы относитесь ко мне как к врагу?’ В голосе Нойманна прозвучали нотки презрения, когда он ответил. продолжал.

- Я думаю, вы знаете ответ на этот вопрос.

- Но, боже мой… - Цвейг замолчал, когда вернулся официант. Нойман бросил на поднос две фунтовые банкноты . Он убрал бумажник в карман и сказал:

- Спасибо, что позволили мне присоединиться к вам. Мне жаль, миссис… Гарднер счел необходимым уйти’ Он начал отодвигать свой стул. Цвейг сказал::

“Послушайте, Густав, пожалуйста”. - Нойман вежливо остановил его. - Я хотел бы поговорить с вами совершенно откровенно, но вы понимаете, что это невозможно. Он сказал больше, чем намеревался, но продолжил: - Я хотел бы убедить вас, что я пытался быть вашим другом в этом вопросе.

‘А миссис Гарднер — она тоже моя подруга?”

‘Я знаю миссис Гарднер ровно двадцать четыре часа. Она всего лишь знакомая”.

“Я уверен, она была бы расстроена, услышав это от вас”.

- Почему ты так враждебно к ней относишься? Что она тебе сделала?

Нойманн спокойно ответил: “Раз уж вы меня спрашиваете, ничего. И если Я предаю кое-кого… раздражение, то это потому, что я обеспокоен тем, что она сделала с вами.

Цвейг был поражен. “Почему?’

Нойманн положил локти на стол и наклонился к палата.

- Вы объяснили, почему стали христианином. Но вы не объяснили другой компромисс. Я думаю, вы понимаете , о каком компромиссе я говорю. Миссис Гарднер - символ бол этого компромисса. Восхитительная женщина, как я погляжу. Она восхищается вашей работой. Она восхищается вами. Она стремится дать вам все, что в ее силах….

‘Вы хотите предложить…”

“Я ничего не предлагаю”. Без сомнения, у вас сложатся искренние платонические отношения. Она будет обожать вас. Она позаботится о том, чтобы вы были почетным гостем на всех ее званых обедах. Она прочтет все ваши книги и порекомендует их своим друзьям. Но, как вы думаете, она поймет хоть слово из того, что вы напишете?’

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

Цвейг знал, что ему следовало бы разозлиться, но это было невозможно; он хотел верить всему, что говорил Нойман. Он пожал плечами.

- Очень хорошо. Предположим, что это правда. Какое отношение это имеет к моим идеям? Я старый человек… и иногда мне кажется, что я еще даже не приступал к работе. Все, что я написал, кажется простой подготовкой к настоящей работе. Если миссис Гарднер - это Уилл если ты предлагаешь мне дружбу, почему я должен отвергать ее?’

- А ее муж?

- О чем вы говорите? На этот раз он позволил своему раздражению проявиться.

- Ее мужа зовут Джозеф Атолл Гарднер, не так ли? Автор “Правдивой истории Атлантиды” и множества других любопытных работ.

‘Понятия не имею. Я их не читал”.

‘Он очень популярен в Германии. Как вы знаете, немцы любят необычные идеи… Возможно, вы оба могли бы написать книгу в сотрудничестве. Это имело бы большой успех’.

Цвейг сказал: “Если бы я хотел, я бы не спрашивал вашего мнения”.

“Я уверен”. Нойман начал вставать. Цвейг сказал::

‘Вам больше нечего мне сказать?’

- Ничего такого, что не вызвало бы у вас еще большего раздражения, профессор. Но я скажу вам одну вещь. Он помолчал, глядя на Цвейга сверху вниз. - Герхард Сейферт страдал от рака позвоночника, когда покончил с собой. Он взял свой счет и сунул его в карман. - Теперь я пожелаю вам всего хорошего после полудня. Он слегка поклонился и пошел прочь. Цвейг посмотрел ему вслед, испытывая искушение догнать его и задать еще один вопрос. Его остановил любопытный взгляд официанта. Когда он увидел Нойманн вошел во вращающуюся дверь отеля, встал и вышел.

Он постучал в дверь Наташи Гарднер. Когда ответа не последовало, он вошел. Она сидела у окна, смотрела выхожу на улицу. Когда она повернулась, он увидел, что на ней больше нет косметики. Уголки ее глаз казались красными.

- Ты что, плакала? - спросил я.

- Ничего особенного. По какой-то причине грубые люди всегда выводят меня из себя. Я испытываю множество чувств, которые не могу контролировать, и тогда мне хочется убить их. - Она улыбнулась. - Что случилось?

- После того, как ты ушел? У меня тоже возникло искушение уйти. Я не уверен , правильно ли я сделал, что остался….

‘Почему?’

Т—Е

необходимое сомнение

?***? разговорить его - он только фехтовал. В конце концов, я рассказал

Что думал о старике, когда узнал его имя. -

“Что он сказал?’

“Ничего. Но перед уходом он сказал: “Сейферт умирал

от рака, когда покончил с собой”.

“Вы ему верите?”

“Я знаю”, - сказал он. Очевидно, что он знает, что мы следим за ним. Он тоже все знает о книгах вашего мужа. Я полагаю Фергюсон мог бы рассказать ему об этом. Но я не могу его понять. Он сказал, что я могу искать сколько угодно, но все равно ничего не найду/

’ Как много вы ему рассказали?

Все, кроме моих подозрений насчет этого—

Чрилил? 0 hC 1 был попыткой объяснить мое отношение к Христианство. Я хотел, чтобы он заговорил. Но он, похоже, хотел привести себя в порядок, ничего не делая.

Она подошла к зеркалу и посмотрела на свое лицо.

Я выгляжу ужасно. Я уже много лет не чувствовала себя такой разъяренной и беспомощной , он один из самых провокационных мужчин, которых я когда-либо встречала.’

Я думаю, он так и думал. Я думаю, он хотел заставить нас поделиться с ним информацией.

Она слегка подкрасила губы губной помадой.

В любом случае, есть одно утешение. Он не осмелился бы сейчас что-либо обсуждать с Тимом. По крайней мере, все открыто".

Я надеюсь, что вы правы.

"Интересно, заходил ли тот полицейский к нему сегодня утром?" 'Да. Он упоминал об этом в разговоре со мной'. г.р.

"Тогда это объясняет, почему он пришел в отель. Вероятно, он видел, как Джозеф и сэр Чарльз приехали в коттедж 7 июля, и пришел сюда, чтобы разобраться. °'

'Кто бы мог уйти незамеченным?"

Это достаточно просто. Он сказал, что приехал через Бейтон, чтобы

Если бы не его котта, он бы этого не сделал

Телефонный звонок заставил их обоих вздрогнуть. Она сказала—

Так неожиданно, что ей стало ясно, что она

Лондон застыл на месте, а потом сказал: 'Это для тебя. От Это для меня? Он взял трубку. ' Говорит Цвейг.

130

- Профессор Цвейг? Это Берт Колбрайт.

' Кто?

' Колбрайт. Помнишь меня? Мы встречались прошлой ночью.

- Конечно.

- Я пытался дозвониться до сэра Чарльза, но мне сказали, что его нет дома. Леди Грей сказал мне, где вы остановились.

- Вы что-нибудь нашли?

- На самом деле нет, но у меня есть зацепка. Я нашел парня, который встречался с секретарем во время дела Бенскина. Парня по имени Сэмс. Он говорит, что узнал бы его где угодно. Вопрос в том, не могли бы вы прислать мне фотографию Неймана?

“Боюсь, это невозможно. Они в моей квартире в Лондоне. Кто этот человек?”

- Он был фотографом из “Мейдстоун курьер” - тот самый парень, который сфотографировал секретаршу.

- Вы объяснили, что у Ноймана нет бороды?

- Да, но он думает, что все равно смог бы узнать фотографию . В любом случае, попробовать стоит. Там что-нибудь происходит?

Цвейг вкратце рассказал о ланче с Нейманом. Колбрайт сказал: “Вам лучше понаблюдать за ним. Похоже, он скользкий клиент”.

Цвейг пообещал перезвонить ему, когда Грей вернется в отель. Он повесил трубку. Наташа Гарднер лежала на кровати с закрытыми глазами. Цвейг спросил ее::

“Скажите, что значит “скользкий клиент”?”

Она посмотрела на него.

‘Тот, кого трудно удержать. Почему?”

‘Он сказал, что Густав скользкий”. Он сел рядом с ней. “Я думаю, он ошибается. В Густаве есть что-то странно неласковое

“.

“Что вы имеете в виду?’

Цвейг медленно произнес: “Это трудно объяснить. Но он похож на человека , который знает, что у него на уме. Сегодня, например, когда я разговаривал с ним… Я почувствовал, что он что-то скрывает от меня… и все же не так, как преступник скрывает что-то. В некотором смысле, он все время смеялся надо мной.

Она сказала: “Думаю, я понимаю, что ты имеешь в виду”.

А ты? Несмотря на то, что он тебя так разозлил?”

‘Что меня разозлило, так это то, что я почувствовал, что он хочет поучаствовать в расследовании. Это было так, словно он тыкал в меня палкой”.

Цвейга так и подмывало рассказать ей о том, что сказал Нойманн

*3 X

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ.

сначала он спросил ее, а потом передумал. Вместо этого он сказал::

Книги вашего мужа были известны в Германии.

‘О да. Его переводят на все языки’.

Они вас интересуют?”

7 все это так, но… Я никогда по-настоящему не могу сказать , серьезен ли он. Я не имею в виду, что он неискренен. Но он так увлечен астичный. Он позволяет себе увлекаться разными вещами. Я пытаюсь заставить его читать ваши книги’.

‘Почему?”

я имею в виду, что на самом деле это не так. - и это… чтобы попытаться сделать его более серьезным. Она смотрела мимо него, слегка нахмурившись. Она сказала: “Не думаю , что сейчас это так уж важно”. Цвейг пристально посмотрел на нее, и она улыбнулась.

Я имею в виду… ты можешь поговорить с ним”.

уходи, пока не стемнело - он сказал: “Я должен…”

“Почему?” Что ты собираешься делать?’

Работать над моей новой книгой. Я пишу комментарий к “Миру и времени” Хайдеггера.

Пока я здесь, я хочу отдохнуть.

Когда он вернулся из своей комнаты с портфелем в руках, я увидел, что

на другом конце висела стандартная одежда его величества

сзади - я ч. а! ты лежишь под пуховым одеялом , на котором лежит все , что у тебя есть ?‘ Мать моя - Она уже была младшей.

карандашом, я люблю “междометия” и предложения, написанные сбоку на полях. Он прочитал всю страницу.

итак, до тех пор, пока он не пришел к 1-му графику^

можно ли сказать, что человек обладает безграничной свободой? Он не может летать по воздуху; он не может избавиться от болезни, сковывающей его плечи; он даже не может избавиться от утомительных обязанностей , просто повернувшись к ним спиной. В чем же дело?! у него больше свободы, чем он думает, и он спокоен.

Когда это происходит с ним - Его мозг устремляется вперед, как Сен-пен-пен раскинула руки на лугу после долгой зимы. Он с удивлением обнаружил, что за пять дней, прошедших с тех пор, как он в последний раз просматривал рукопись, его восприятие фрагментов обострилось, он крепче ухватился за них. История Нес-‘

манн стал неважен. Минуту назад мысль о Наташа, лежавшая в нижнем белье, прикрытая только пуховым одеялом, потревожила его; сейчас она могла быть в другом городе; если бы пуховое одеяло соскользнуло с нее, пока она спала, Цвейг без всякого интереса надел бы его и немедленно вернулся к своей работе.

Он начал писать быстро, без пауз, прислонив рукопись к подлокотнику кресла. Час спустя, когда Гарднер заглянула в комнату, он все еще писал, а Наташа все еще спала.

Цвейг приложил палец к губам и на цыпочках вышел из комнаты.

Он осторожно прикрыл за собой дверь. Грей был на другой стороне коридора и стучал в дверь Цвейга.

Цвейг спросил: “Вы его видели?’

Гарднер поморщился: ‘Да’.

Цвейг распахнул дверь своей спальни и жестом пригласил их войти. Он не чувствовал необходимости объяснять свое присутствие в Спальня Наташи Гарднер; почему-то ему казалось, что Гарднер воспринимает это как должное.

- Где вы его видели?

Гарднер сел на кровать.

- Он заходил к нам час назад. Его такси только что подъехало к коттеджу. Потом он сказал, что разговаривал с вами. Как много вы ему рассказали?

’ Ничего.

Грей сказал: ‘Он хитрый дьявол. Сначала он взял нас за руку. возьмите приз, войдя прямо в коттедж. У меня едва хватило времени отойти от окна и спрятать бинокль. Затем, когда мы уже подумали, что это был ознакомительный визит, он упомянул , что обедал с вами и Наташей. Вы рассказали ему обо мне?

*А как насчет вас?

“Ну, кто я такой?’

‘Нет. Почему?”

- Он знал. Где, черт возьми, он этому научился?

Задумчиво произнес Гарднер. - Это не так уж и сложно. Я знал , что вы были другом Цвейга задолго до того, как встретил вас. Не могу понять , откуда я это узнал. … Об этом упоминалось в газете или еще в чем-нибудь вещь. …’

- Я знаю, - сказал Грей. ‘ Карикатуры! Карикатуры в баре клуба! Они были опубликованы в каком-то глянцевом журнале.

что-то вроде “Я, кажется, припоминаю“

Раздался стук в дверь, и в комнату заглянула Наташа. Она зевнула , выходя из комнаты, но Цвейг заметил, что за последний час она не выказала ни малейших признаков того, что спала.

Можно мне сигарету? О чем вы говорите? хочу получить информацию.’

Афроамериканка Наташа растянулась на кровати, прислонившись спиной к стене, и жадно курила, как будто это был ее последний день, Цвейг вкратце рассказала о встрече с Нейманом В заключение он упомянул о звонке от Колб, который он сделал ˆ

Если Колбрайт в какой-то момент предпримет “какие-то действия« То, возможно, Нойманн будет секретарем в В таком случае, я собираюсь рассказать об этом всей Шотландии.

Гарднер выглядел обеспокоенным.

нас победили?“** “Мы справились с этим хорошо, как и вы. “Я знаю”, - сказал Грей.

Гарднер сказал: “Он

- Нет, - сказал Грей. Он говорил, не задумываясь, глядя в окно. Цвейг почувствовал, что ему не хватает присутствия духа, чтобы снять напряжение, возникающее из-за противоречивых идей, которые ему нужны.

- Что случилось? с какого момента он умер?:

вы могли бы с ним связаться? ’Хорошо”. “Он нанес удар” “Каким образом?’

era s.r.

ср. с в.р. £

в связи с попыткой науки о свободе

разозлить нас, чтобы мы что-то отдали. “Да, это попытка‘

из-за того, что я не могу войти в контакт с Фергюсоном. комната с тобой.

Почему ты не хочешь связаться с Фергюсоном?’

*34

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

“Почему?”

‘Потому что на данный момент мы сделали все, что могли. Нойманн знает, что мы знаем, хотя я сомневаюсь, что он знает, как много мы знаем. Нам ничего не остается, кроме как ждать. Если, конечно, вы не хотите встретиться с Фергюсоном и намекнуть ему о том, что мы подозреваем”.

“Но чего мы должны ждать?’

Чтобы Колбрайт привез сюда этого свидетеля — человека, который может опознать Ноймана. Я сейчас позвоню Колбрайту и спрошу, может ли он приехать сюда ближайшим поездом.

- А что, если Нойманн решит уехать сегодня вечером?

Гарднер посмотрел на часы.

- Есть только один способ проверить это. Ему придется позвонить на вокзал, чтобы вызвать такси, или взять машину в местной фирме по прокату автомобилей. Я пойду и прослежу, чтобы мы узнали, как только он попытается поймать такси или машину. Сейчас я пойду.’

Наташа Гарднер сказала: “Но я сомневаюсь, что он попытается уйти сегодня вечером. В конце концов, это было бы почти признанием вины, не так ли?”

Гарднер спросил ее: “Как вы думаете, он виновен?”

Она закрыла глаза, но выражение ее лица было сосредоточенным. Через мгновение Грей сказал::

- Боюсь, что предположение вашей жены, вероятно, не хуже нашего.

- Нет. - Гарднер не сводил с нее глаз. - Иногда у нее бывают внезапные озарения в отношении людей. Она медиум.

Она открыла глаза и, казалось, была почти удивлена, увидев их. Гарднер сказал: “Ну?’

‘Я не знаю. Я никогда не встречал никого, кто бы так сильно ставил меня в тупик.’

Гарднер сказал, смеясь: “Если он ставит вас в тупик, то, должно быть, он настоящий профессионал”. запутанный.’

Грей встал.

- Я собираюсь позвонить Колбрайту.

Цвейг спросил: “А если предположить, что он не сможет принести эту фотографию занимаешься с ним графикой? Что тогда?

- Тогда… Я не знаю. Ты мог бы вернуться в Лондон. Возможно, мне придется поехать с тобой. Но кому-то придется остаться и присмотреть за Нейманом.

“Джозеф мог бы остаться, - предложила Наташа, - а я могла бы отвезти вас обратно в Лондон”.

Они посмотрели на Гарднера. Он пожал плечами и сказал: “Я согласен”.

J 35

НЕОБХОДИМЫЕ СОМНЕНИЯ

как вам будет угодно.

“Прежде всего, - сказал Грей, - я поговорю с Колбрайтом”.

Цвейг сказал: ‘Есть еще одна альтернатива’.

‘Что это?’

“Позвольте мне сегодня вечером навестить Густава”.

- Зачем? Какой от этого толк?

Цвейг швырнул окурок сигары в пепельницу жестом , который выдавал все его нетерпение.

- Это могло бы дать нам какую-то определенную основу для дальнейших действий. Послушайте, давайте будем откровенны. Густав знает, что мы его в чем-то подозреваем. Но он также знает, что у нас нет доказательств.

“Как вы можете быть в этом уверены?”

“Потому что, если бы у нас были доказательства, полиция бы его допросила вопросы. Вы согласны? Очень хорошо. И у нас нет никаких доказательств. Что, если этот свидетель опознает в нем секретаря в Дело Мейдстоуна? Что это доказывает?’

Грей сказал: ‘Это правда, Карл. Но откуда вы знаете, что мы не сможем найти какие-нибудь улики? Если мы подключим Интерпол к работе над этим делом, неизвестно, чего мы можем не обнаружить. Как вы думаете, чем занимался Нойманн после дела в Мейдстоуне почти двадцать лет назад? За это время он мог убить дюжину стариков . Мы должны это выяснить”.

- Возможно, вы правы. Но пока нам не над чем работать. Предположим, я бы встретился с ним позже вечером - один.

- Он бы просто выпытал у вас информацию, ничего вам не сказав

.

- Да. А если предположить, что я предоставлю ему нужную информацию? Предположим, я расскажу ему все…

- Завтра в это же время его уже не будет в стране.

- Это будет иметь значение? Он не может исчезнуть, как только полиция начнет его искать. Неужели вы не понимаете, что если бы он сбежал, это было бы доказательством его вины. Куда он мог пойти? Полиция могла бы легко проверить, как он покинул страну и куда направился.

Грей направился к двери; в его движении чувствовалось нетерпение. Он сказал:

- Послушай, давай я сначала позвоню Колбрайту. А потом мы это обсудим

.

оно;

h

Для Цвейга вечер тянулся невероятно медленно. Седло-брайт пообещал перезвонить им, когда сможет связаться с фотографом; было уже больше девяти, когда он наконец позвонил, пообещав приехать на следующий день после обеда и привести свидетеля . Они провели час перед ужином, выпивая в гостиной, но Цвейгу не хотелось пить. Он чувствовал скуку и усталость. Он пытался писать в своей комнате, но обнаружил, что потерял нить мыслей. За ужином он выпил бутылку виски в одиночестве, но по какой-то причине оставался трезвым и скучающим. Его товарищи начали утомлять его. Все они слишком много говорили о Неймане, после чего им стало трудно с интересом говорить о чем-либо другом. В присутствии мужа Наташа Гарднер почти ничего не говорила. После ужина, Гарднер предложил еще раз съездить в коттедж , чтобы убедиться, что Нойманн все еще там. Цвейг предложил поехать с ним. Наташа и Грей остались. Они медленно ехали по обледенелой дороге. Снег начал таять, затем замерз. Дул сильный ветер; его завывания угнетали Цвейга, который, сгорбившись, сидел на пассажирском сиденье и мечтал поскорее оказаться в своей лондонской квартире.

Гарднер сказал: “Знаешь, Карл, - ты ведь не возражаешь, если я буду называть тебя Карлом, не так ли? - У меня есть теория насчет Неймана. Я бы сказал, что он похож на Вахиму”.

- На кого?”

- Вахима. Ты помнишь мое письмо, которое я написал тебе в прошлом году? Я объяснил тебе об этом там’…

“У меня плохая память”, - сказал Цвейг. Он прочитал только первую и последнюю страницы двадцатистраничного письма Гарднера.

“Когда я впервые отправился в Африку в 28-м, я был в Руанде, недалеко от озера Виктория. Люди в основном банту, но правители - это раса гигантов, называемых вахима, все они около девяти футов ростом. Странный народ. В любом случае, эти вахиме были кровожадными ублюдками, и банту восстали против своего короля - парня по имени Мусинга, вот так я и оказался замешан в это дело. Но эти ; Вахиме - странная компания. Лично я считаю, что они принадлежат к третичной расе.

/ ‘Прошу прощения?’

Вы знаете, что это раса гигантов, которая предшествовала человеку

гонка. Я уже писал вам об этом. В любом случае, я хочу сказать, что вся социальная система этих людей основана на жестокости. Не просто ритуальная жестокость, как у инков и ацтеков, а настоящая - абсолютный кровавый садизм. Тем не менее, они очень умные люди, и я полагаю, что их предки, вероятно, были абсолютными гениями. по сравнению с нами. Во всяком случае, это пришло мне в голову, как только я встретил вашего друга Нойманн - он похож на Вахиму. Та же форма головы, те же черты лица, тот же рост. У меня чутье на такие вещи.

“Вы считаете Густава Ноймана садистом?’

“Не совсем так”. Но у этих представителей древних рас стандарты отличаются от наших. Они смотрят на нас как на сборище идиотов… Ага, они все еще там”. Они проехали через Киркфилд и теперь были на вершине склона, ведущего к коттеджам; огни коттеджа Фергюсона были хорошо видны. - Думаю, нам все же лучше спуститься и убедиться

.

Когда они проходили мимо коттеджа, Цвейг увидел, как силуэт Ноймана пересекает штору, направляясь к кухне. Гарднер сказал:

- Я поеду дальше, не хочу, чтобы у них возникли подозрения… Как я уже говорил, все, что вы мне о нем рассказали, убеждает меня в том, что мы имеем дело не с обычным мошенником. Наташа, например, могла учуять обычного мошенника за милю. Этот парень озадачивает ее’

Цвейг откашлялся.

‘Если предположить, что вы правы насчет Неймана, как вы себе представляете, ”что пара уважаемых еврейских родителей смогла произвести на свет… э-э-э… Вахими?”

‘Вахима? Это просто. В этом нет ничего странного. К евреям также примешивалась третичная раса. Вы найдете то, что Библия полна упоминаний о гигантах древней расы. Голиаф , должно быть, был одним из них. Самсон тоже. Смешение рас, видите ли…’

Когда двадцать минут спустя они вернулись в отель,, Гарднер говорил с большим энтузиазмом, объясняя Цвейгу, чем его собственные теории космической катастрофы отличаются от теорий Гербигера и Беллами и как он нашел ключ к своей собственной версии в сходстве валлийского и еврейского языков.

Грей и Наташа все еще пили кофе. Когда Грей собрался встать, Гарднер сказал:

‘Вам будет интересно все это, сэр Чарльз. Это тоже детективная работа, но в огромных масштабах, и некоторые улики были захоронены миллионы лет назад”.

Цвейг слушал с недоумением. В рассуждениях Гарднера, казалось, было так много недостатков, что не стоило на них указывать. После получасовой беседы Грей сказал::

“Боюсь, что все это выше моего понимания. Думаю, мне пора ложиться спать’.

Цвейг ожидал, что Наташа тоже поедет; она не проявила ни малейшего интереса это соответствовало идеям ее мужа; но она закурила еще одну сигарету и •грызла свои ногти.

Десять минут спустя, когда Гарднер вышел из комнаты, она

спросила:

- Скажите мне правду. Все это так глупо, как мне кажется?

- Позвольте мне быть с вами откровенным, - сказал Цвейг. Он был рад возможности высказать свои чувства. - У вашего мужа совершенно нетренированный ум. Он взглянул на дверь, чтобы посмотреть , не возвращается ли Гарднер, а затем сказал: “Мы даже не можем начать конструктивный разговор. Как вы знаете, я не испытываю большого уважения к академическим традициям, но, по крайней мере, это гарантирует общий язык, общий подход. Теперь мне кажется , что ваш муж не такой уж бездарный человек. Он напоминает мне археолога Эдварда Томпсона. Вы знаете о Томпсоне? Он был смелым человеком, своего рода провидцем, и его исследования культуры майя имели огромную ценность. Но он Не был серьезным интерпретатором всего, что он открыл, - у него было слишком богатое воображение. Я уверен, что ваш муж был бы великим археологом… - Он замолчал, почувствовав смущение, а также подумав, что услышал, как Гарднер возвращается в комнату.

Когда он понял, что они все еще одни, он спросил: “Вы понимаете?”

- “Прекрасно”, - сказала она. Она иронично улыбалась. “Ты хочешь сказать, что Джозеф чудак?”

‘Я…’

“Да ладно, тебе не обязательно подбирать слова в моем присутствии. Я могу это вынести’.

“Очень хорошо”. Он глубоко вздохнул. - Позвольте мне сформулировать это так: многие из моих коллег без колебаний позвонили бы ему

• кривошип.’

- Но ты не совсем такой, как твой академический коллега лиги. Ты видишь что-нибудь в его идеях?’

Цвейг поежился; ему хотелось, чтобы Гарднер прервал их, но, когда молчание сделало дальнейшую отсрочку невозможной, он сказал почти сердито:

‘ Я должен быть откровенен. Я не могу… не испытываю никакого сочувствия к тому, что он объяснил.

Сказав это, он почувствовал облегчение. Она спросила:

Вы совершенно уверены, что ему не пришла в голову какая-нибудь важная идея? Он всегда говорит мне, что его теории потрясут академический мир. Это просто заблуждение?’

На этот раз Цвейг смог ответить без смущения. “Да. Боюсь, что это так”.

“Вы совершенно уверены?’

Впервые за все время, что он ее знал, ему пришлось подавить чувство нетерпения. Казалось невероятным, что она не знала о том, что идеи ее мужа абсурдны. Он сказал:

“Позвольте мне заверить вас, что ни один уважаемый антрополог ни на секунду не задумается об идеях вашего мужа. Я не говорю , что он неправ. Насколько я знаю, некоторые из его идей могут быть правильными. Но если бы он предстал перед аудиторией профессоров и объяснил свои идеи так, как он объяснил их мне, все они потребовали бы признать его невменяемым”.

“Понятно. Спасибо’.

Они сидели молча, оба курили и ждали возвращения Гарднера . Наконец, она сказала:

“Могу я спросить тебя еще об одном? Тебе придется избегать нас, когда мы вернемся в Лондон?’

Он понял, что она имела в виду. Он сказал:

- Мне бы не хотелось избегать вас. Но если я хочу сохранить дружеские отношения с вашим мужем, мне придется сказать ему правду. Иначе это было бы невозможно.

Тогда почему бы вам не сделать это сейчас… когда он вернется? На мгновение он столкнулся со своей внутренней холодностью, и

его лицо исказилось от невольного отвращения.

- Не сегодня. Это… заняло бы слишком много времени.

Он почувствовал почти облегчение, когда Гарднер вернулся в комнату, хотя его первыми словами были:

‘Я написал длинное письмо Маргарет Мид о своей теории фаллической троицы и получил довольно интересный ответ. …’ Наташа сказала::

- Ты не мог бы рассказать Карлу об этом позже, дорогой? По-моему, он немного устал.?

‘Это ты? Мне жаль. Ладно, я буду краток, но уверен , что это вас очарует…”

Цвейг мрачно слушал, чувствуя себя так, словно его заморозили внутри ледяной глыбы. Он хотел было закурить еще одну сигару, но передумал: у него першило в горле. Он периодически кивал и что-то бормотал, показывая, что слушает, но это было все, на что он был способен , пытаясь изобразить сочувствие. Вопрос, который постоянно вставал перед ним, заключался в следующем: какое отношение все это имеет к моим идеям?

В какой-то момент Гарднер сказал: ‘Я написал эссе о своей интерпретации каменных людей из Малакулы. Интересно , не захотите ли вы взглянуть на него? Сейчас она у меня в комнате…”

Наташа сказала: “Почему бы тебе не отдать ее Карлу прямо сейчас и не дать ему почитать на ночь, дорогой? Я вижу, он устал’.

Ее озабоченный тон и то, как по-хозяйски она к нему обращалась, доставили ему удовольствие, особенно когда Гарднер сказал::

“Это идея”. Я думаю, вы, должно быть, устали….

Цвейг встал.

Не знаю, почему я должен волноваться. Я, кажется, очень быстро устаю , когда нахожусь вдали от дома.

Вполне. У нас будет больше возможностей обсудить эти вещи. я в Лондоне. Десятого числа мы устраиваем небольшую вечеринку, если ты не против прийти….

- Спроси его позже, - твердо сказала Наташа.

Я в Лондоне, и я был бы рад приехать, - сказал Цвейг. - А теперь, надеюсь, ты простишь меня, если я последую примеру моего друга Грея…

Поднимаясь по лестнице, он поздравил себя с тем, что ему удалось избежать этого. Десятого числа было бы совсем несложно оказаться в Оксфорде. Когда он подумал о Наташе Гарднер, его охватило разочарование; начинало казаться, что ее забота о нем отчасти была заботой хозяйки, которая понимает, что крупную рыбу нужно закручивать осторожно.

В его комнате было душно от застоявшегося сигаретного дыма. Он открыл окно и высунулся наружу; холодный ночной ветер успокаивал. Свет в соседнем окне - в комнате Грея - уже погас. Ветер стих, и на льду улицы отражался лунный свет. Что-то в залитых лунным светом крышах навевало ощущение безличности, свободы, вольного дом избавился от ментальной тошноты, которая витала на краю его сознания. Он услышал голос Гарднера в коридоре,

затем услышал, как хлопнула их дверь. Повинуясь внезапному порыву, он схватил пальто и вышел из своей комнаты. Он повернул направо, чтобы не проходить мимо их двери и не рисковать, что ему придется объяснять, почему он еще не в постели, и спустился по служебной лестнице.

Пока он шел, проблема прояснилась в его сознании, но это не принесло утешения. Он не мог думать о Неймане как о фундаментальном враге, так же как и о Гарднер, по сути, был моим другом. Он шел медленно, глядя в землю, и осознал, что прошло много лет с тех пор, как он в последний раз сталкивался с подобными конфликтами. Хотя до полуночи оставалось еще полчаса, улицы были пусты. Ветер , казалось, дул с пустошей и вересковых пустошей, ветер , подобный огромному животному, которое испытывало бы только презрение к людям, если бы могло когда-нибудь узнать о них, презрение незащищенных к заключенным, к людям, страдающим от удушья. замыкаясь в оболочке личности. Эта мысль не принесла ему никакого удовольствия, только усилила осознание его неудовлетворенности. фракция. Он поймал себя на том, что сердито думает: “Зачем я должен был говорить Грею?” Затем осознал тщетность самобичевания.

Он обнаружил, что стоит напротив вокзала; там стояло единственное такси. Не задумываясь, не задумываясь о своих мотивах, он направился к нему. Водитель курил. Он спросил::

“Не могли бы вы отвезти меня в Киркфилд?’

- Извини, шеф. Я здесь, чтобы встретить поезд. Вы можете взять такси если вы позвоните на один’.

‘Спасибо’.Он отвернулся и пошел назад к отель. Уже. порыв поговорить с Густавом была исчезнуть исчезающий, тающий на глазах. Когда он подумал об этом, это показалось ему бессмысленным.; он пообещал Грею не разговаривать с Нейманом до тех пор, пока фотограф Колб-Брайта его не увидит. И все же он понимал, что если бы сейчас сидел в такси и ехал к коттеджу, то отбросил бы эту мысль. Даже Грей принадлежал к ‘ним’. Цвейг с легким удивлением осознал, что уже почти не видит разницы между Греем и Гарднером.

Когда он поднимался по лестнице, часы пробили полночь. Он больше не чувствовал усталости; более того, ему вдруг захотелось выпить бокал вина - холодного хока, поданного в большом круглом бокале на зеленой ножке, как в его любимом кафе в Гейдельберге или в маленькой деревушке на берегу Рейна

и Мозель, где полпинты отличного вина можно было купить примерно за шесть пенсов. Он подумал , можно ли позвонить портье и попросить прислать бутылку.

UjJ.

Когда он шел по коридору к своей двери, Наташа

К л я? выйдя из ванной , она была одета в зеленое успокойся, надень ночную рубашку и тапочки. Цвейг сказал извиняющимся тоном:

- Я вышел немного подышать свежим воздухом.

Он остановился у своей двери, нащупывая ключ. Она сказала:: уд. Я зайду и поговорю с тобой.'

Сейчас? Что с вашим мужем?"

'Он спит'.

- В таком случае, - сказал Цвейг, - я в восторге.

Я вижу, как я сражаюсь с тобой, - и повис у нее на плечах, словно школьница. В руках у нее было банное полотенце, и она раскачивала за ручку голубой пластиковый футляр от унитаза.

В комнате было холодно; Цвейг оставил окно открытым. Но запах электронной сигареты исчез. Он захлопнул окно и задернул шторы. Она спросила:

У вас есть что-нибудь выпить?"

Боюсь, что нет.

"У меня есть немного виски. Принести его?'

Не разбудит ли это вашего мужа?'

конечно, нет, но… - Она вышла. Цвейг стоял перед зеркалом над раковиной и тер седую щетину.

отведя руку назад, он смахнул с нее жир

Из-за того, что вы так волнуетесь, неудивительно, что она

. «Он все еще не спит, - сказала она, - но виски он не хочет’ Она постучала по крышке бутылки виски “Джейсон”.

СКткеВхтт 0 т00 -й “Пла “ д на £

’ Где бы вы хотели сесть?

- В постели. У меня замерзли ноги.’

покрывало, которое часто бывает слева? 8 °”я ˚ ?°° с и не знаю, что делать”

Я почувствовал

свистящий звук”68 секунд” и спросил, что я приготовил из овощей

Воды?”

“Побольше, пожалуйста”.

НЕОБХОДИМОЕ СОМНЕНИЕ

Протягивая его ей, он спросил:

- А что, если Джозеф начнет тебя искать?

- Он не будет возражать. С какой стати ему это делать? Но он все равно не придет способ.’

- Он тебе доверяет? - спросил я.

‘Я думаю, он тебе доверяет”.

“На тебе что-нибудь надето под этим халатом?”

“Конечно, нет. Я только что вышла из ванны”.

“И он не возражает, что ты находишься в комнате другого мужчины.

“Он был бы против большинства мужчин. Но не вы. Единственное, что его сейчас беспокоит, - это почему вы не прокомментировали его теорию о потерянных коленах Израиля.

Цвейг сказал: ‘Хммм!’ Он завязал шнурок на своем халате , сунул ноги в шлепанцы и расслабился в кресле. Виски оказалось приятным на вкус; он выпил половину в два глотка.

Она спросила: “Почему ты сегодня такой взволнованный?’

“Ты заметил?”

- Это было очевидно.

Он встал, оставив свой стакан на подлокотнике кресла. Он почувствовал внутреннее облегчение. Дело было не в виски и даже не в том, что она смотрела на него из-под одеяла.

Это было ответом на его привязанность к ней, поз непринужденность, уверенность в том, что он может с ней поговорить. Он испытывал к ней не большее физическое влечение, чем если бы она была его дочерью.

Он сказал: ‘Честно говоря, я беспокоюсь за Густава. …

Почему?”

‘У меня такое чувство, будто мы…”

Она улыбнулась и сказала: “Кошки охотятся на мышь?”

‘В некотором смысле, да. У меня такое чувство, что… когда я все это затеяла, я начала то, чего не предвидела’.

‘И ты все еще чувствуешь это, даже после сегодняшней встречи с ним?”

“Да. Даже после сегодняшнего”.

“Но почему?” Он показался мне неприятным, циничным человечком. И я не думаю, что у меня есть предубеждение, потому что он был груб. Вчера вечером я почувствовала то же самое по отношению к нему, когда он был безукоризненно вежлив”.

‘Ты не понимаешь, Наташа. Ты слишком молода. …

“Почему?” Мне тридцать два.

“Я имею в виду, что ты не можешь понять силы, которые могут повернуть

такой человек, как Густав, превращается в… - он пожал плечами, словно сбрасывая тяжесть со своих плеч, - в нигилиста.

- А я не могу?

- Видите ли, вам пришлось бы кое-что понять о Германия после Первой мировой войны. Многим из нас казалось, что мир вступил в новую эру. Мы все были пацифистами. Мы видели вокруг себя развалины Европы, но это казалось гарантией того, что никто никогда не осмелится развязать еще одну войну. Мы все верили, что Женева станет символом нового мира разума и сотрудничества. Были открыты новые университеты например, в Гамбурге и Франкфурте. Мой друг Эрнст Кассирер учился в Гамбурге; Я некоторое время жил во Франкфурте, прежде чем переехать в Гейдельберг. Кассирер был похож на меня; он тоже верил в грядущий век разума и просвещения….”

Он сидел на батарее, спиной к окну; теперь он взял со стула стакан с виски и поставил его рядом с собой на батарею. Потребность заставить ее понять действовала на него как динамо-машина.

“Вы должны попытаться понять, что это не было обычным оптимизмом философов… все будет к лучшему. Это было гораздо глубже. Кассирер был евреем. Когда он был моложе, ему было отказано в приеме в университет из-за его расовой принадлежности. Мы чувствовали, что человечество делится на две расы, такие же разные, как коровы и лошади: с одной стороны, безмозглые животные со своими страстями и предрассудками, с другой - ученые люди, люди разума. До 1914 года мы иногда задавались вопросом, будут ли ученые мужи

однажды убиты во время восстания скотов. Иногда мы теряем пара человеческих существ. Они казались слишком невероятно жестокими и глупыми, чтобы их стоило спасать. Я знал, что если бы я был Богом, я бы уничтожил человечество. А потом началась война, и внезапно… казалось, что все разрушения очистили людей от их зла. Я помню вечер, проведенный с Кассирером в Берлине, незадолго до его отъезда в Гамбург, когда он рассказал мне о своей идее символических форм и о том, что, по его мнению, это станет новым ключом к философии, мостом между искусством и наукой, началом новой эры. Мы проговорили всю ночь, и мы оба увидели Европу, похожую на древние Афины, но без трусов и убийц, без коррупции и мелкого национализма. Это была наша вера, наше убеждение. Мы все придерживались этого - Гуссерль, Ясперс, я и Алоис Нейман. Там

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

некоторые из нас думали, что война была своего рода Армагеддоном для человеческого духа и что теперь наступит новая эра просвещения. А потом пришел Гитлер. Это было неожиданно и невероятно, как нападение вандалов на Рим. И еще был Шпенглер с его посланием о том, что Запад умирает, потому что цивилизация подобна любому цветку, который должен умереть. Мы с трудом могли в это поверить. Снова наступила ночь. Как будто вся наша вера была самой детской иллюзией, как вера юной девушки в соблазнителя. Но, как видите, для нас все было не так уж плохо - для таких людей, как Кассирер, я, Джасперс и Барт… по крайней мере, у нас была какая-то искра веры. Больше всего пострадали очень молодые люди, такие, как Густав. Им сказали, что мир готов к разуму и спокойствию, что они могут осмелиться быть оптимистами. Для них это было еще хуже, потому что они чувствовали, что их предали дважды - милитаристы и их учителя. Теперь вы понимаете, почему некоторые из них стали нигилистами, почему они пытались вырвать с корнем свои глубочайшие убеждения?'

Она медленно кивнула. - Да. Я понимаю. Но как это могло превратить человека в профессионального убийцу?

' Я не знаю. Кто я такая, чтобы судить? Моя собственная борьба была достаточно тяжелой. Мне вдруг показалось, что жалость и

любовь - единственные ценности, которые могут спасти мир, но я ошибался. Я верил в жалость и любовь. Возможно, такие люди, как Густав , тоже не доверяли им и пытались их задушить. Я знаю, что некоторые из моих студентов вступили в нацистскую партию. Один из них стал комендантом лагеря, который был приговорен в Нюрнберге к смертной казни за убийство сорока тысяч евреев. Другой написал книгу, в которой утверждал, что я еврей, что, как оказалось , не соответствует действительности.'

Она спросила: "А скажите, вы хотели поехать в Нюрнберг , чтобы защищать своего ученика, который убивал евреев?"

"Конечно, нет"

"Тогда почему вы испытываете жалость к Густаву Нейману?'

- А! - улыбнулся он и пошел налить себе еще виски. - На этот вопрос нелегко ответить, но я попробую. Сегодня вечером, слушая, как ваш муж делится со мной своими идеями о потерянных племенах Израиля и индуистском фаллическом культе, я вдруг почувствовал, что Раньше у меня возникало такое чувство, когда я слышал, как нацист цитирует аргументы Альфреда Розенберга, доказывающие, что евреи и негры принадлежат к низшему расовому типу, подобному обезьянам.'

Она выглядела удивленной. - Настолько плохо, как это?

- Пожалуйста, простите мою откровенность. Я не обращаюсь к вам как к миссис. Гарднер….'

- И я не слушаю вас как миссис Гарднер.

' Хорошо. Тогда поймите, что я не обвиняю вашего мужа группа той же степени безумия, что и Штрайхер и Розен айсберг. Его идеи вряд ли могли привести к созданию лагерей уничтожения. И все же меня внезапно осенило: за какими ценностями я охочусь?

Густав Нойманн? Если бы мир действительно был разделен на две расы, на грубиянов и философов, то философ имел бы право осудить грубияна, совершающего убийство. Однако у нас нет никаких доказательств того, что Густав совершил убийство. И перестал ли Густав быть актером или нет. идеалист, он , конечно, не грубиян.' Он замолчал и медленно отхлебнул из своего бокала. Когда он снова посмотрел на нее, на его лице была аполитичная улыбка генетически. - А ваш муж и сэр Чарльз Грей определенно не философы.

Она спросила: "Что ты хочешь делать?'

Цвейг сказал: "Я хотел пойти и поговорить с Густавом сегодня вечером, до приезда Колбрайта. Я хочу дать ему возможность ответить мне откровенно. Не забывай: много лет назад, когда у него появилась безумная идея стать главным преступником, он пришел рассказать мне об этом. Он не видел во мне врага. Но сегодня, когда он обедал с нами, я был врагом. И, возможно, это была моя собственная вина…

"Даже если он и может быть убийцей?.."

'Да. Если Густава арестуют, будут судить и казнят, я буду знать, что это было необходимо, точно так же, как я знал, что это было необходимо , когда в Нюрнберге казнили Германа Денке. И все же Я всегда каким-то образом чувствовал, что отчасти виноват в этом сам, что подвел его как человека. …'

- Тогда почему бы тебе не пойти… завтра утром?

Он печально сказал: "Я пытался пойти сегодня вечером. Полчаса назад, когда я был на вокзале, у меня возникло внезапное желание взять такси. К счастью, оно было уже занято.

"Хочешь, я отвезу тебя туда прямо сейчас?"

Он знал, что она говорит серьезно, но понимал, что идея была его практическое.

- Нет, мой дорогой. Не сейчас.

Она откинула одеяло и встала с кровати. Воздух в комнате стал теплее. Она подошла к нему в

ее босые ноги.

‘Я не совсем понимаю тебя… но начинаю понимать’. ‘Это имеет значение?”

‘О да. Это имеет значение”.

Она стояла рядом с ним, положив руки на батарею и наклонившись вперед. Хотя платье распахнулось так, что он мог видеть очертания ее маленьких грудей, он знал , что в ее движениях не было кокетства; на мгновение она растерялась. осознавая свою наготу. Она сказала:

- Ты внезапно заставил меня почувствовать себя… глупой.

‘Глупый?’

“Нет, я не это имел в виду. Я имею в виду, дешевый, как будто я набрасывался на тебя последние двадцать четыре часа”.

Он сказал с удовольствием: “А ты? ’

- В некотором смысле, да. Я полагаю, это присуще всем женщинам - инстинкт хищницы, желание предъявлять права. Но теперь ты знаешь просто заставь меня чувствовать… Я не могу этого объяснить. Как будто я пытался найти золотую жилу. Я действительно не понимаю вашей философии. Я стараюсь это делать. Я бы хотел. Но многое из этого выше моего понимания. И теперь ты внезапно заставляешь меня чувствовать себя….. как дешевая маленькая кокетка”.

“Боже правый, нет!” Он был искренне потрясен.

Она опустила взгляд, заметила очертания своей груди и быстро застегнула халат. Он сказал:

“Моя дорогая Наташа, пожалуйста, поверь мне, когда я говорю… тот Я действительно получил огромное удовольствие от последних двадцати четырех часов. Гораздо больше, чем я мог бы вам передать. Я бы ни в малейшей степени не возражал , чтобы вы присвоили меня. Хотя я с трудом могу поверить , что ваш муж был бы не против…

“Он бы не стал”.

“Тогда, пожалуйста, продолжайте и присвоите меня”.

“Вы это серьезно?’

“Конечно”.

она взяла его за руку, но была поражена, когда подняла

поднесла его к губам и поцеловала. Он сказал: “Нет”. - Ответила она, улыбаясь: Хорошо, - и поцеловала его в уголок рта. Она сказала: О, какой же ты колючий.’

Цвейг поймал себя на том, что смотрит в зеркало поверх ее головы, смотрит на свое морщинистое лицо и думает:: Возможно, у меня будет еще десять лет. Возможно, даже больше’

Она сказала: “Я лучше пойду и дам тебе поспать”.

Он хотел удержать ее, но знал, что это бессмысленно. Так

Вместо этого он сказал::

|| ‘Да, я чувствую, что устал. Спасибо за виски.*

Я оставлю бутылку здесь. Спокойной ночи, Карл”.

“Спокойной ночи, Наташа”.

Когда дверь закрылась, он отдернул занавески и снова выглянул на улицу. Его лицо горело, а в глазах чувствовалась усталость. Прежде чем лечь в постель, он еще раз посмотрел на свое отражение в зеркале и медленно произнес: “Ты глупый старик”. Затем он почувствовал тепло, которое оставило после себя ее тело, и позволил ему слиться с собой, пока тепло и его собственное сознание оба они погрузились в сон.

На следующее утро за завтраком Грей сказал:

Думаю, сегодня нам лучше вернуться в коттедж.

Наташа спросила: “А есть ли в этом какой-то смысл?”

Гарднер ответил: “Думаю, да. Начнем с того , что это все равно наш коттедж. Разве ты не хочешь его посмотреть?’

Она улыбнулась. - Только не в такую погоду. И не без мебели.

Тем не менее, я думаю, нам лучше остаться там. Если мы не потрудимся уйти, это подтвердит его предположение, что мы вчера шпионили за ним.

День был пасмурным и холодным; прогноз погоды обещал еще больше снега. Когда они ехали к коттеджу, она сказала: “Я начинаю ненавидеть это место. Я буду рада, когда мы сможем вернуться в Лондон”.

“Это должно произойти сегодня попозже, если не пойдет слишком сильный снег”.

Сырость в гостиной казалась еще холоднее, чем восточный ветер снаружи. У коттеджа были толстые побеленные стены, а все двери были слишком низкими. Очевидно, это были два домика для рабочих, переделанные в один. Пол в гостиной был покрыт грубой кокосовой циновкой. Наташа сидела в единственном кресле, обхватив себя руками, и выглядела несчастной. Грей осмотрел дальний конец сада и обнаружил гнилой ствол дерева; когда Гарднер ударом топора разломил его надвое , колония черных жуков медленно выползла наружу. Мужчины притащили в гостиную большие поленья, бросили их в камин шириной почти в шесть футов и пропитали керосином. В результате огонь разгорелся такой сильный, что им пришлось отойти на половину комнаты.

Грей сказал, глядя в окно:

Из их трубы не видно дыма. Конечно, это ничего не значит. У них там электрические камины”.

” x 49

При свете камина Наташа внезапно пришла в себя и заглянула в соседнюю комнату. Она позвала:

“Вы двое оставили эту дверь незапертой?”

“Там нет замка”, - сказал Гарднер. - Но она запирается изнутри, так что вы не сможете ее открыть.

- Значит, кто-то оставил ее открытой.

Гарднер и Грей пошли посмотреть. Деревянная задвижка на двери была поднята, так что дверь можно было открыть снаружи, нажав на нее.

- Кто-то был внутри, - сказал Грей. - Я проверил эту дверь перед тем, как мы ушли вчера. Видишь какие-нибудь следы снаружи?

Гарднер смотрел на дорожку за дверью.

- Здесь ничего нет. Но если бы он подошел поближе к дому , то мог бы избежать попадания в снег. Смотрите.’

Выступ крыши и стена сарая для инструментов не давали снегу засыпать дорожку вокруг дома.

Грей подергал щеколду.

- Она довольно жесткая. Вероятно, он захлопнул дверь, когда уходил , и подумал, что она встала на место. Смотрите, вот след от ножа, которым он взломал ее”.

Гарднер сказал: “Он все равно ничего не нашел. Интересно , что он искал?”

Наташа жалобно позвала: “Лучше бы ты зашел и закрыл дверь. Из-за тебя выходит все тепло’.

Грей сказал: “Этот человек определенно не позволяет траве расти у него под ногами, не так ли?”

Гарднер задумчиво произнес: “Я бы хотел заглянуть в их коттедж…”

Цвейг сел за стол и стал перечитывать свою рукопись. Визит в коттедж показался ему пустой тратой времени, но он не хотел

предлагать остаться я снова задержался в отеле с Наташей. Он решил извлечь из этого максимум пользы и провести утро за пересмотром своей книги. - Сказал он, улыбаясь:

- Густав, вероятно, в твоем номере в отеле “мо”. мент, просматриваю ваши бумаги.’

- Для меня это нормально. Мне нечего скрывать.’ Гарднер снова стоял у окна, глядя в бинокль. улары. - Привет, - неожиданно сказал он.

‘ Что такое?

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

“Черт возьми!” Возле их коттеджа останавливается такси. Я выиграл - если они уезжают.

Все четверо поспешили к окну и уставились на поле. Грей сказал::

- Если они уезжают, это будет неприятно. Колбрайт будет ругаться.

Гарднер сказал: “Если они уедут с багажом, я последую за ними на вокзал. Я все равно узнаю, куда они направляются’.

Грей забрал у него бинокль. Он сказал:

- Не думаю, что они собираются забирать багаж. Водитель ждет в такси. Если бы они хотели забрать свои чемоданы, он бы помог им с ними.

- Тогда что, черт возьми, они задумали?

- А вот и они, - сказал Грей. ‘ И у них нет луга. гейджа’

- У них обоих. Хорошо. Как только такси скроется из виду, Я собираюсь заглянуть в их коттедж.’

Грей вернулся к костру и бросил искореженный корень дерева в пламя. Он сказал::

‘Я не понимаю. Он знает, что мы здесь, потому что видит дым и

машину, припаркованную снаружи. Значит, он должен знать , что мы попытаемся заглянуть в коттедж.

Гарднер сказал: ‘Давай, Наташа, пойдем к нашей машине и попросим их остановиться’.

“Но зачем?’

- Я хочу убедиться, что с Тимом все в порядке.

Они вышли из коттеджа, оставив входную дверь открытой. Цвейг и Грей стояли, наблюдая за ними из окна. Когда такси поравнялось с припаркованной машиной, Гарднер махнул рукой, приказывая остановиться. Заднее стекло было опущено, и из него выглянул старик. Они услышали, как он окликнул их: “Привет, Джо, старый негодяй. Что ты делаешь?’

Цвейг сказал: “По-моему, он вполне здоров’.

Гарднер стоял у окна такси и разговаривал. Через мгновение он отступил назад и помахал рукой, такси отъехало. Наташа вернулась в комнату и протянула руки к огню.

- Он выглядит совершенно здоровым. Они собираются сделать кое-какие покупки пообедать в Бери-Сент-Эдмундс”.

Гарднер последовал за ней.

“Все выглядит вполне невинно. Они собираются за покупками. Пообедать и перекусить. Не пойти ли нам взглянуть на

коттедж?

Грей пожал плечами.

- Думаю, вам лучше пойти одному. Не думаю, что бывшему комиссару полиции стоит подвергаться аресту за незаконное

проникновение.

- Я тоже пойду, - сказал Цвейг.

Они посмотрели на него с удивлением.

“Почему?”

“Без особой причины”. Я хотел бы взглянуть на вещи Густава.

“Если мы сможем попасть внутрь”, - сказал Гарднер. - Если я правильно помню, на обеих дверях довольно внушительные замки. Тогда пошли.’

Грей сказал: “Если я увижу какие-либо признаки внезапного возвращения такси, Я протрублю в автомобильный гудок. Но, боюсь, у вас не так много шансов уйти незамеченным. Так что вам лучше подготовить хороший предлог.

Они шли по середине дороги, чтобы не оставлять следов. Гарднер сказал:

- Я бы не удивился, если бы он внезапно вернулся, притворись я подумал, что он что-то оставил, просто чтобы застать нас в коттедже.’ Он усмехнулся. - Я так и вижу заголовки: “Известный профессор заключен в тюрьму за кражу со взломом”.

В пятидесяти ярдах от коттеджа Фергюсона стоял еще один коттедж, из трубы которого шел дым. Гарднер сказал::

‘ Это коттедж смотрителя. Нам просто придется рискнуть , чтобы нас оттуда увидели. К счастью, я довольно хорошо знаю этого человека, так что , вероятно, смог бы при необходимости утихомирить его.

Дорожка, ведущая к входной двери коттеджа, была недавно расчищена, с обеих сторон были навалены сугробы. Садовник толкнул калитку. Он сказал:

- Похоже, он не хотел, чтобы мы оставили следы, не так ли? Это полезно.’

Они остановились у окна.

- Мы могли бы сначала попробовать открыть двери. Я не думаю, что у них есть оставил их открытыми, но… Будь я проклят”.

Входная дверь открылась, когда Гарднер толкнул ее. Они оба с опаской заглянули в комнату. Гарднер постучал в дверь и позвал: “Есть кто дома?’ Когда ответа не последовало, он жестом пригласил Цвейга войти. Они стряхнули снег с ботинок о стену и тщательно вытерли ноги о дверь мат. Гарднер сказал: ‘Это начинает меня беспокоить. Все выглядит слишком просто”.

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

Цвейг очутился в теплой и уютной гостиной. В пустом камине горел электрический огонь. Под ногами у него был мягкий серый ковер. Было очевидно , что на постройку коттеджа было потрачено много денег; мебель была новой и потрепанной.

- Давайте сначала заглянем наверх. Нам лучше поторопиться, а то сторож нас заметит.

Наверху были две комнаты, двери которых выходили одна на другую по обе стороны лестницы.

“Вы загляните туда, - сказал Гарднер, ‘ а я загляну в эту”.

Цвейг понял, что находится в спальне сэра Тимоти Фергюсона. В пепельнице лежал окурок сигары, а на прикроватном столике стоял графин с виски. На кожаном чемодане, стоявшем на столе , были инициалы “Т.Ф.”.

Цвейг расстегнул молнию на чемодане и заглянул внутрь. В нем лежали грязная рубашка и две детективные книжки в мягких обложках. Он систематически перебирал содержимое ящиков, подавляя отвращение. Гарднер крикнул: “Есть успехи”, - и ответил: “Пока нет”. Пока он говорил, его рука наткнулась на коробку в глубине ящика. Он открыл ее и нашел шприц для подкожных инъекций. Он позвонил Гарднер, затем отвинтил его и понюхал. Запаха не было. Гарднер сказал:

“Это интересно, но нам это мало о чем говорит”. Вы можете найти какие-нибудь капсулы или пилюли?

“Нет”. Я перерыл все ящики”.

Гарднер открыл шкаф и порылся внутри. Он сказал:

‘Насколько я могу судить, там ничего нет… совсем ничего”.

Цвейг прошел в другую спальню. Она была похожа на спальню Фер Гусона, но менее удобная. На полу стоял чемодан, а на кровати лежала пижама; в остальном комната была совершенно безликой.

Он открыл шкаф. В нем лежали костюм и две пары обуви. Когда он закрывал дверцу, костюм зацепился за нее, и ему пришлось снова ее распахнуть. Когда он это делал, что-то соскользнуло с верхней полки шкафа и упало за ней. Цвейг заглянул в щель и увидел, что это книга. Он выдвинул шкаф и потянулся за ним. Название было на немецком языке человек: “Гипнотическая речь и погружение в невод”. Цвейг бросил книгу на кровать, нашел стул и заглянул на шкаф. Там была еще одна книга и несколько

журналы. Эти журналы были изданы в период с 1936 по 1938 год в рамках журнала Monatshrift fur

“

Криминальная психология и борьба за свободу”. Это была книга Холландера “Психология недостойного поведения, порока и преступности”.

Вошел Гарднер. Он спросил: “Привет, что у вас тут?” Цвейг протянул книгу.

‘Гипноз? Где вы это нашли?”

‘На шкафу”.

‘Будь я проклят”. Он открыл форзац и увидел подпись прочитал: ‘Г. Нейман, Копенгаген, 1958’. Гарднер указал на журналы. ‘Что это за материал?”

‘По-моему, это бюллетень института криминальной психологии. Я тоже нашел эти книги’.

“Что это значит? Я не говорю по-немецки’.

“Преступления, совершаемые с помощью гипноза, и их раскрытие”.

’ Я не понимаю. - Гарднер сел на кровать и заглянул в книгу. - Это довольно старая книга - 1889 года’

Цвейг мог следить за ходом мысли. Он сказал: “Вполне. Теперь мы знаем, что преступление под гипнозом невозможно”.

- В таком случае… что Нойманн делал с такими странными вещами?

Более того, почему он оставил их на шкафу ?

- Вы думаете, он хотел их спрятать? Зачем ему это было нужно?

Цвейг просматривал журналы. Он сказал: ‘Ах, смотрите! Здесь собраны статьи Густава.’

- От чего?

- Это называется “Изучение улик в деле”. Дело Сала”.’

- Что это? - спросил я.

- Я пытаюсь выяснить.

Снаружи они услышали шум автомобильного двигателя. Они оба подбежали к окну. Это был красный почтовый фургон, и он остановился у соседнего коттеджа.

Гарднер сказал: “Если они сейчас вернутся, нас здесь застанут. Нет никакой возможности уйти незамеченными”.

“Как вы думаете, нам стоит уходить?’

“Это может быть хорошей идеей”

‘Дайте мне еще несколько минут. Я хочу взглянуть на это”.

- Хорошо. Я посмотрю у Таира,*.

Когда десять минут спустя Гарднер вернулся, Цвейг все еще сидел

НЕОБХОДИМОЕ СОМНЕНИЕ

р;

Если чтении.

„Что-нибудь интересное?’ я-очень интересно. Действительно, очень странным.

- Это важно? Мы должны оставить.

- Нет. Я, вероятно, можете найти его в Британский музей или Психологический Институт. Я готов идти”.

Цвейг встал на стул и расставил книги по местам в шкафу, в то время как Гарднер разгладил постель.

“Вы нашли что-нибудь внизу?”

‘Только это”. Он показал маленькую стеклянную ампулу. - Он был в мусорном ведре. Вероятно, в нем было вещество, использованное для подкожных инъекций. Оно выглядит пустым, но аптекарь, возможно, смог бы сказать нам, что в нем содержалось.

Он выглянул в окно.

Вокруг никого. Нам лучше уйти”.

‘Очень жаль. Я хотел бы провести здесь несколько часов. Я хотел бы получить возможность внимательно ознакомиться с этими материалами”.

Гарднер больше не произносил ни слова, пока они не двинулись обратно по дороге.

Почему ты сказал, что это интересно?

- Потому что статья Густава была о человеке, который использовал гипноз, чтобы контролировать банду преступников. Это произошло в Сала, в Швеции, в 1936 году. В другом номере

журнала он написал еще одну статью о случае криминального гипноза, имевшем место в Гейдельберге в том же году, - о случае , когда женщина была загипнотизирована без ее ведома, а затем гипнотизер превратил ее в воровку и проститутку.'

Вы уверены, что это возможно? Для меня это звучит как сказка

.

Должен признаться, я нахожу это невероятным. С другой стороны , "Монатшрифт" - вполне уважаемое издание.'

Некоторое время они шли молча, затем Гарднер спросил::

"Возможно ли это?"

"Похоже на то".

Я не это имел в виду. Вы понимаете, к чему я клоню.'

Я знаю. Вот о чем я спрашиваю себя с тех пор Я просмотрел статью.

Они подошли к двери коттеджа. Грей открыл ее перед ними.

"Есть успехи?'

номер 55

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

- Мы не знаем. - Гарднер положил ампулу на стол. ' Я нашел ее в мусорном ведре. Возможно, это ничего не значит'

Наташа сказала: "Ему делали какие-то инъекции от гормональной недостаточности".

'Я знаю. Есть еще кое-что…"

Цвейг сказал: "Я нашел несколько книг и журналов на шкафу . Все они были посвящены преступлениям и гипнозу. Густав

написал несколько статей на эту тему”.

Гарднер спросил Грея: “Вы когда-нибудь сталкивались со случаями применения гипноза в своей полицейской работе?”

‘Только один раз. Случай, когда врач соблазнил одну из своих пациенток под гипнозом. Его защита утверждала, что она хотела , чтобы ее соблазнили, потому что невозможно заставить загипнотизированного человека сделать то, чего он не стал бы делать в бодрствующем состоянии”.

“Именно это я и сказал”.

Цвейг сказал: “Согласно статье Густава, гипнотизер из В Швеции мужчину заставили совершить самоубийство под гипнозом.

Наступила тишина. Затем Наташа сказала: “Боже мой!” Ее голос был почти не слышен.

“Есть ли какие-нибудь доказательства того, что это имело место?”

- Согласно статье Густава, это был человек, который с помощью гипноза контролировал целую банду преступников. Вы можете легко получить записи в полиции Салы. У гомосексуалиста были гомосексуальность с одним из членов банды, а в то время гомосексуализм в Швеции был наказуем по закону. Он боялся, что мужчина может заговорить об этом, поэтому загипнотизировал его , заставив застрелиться.’

Гарднер сел на подоконник и сказал::

“Не знаю, как ты, но мне нужно чего-нибудь выпить. Наташа, передай мне виски”.

Грей сказал: “Я думаю, нам всем не помешало бы выпить’. Наташа открыла корзину, которую привезли из отеля, и достала бутылку виски и четыре бокала. Она налила немного в бокал и протянула его мужу, который выпил его залпом.

Грей сказал: ‘Послушайте, мы должны отнестись к этому спокойно. Честно говоря, для меня все это звучит неправдоподобно. Начнем с того, что меня всегда учили, что никого нельзя загипнотизировать против его воли. Все это давным-давно было опровергнуто’.

- Свенгали и все такое, - сказал Гарднер.

“Я не очень разбираюсь в психологии”, но я помню

что было сказано в суде по делу Марчмонта - мужчина, который изнасиловал женщину под гипнозом. Мужчина получил всего шесть месяцев. И это потому, что суд посчитал, что на самом деле это вообще не было изнасилованием. Другими словами, женщина позволила бы себя соблазнить независимо от того, была ли она загипнотизирована или нет. Она позволила себя загипнотизировать, потому что это дало ей повод для измены мужу. Уж не хотите ли вы сказать, что человека можно загипнотизировать и заставить его взорваться вышибая ему мозги….’

- Если только он уже не хотел покончить с собой, - сказал Гарднер.

’ Вполне.

Цвейг сказал: ‘Я совершенно с вами согласен. Это правда, что Фрейд опроверг представление о том, что гипнотизер может получить власть над субъектом, который этого не желает. Но в тех случаях, которые цитирует Густав, я не уверен, насколько сильно субъекты этого не хотели. Человек, совершивший самоубийство, прошел “длительный курс лечения гипнозом”. жест”. Именно эти слова использует Густав. Я не сомневаюсь , что сценический гипнотизер, например, не смог бы убедить некоторых один из них совершил попытку самоубийства на глазах у публики. Но если бы гипнотизер жил в непосредственной близости от жертвы, он был бы в состоянии начать “длительный курс внушения”, в частности особенно если испытуемый полностью доверял ему.’

Гарднер расхаживал взад-вперед по комнате. Он восторженно воскликнул

::

“Боже мой, это возможно. Почему Нойманн не хотел, чтобы его

знали как врача Тима?”

Грей терпеливо сказал: “Я думаю, мы позволяем домыслам преследовать нас. Все, что мы нашли, - это несколько книг о преступлениях и гипнозе. Мы знаем, что Нойманн интересовался психологией, а также преступлениями. Это не доказывает, что он совершал убийства с помощью гипноза.’ Он спросил Цвейга: ” Есть ли в этих статьях что-нибудь, указывающее на то, что Нойманн его селф экспериментировал с гипнозом?’

■/Нет. Совсем ничего.’

- Вы не знаете, пробовал ли он когда-нибудь заниматься гипнозом?

- Насколько мне известно, нет.

- Ну, я склонен в это не верить. Я думаю, он намеренно оставил эти книги там, чтобы отвлечь внимание.

- В таком случае, зачем ему их прятать?

‘ Где они были спрятаны? На шкафу? Разве это не самое очевидное место, где можно что-то спрятать? Если бы он действительно захотел

Чрезвычайное СОМНЕНИЕ

Ор, или ”^!” 7. Я не знала, что он прятался у него под матрасом Наташа Гарднер сказала: “Не думаю, что Тим выглядел так, будто он Только тот, кто не видел мертвых глаз…

несомненно’ Первым заговорил Цвейг. “Ему не нужно быть

что случилось?“ сегодня в 311 часов утра “ ужинал с

С другой стороны, это могло бы объяснить некоторые очень любопытные особенности.’

Черт возьми! - Иди сюда и поешь, - она только что распаковала ветчину.- - и я с тобой. на столе - два холодных фазана, бутылка тушеного мяса на продавленных табуретах вокруг стола.

Он выглядел раскрасневшимся от виски. Он сказал—

по воле судьбы, если он сойдет с ума от старости, то совершит самоубийство

-Свит с Эрланой , которая живет в 7 часов утра 8 минут назад .В каком месте “‘‘ ° f °’ d “ в

Герхардт Сейферт.’

а я не мог бы?“ - “Да, да! что бы ты ни объяснял, Нойманн

Но он не мог этого сделать, потому что у него был П-эффект “Горячий”, и вы убедили его совершить самоубийство.’

rncuZuUoliZZnT” * “ Гард - ˆ бис

В этом не было бы абсолютной необходимости. В разделе “Невесты в В деле о Ванне никто не доказал, что Смит утопил своих жен.

у Анны все в порядке с головой ” - Но это не так, как у меня.*

правильно ли я понял. Он заполнил? Я(> просто

Кто-то видел, как ты что-то делалˆ

следующая дверь? ТЫ спрашиваешь, “почему они не потрудились запереться , а их смотритель живет в соседней комнате , которая может взломать “.

Это значит, что у гипнотизера есть еще 3 часа, чтобы поработать над этим. Запрос, чтобы узнать, как он работает гипнотизером.

ˆ8

НЕОБХОДИМОЕ СОМНЕНИЕ

Но я не думаю, что это дело будет зависеть от ответа.’ Наташа спросила: “Как ты думаешь, от чего это зависит?’

- Начнем с того, может ли этот фотограф идентифицировать Нейман в роли Бернштейна. Если он это сделает, я буду уверен, что мы на верном пути.

Во сколько прибудет Колбрайт?

“В два пятнадцать, то есть через час”.

“Как вы предлагаете устроить ему встречу с Нейманом?’

“Очень просто. Я бы навестил сэра Тимоти и взял с собой фотографа. Или попросил бы вас взять его с собой.

Цвейг сказал: “Я хотел бы как можно скорее посетить Британский музей и проверить эти книги Густава. Я бы хотела внимательно прочитать их, прежде чем принимать решение по поводу гипноза”.

“У них там будут книги?” ’ спросила Наташа.

Д.Ж.: “Они должны быть у них. Если нет, я, вероятно, смогу найти их в Психологический институт.

- Я скажу вам, где вы можете их найти, - сказал Грей. - В доме Джона Стаффорда-Мортона. У него огромная библиотека по психологии преступлений’

Цвейг поморщился. - Я бы предпочел не беспокоить его.

- Хорошо. Но я думаю, что вы совершаете ошибку. Он замечательный человек. Я поговорю с ним об этой теории гипноза.

Цвейг улыбнулся, но ничего не сказал.

Два часа спустя Цвейг и Грей стояли вместе на платформе вокзала и смотрели, как прибывает лондонский поезд. Снова пошел снег, и Цвейг почувствовал себя подавленным; поезд опоздал на час, и он замерз. Гарднер сказал, что, если снегопад продолжится, вернуться в Лондон в тот же день будет невозможно.

- А вот и он, - сказал Грей.

Колбрайт помахал им с другого конца платформы. Его сопровождал невысокий мужчина с зубной щеткой в руках. у него были усы и внешность менеджера провинциального банка. Весело окликнул его Кол Брайт.:

- Боже, какое путешествие! Здравствуйте, профессор, как поживаете? Он быстро пожал мне руку. * Мы даже не могли купить бутылку пива в этом чертовом поезде.'

iS9

СОМНЕНИЯ НЕИЗБЕЖНЫ

"Приходите и сделайте снимок в отеле".

"Хорошая идея. Это Терри Сэмс, фотограф".

"Очень любезно с вашей стороны проделать весь этот путь", - сказал Грей, шак Мистер Сэмс улыбнулся.

' Очень приятно. В свое время Берт оказал мне несколько услуг.

Когда они возвращались в отель, Грей вкратце , с минимумом подробностей, рассказал об их планах. - спросил Колбрайт:

- Ты хочешь сказать, что собираешься просто постучать в дверь и встретиться с ними лицом к лицу? Не слишком ли это рискованно? Я имею в виду, что если он узнает Терри, то поймет, что они подобрались немного близко.'

- Он мало что может сделать. Если он попытается покинуть страну, Я мог бы вызвать его на допрос.'

Цвейг спросил мистера Сэмса: "Как вы думаете, он вас узнает ?"

'Не знаю. Может, и нет. Вот почему я надела свой воскресный костюм. Это была идея Берта. Я одевалась раньше… немного небрежно меньше, чем в прежние времена.'

Именно Цвейг увидел Наташу, переходившую улицу в направлении "Интера" кроме них. Она выглядела взволнованной и махала рукой, чтобы привлечь их внимание. Цвейг проследил за ее взглядом и узнал Ной манн и сэр Тимоти Фергюсон стояли возле отеля. Нойманн махал зонтиком, подзывая такси. Она сказала::

“Слава Богу, вы приехали”. Они обедали в отеле.

Грей схватил Колбрайт за руку.

“Быстрее. Идите туда с мистером Сэмсом и посмотрите, сможете ли вы увидеть его до того, как он сядет в такси”.

Они больше не могли видеть Ноймана; такси остановилось прямо перед ним. Сэмс и Колбрайт перебежали улицу, чтобы остановить его. Цвейг сказал:

‘Слишком поздно. Они уже заходят внутрь”.

“Это не так”, - сказал Грей. Сэмс схватился за наружную дверцу такси и распахнул ее. Он разговаривал с кем-то внутри. Мгновение спустя он высунул голову и снова захлопнул дверцу. Такси немедленно тронулось с места. Они поспешили через дорогу, чтобы присоединиться к двум мужчинам перед отелем. Сэмс хихикал от удовольствия.

‘Это точно он. Я не мог его перепутать”.

‘Вы уверены?’

“Абсолютно уверены”. Я притворился, что подумал, что такси остановилось.

160

(НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

остановился, ожидая меня, и начал садиться в машину. Потом я увидела его и спросила: “О, извините, это ваше такси?”, а он ответил: “Да, боюсь , я вызвал его из отеля”. Как только он заговорил, я… Я узнал его. Поэтому я быстро увернулся. Как ты думаешь, он узнал тебя?

Я: “Я не знаю. Хотя сомневаюсь в этом. В конце концов, я не совсем Я из тех парней, которых можно узнать и через двадцать лет, не так ли? | “Особенно в таком наряде”.

Я ‘Молодец!’ - сказал Грей. ‘ Это была великолепная находчивость . Удача действительно на нашей стороне. Вы совершенно

уверены, что это Р. Бернстайн?'

Я уверен на все сто процентов. Он выглядит немного по-другому | без бороды, но я узнаю его голос где угодно. Немного напоминает мне любимого актера моего отца.'

- Пойдем выпьем. Ты это заслужил.

Я спросил Цвейга: "Что случилось?"

Это был абсурд. Конечно, после ужина в коттедже нам не хотелось обедать, поэтому мы не пошли в столовую, 5 иначе мы бы увидели, как они обедают. К счастью, Джозеф спустился посмотреть, нет ли почты, и услышал , как портье вызывает такси на имя Тима. Поэтому он пошел попытаться поддержать с ними разговор, а я бросился вас искать.

Гарднер стоял в холле; он окликнул: "Есть успехи?' Грей кивнул. "Это точно он". Пойдем, выпьем чего -нибудь. Мне нужно выпить.

В нашем номере много всего. Я тоже заказал сэндвичи. Этот Нойманн грубый попрошайка, не так ли? Я изо всех сил старался поддержать с ними разговор, но он практически прошел мимо меня. Все они были в приподнятом настроении. Гарднер разлил виски и сказал: "За успех". Только Цвейг остался верен победе доу не поднял свой бокал. Он заметил, что Наташа наблюдает за ним. Она подошла, протягивая тарелку с бутербродами с курицей; когда он взял один, она тихо спросила:

"Ты сожалеешь об этом?'

Цвейг улыбнулся. Из-за разговора в комнате были слышны их голоса. Он сказал:

"Я не сожалею. Я уже знал, что Густав был секретарем в Мейдстоуне".

"Вы это сделали? Как?"

Когда Гарднер подошел к ним, он спросил:

“Я расскажу тебе позже”.

Гарднер сказал: “Что ж, любовь моя, в конце концов, ты проведешь эту ночь в Лонд -Доне”.

“Почему?”

“Грей хочет вернуться, чтобы встретиться со Скотленд-Ярдом. И я возвращаюсь в Мейдстоун с Колбрайтом, посмотрим, что мне удастся раскопать”.

“А как же Тим и Нойманн?”

“Нойманн не может сейчас уехать. Грей собирается обратиться в местную полицию с заявлением в Скотленд-Ярд, если попытается сбежать. В любом случае, далеко он уйти не мог. И я не думаю, что Тиму сейчас что-то угрожает, Нойманн не осмелится.

Когда Гарднер снова уехал, она спросила:

- Разве вы не рады возвращению в Лондон?

- Да, я рад. Но… Я не могу разделить этих чувств. Он указал на остальных: Колбрайт наливал себе еще виски и весело улыбался Сэму; Грей и Гарднеры оживленно разговаривали. ‘Ваш муж находит все это волнующим. Из него получился бы отличный детектив. Что касается меня, я не могу перестать думать…’

“О Густаве?”

‘Обо всем”.

К ним подошел Сэмс.

- Профессор, я хотел бы знать, хочет ли ваша жена получить ваш автограф.

’ С удовольствием. Цвейг потянулся за своей авторучкой.

Когда он написал свое имя на розовой надушенной странице, Сэмс наклонил голову ближе.

- Есть еще кое-что. Если у нас будет время до отъезда, я бы хотел сфотографировать вас с сэром Чарльзом.

- Конечно. Но зачем?

‘ Хорошо… ты знаешь… это может оказаться полезным. Я , конечно, не стал бы им пользоваться, пока не получил бы от вас “добро”. Но когда эта история выйдет в свет, будет приятно получить сенсацию. Большая новость: Профессор Цвейг становится детективом. Это будет настоящий паб. законность, не так ли?”

Цвейг был поражен. “Но вы не должны меня неправильно понять… Я не имею к этому никакого отношения”.

‘Правда?’ Сэмс уставился на него, приподняв брови. - Это не то, что сказал мне Берт Колбрайт. Он сказал, что ты их на это натравил.

не окажешь мне небольшую услугу? Мой 1

“Да, но… это было все”.

“Все в порядке, профессор”. Сэмс подмигнул. “Немного правильной рекламы еще никому не приносило вреда. Смотри, солнце уже заходит. Давайте сделаем этот снимок, пока светло.’

Цвейг сидел на заднем сиденье между Наташей и Греем. Сэмс и Колбрайт сидели рядом с водителем. Оба были в веселом настроении и громко разговаривали, передавая друг другу бутылку виски. Цвейг был рад, что Наташа тепло прижалась к нему - они спали на одном дорожном пледе, - но был не в настроении разговаривать. Он также держал руки поверх пледа, понимаете Он думал, что, если он наденет их, Наташа возьмет его за руку; его нежелание было вызвано не чувством вины перед Гардером или Греем, а более сложной эмоцией.

Она сказала: “Ты очень тихий’.

“Я думаю о своей книге”. - Он извинился, потому что знал, что Грей слушает.

Грей спросил: “Чем ты будешь заниматься сегодня вечером?”

“Очень мало. Наверное, поужинаешь в клубе, а потом ляжешь спать. А ты?’

- Я собираюсь встретиться с Блейдоном в Скотленд-Ярде, как только мы приедем. Он из Интерпола.

Когда они проезжали Челмсфорд, Сэмс спал. Гарднер включил радио; зазвучала музыка Вагнера. Она почувствовала, как Цвейг напрягся, и подняла глаза.

- Тебе не нравится Вагнер?

- Напротив… он был моим любимым композитором.

‘ Моим тоже. Это “Золото Рейна”, не так ли?

Оркестр в полном составе заиграл “Грозу”, достигнув кульминации, заставив радио затрещать. Гарднер бросил через плечо::

- На самом деле, он мне не по вкусу. Слишком шумный и немногословный человек… простите, что я так говорю, профессор.

- Вовсе нет. Я австриец.’

Они слушали в тишине, пока диктор не сказал: “Этот отрывок из последнего акта оперы Вагнера ”Золото Рейна” был записан в Байройте в прошлом году…”, - сказал Гарднер:

“Я думаю, у всех есть вагнеровский период. Когда мне было восемнадцать, он мне нравился.

Наташа сказала: “Он мне все еще нравится”. Она посмотрела на Цвейга, словно надеясь, что он поддержит ее вкус. Он смотрел мимо нее, в темноту. Когда он заговорил, казалось, что он их не слышал.

- У нас было общество в Геттингене - общество Ницше - в 1910. Полдюжины из нас обычно встречались и говорили о супер человек. У нас были фортепианные партитуры всех опер Вагнера, и мы с Алоизом обычно начинали встречу с того, что исполняли фрагменты Вагнера фортепианным дуэтом…

“Я и не знал, что вы умеете играть на пианино”.

“Я не играл много лет”. Колбрайт резко фыркнул денли удивленно уставился на них, затем снова закрыл глаза и положил голову Сэму на плечо. “Нашим любимым произведением была музыка шторма из ”Золота Рейна””.

‘Ничто не сравнится со стариной Гилбертом и Салливаном”, - сказал Сэмс. Он начал петь: “О, меня зовут Джон Веллингтон Уэллс…’ Он отбивал такт пустой бутылкой из-под виски. Цвейг чувствовал Рука Наташи скользит по одеялу и берет его за руку. Колбрайт тихонько похрапывал.

Цвейг позвонил сторожу перед тем, как они покинули отель; когда он вернулся домой, в кабинете и гостиной был зажжен свет. Гарднер высадил его в конце Кларджес-стрит в половине восьмого.

Он бросил пальто на диван, налил себе шерри и уселся перед камином. Квартира показалась ему какой-то другой, более тихой и пустой, чем он помнил. Он с сожалением подумал о Наташе Гарднер. Он знал, что Гарднер обычно отвозил Сэмс обратно в Мейдстон и что она ожидала , что он позвонит ей и проведет с ней вечер. У него были все риди решил этого не делать. Это было не потому, что он больше не беспокоился о том, что Гарднер может испытывать ревность; последние два дня убедили его в том, что это вполне вероятно. Это был страх оказаться втянутым во что-то, что может привести в никуда. Его беспокоила растущая зависимость от нее, и его попытки быть до конца честным с самим собой не внушали оптимизма. Это правда, что он не испытывал к ней физического влечения, но было бы столь же

абсурдно притворяться, что в основе его чувства к ней не было секса. Нойманн говорил о

‘платоническая дружба” подразумевала, что она хотела запечатлеть Цвейга, чтобы он красовался на ее званых обедах. Он больше не верил в это; по какой—то причине — он мог только догадываться об этом - она была так же увлечена им, как и он ею. Но это ни к чему не привело ; он был слишком стар, чтобы стать ее любовником, и слишком боялся , что ему причинят боль; и не могло быть и речи о том, чтобы Наташа ушла от мужа. Каждый аспект их отношений ставил его в тупик. И все же он по-прежнему ощущал тепло ее тела и прикосновение ее руки к своей, и у него возникло искушение снять телефонную трубку и набрать ее номер.

Он допил остатки шерри, надел пальто и вышел. На полпути вниз по лестнице зазвонил телефон ; он помедлил, полуобернулся, затем поспешил вниз по лестнице. У двери он сказал швейцару: “Если кто-нибудь позвонит, я буду в клубе”.

Оказавшись внутри, он почувствовал себя лучше. Члены клуба махали ему и кивали. Он направился прямиком в столовую и заказал еще хереса. Метрдотель сказал: ‘Приятно видеть вас снова, профессор’.

“Приятно вернуться’.

Внезапно он почувствовал себя счастливее. За едой он решил выпить воды Perrier, но теперь передумал и заказал полбутылки хока.

‘Сегодня я могу порекомендовать лосося, сэр”.

‘Хорошо. Тогда я буду лосося. С маслом из анчоусов’.

Потягивая шерри, он оглядывал столовую и размышлял о том, что

жизнь мужчины без женщины не так сложна. Последние три дня теперь казались какими-то туманными, как будто они произошли много недель назад. Его рукопись называлась “подожди”. дома, все еще в чемодане; он возвращался и несколько часов работал, прежде чем лечь спать, вынимая телефон из чехла на случай, если позвонит Наташа. Глава , посвященная полному значению естественной точки зрения… Он щелкнул пальцами, подзывая проходившего мимо официанта. ‘ Еще хереса, пожалуйста.

Он не рассчитывал на наличные. В половине десятого он взял кофе и последний номер журнала “Философик куотерли” в курительной и обнаружил, что его любимое кресло пустует. Он дочитал до середины статью о Тейяре де Шардене, но обнаружил, что его внимание скользит по предложениям, отказываясь воспринимать их абстрактную сложность. Он закрыл глаза , чтобы обдумать особенно сложное утверждение, и заснул.

i6, 5

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

Разбудивший его голос говорил: ‘Извините меня. Профессор. Вы уронили журнал. Он попытался вспомнить, где видел этого человека раньше. Что-то в узком лице навело его на мысль о неприятностях. Он взял журнал со словами: “Это так любезно с вашей стороны…”

“Стаффорд-Мортон. Помните меня?’

“Конечно”.

“Вы не возражаете, если я перекинусь с вами парой слов?’

Цвейг сел и протер очки, пытаясь прогнать сон. Он спросил::

“Вы работаете в этом заведении?”

‘Нет. Я ужинал с коллегой. Но я догадался, что найду вас здесь. Сэр Чарльз Грей позвонил мне несколько часов назад.

Цвейг сухо ответил: “Понятно”. Теперь, когда он полностью проснулся, он чувствовал себя менее уязвимым.

‘Грей сказал мне, что я, возможно, смогу вам помочь - что вы

хотите обратиться к какому-нибудь психологическому журналу?”

‘В этом нет необходимости. Вероятно, я смогу найти его в Британском музее’.

“Это возможно, но не уверен. Что это был за журнал?’

‘Сборник по криминальной психологии за 1937 год и 1938.’

- В таком случае, я могу вам помочь. У меня все есть.

Именно в этот момент Цвейг вспомнил слова Грея о том , что Стаффордшторф считал его самым важным из ныне живущих философов. Эта мысль заставила его вспыхнуть сказал, что чувствует себя виноватым из-за их последней встречи. - Сказал он, улыбаясь:

- Чрезвычайно любезно с вашей стороны сделать это предложение. Мне не хотелось бы причинять вам неудобства.

- Это было бы для меня большим удовольствием, профессор.

Цвейг сказал: “Могу я вам что-нибудь предложить? Кофе? Бренди?’

- Нет, спасибо. У меня там есть несколько. Я просто зашел поговорить с вами. - Он посмотрел на часы. - Не знаю , захотите ли вы посмотреть на них сегодня вечером, но я собираюсь идти домой около одиннадцати. Вы могли бы взять книги с собой домой”.

“Вы живете далеко?”

“На Харли-стрит”.

“Конечно”. Харли-стрит была удобно расположена, и идея была привлекательной. “В таком случае, я бы очень хотел

вернусь с тобой.’

- Великолепно. Стаффорд-Мортон встал. - Тогда мы отправимся через четверть часа.’

Никто из них не произнес ни слова, пока машина не свернула на Риджент-стрит. Затем Стаффорд-Мортон сказал:

- Грей сказал мне, что произошли некоторые неожиданные изменения улучшения?’

- Он объяснил, что это такое?

- Он сказал, что вы нашли Ноймана.

‘Да”.

‘Вы действительно разговаривали с ним?”

“Да. Мы вместе пообедали”.

“И вы все еще думаете, что он может быть убийцей?”

Цвейгу пришлось приложить усилия, чтобы не обидеться на эти вопросы. Что-то в “сухом моряке” Стаффорда-Мортона раздражало его. Это правда, что он напоминал ему профессора истории в Санта-Барбаре, который был ответственен за некоторые неудобства в академической жизни Цвейга, но этого было недостаточно, чтобы объяснить это. Он сказал::

“Кажется, он сильно изменился с тех пор, как я его знал, - в худшую сторону. Но есть одна вещь, которую вы должны понять. Я никогда не хотел верить, что он убийца”.

‘Нет, конечно. И, возможно, я сам должен вам кое -что объяснить. Я вполне могу понять, почему ты должен был чувствовать себя немного … э-э-э… раздражение, вызванное мной тем утром. Но на самом деле я был не так уж своеволен, как, возможно, казалось. Что я действительно хотел знать, так это почему вы решили, что Нойманн способен… э-э-э… сделать карьеру убийцы. От чего, сэр Чарльз сказал мне, что вы, похоже, считали, что он стал убийцей из-за какой-то теории. Мой личный опыт подсказывает, что никто никогда не убивает из-за какой-то теории.

‘Я согласен. И, боюсь, все, что я могу предложить сейчас, - это

другая теория”.

“Не будет ли невежливо спросить, что это за теория?’

‘Позвольте сначала задать вам вопрос. Вы когда-нибудь слышали о том, чтобы кто-то использовал гипноз, чтобы заставить кого-то совершить преступление?”

“Э-э… да. Полагаю, что так.”

“Вы верите, что человека можно заставить что-то сделать

под гипнозом, чего бы он не сделал в своем полном сознании?”

‘Нет. Не думаю’

Каким-то образом Цвейг знал, что это будет его ответом.

“Читали ли вы какие-либо статьи Густава Ноймана в журнале “Криминальная психология”, которые появились в 1937 ?’

- Нет. Я и не знал, что он когда-либо их писал. На самом деле, я купил переплетенный сборник “Рукописей”, когда один из коллег лиги умер, и я не очень внимательно его изучал. О чем они?

“Преступление и гипноз. Он утверждает, что с помощью гипноза можно получить полную власть над людьми, даже над теми, кто этого не желает

“.

‘О, я много слышал об этой теории. Мой коллега опубликовал статью об этом в журнале “Аномал”. Психологию в 1939 году, и я присоединился к полемике. У него была коробка с ядовитой змеей и стеклянной перегородкой. Предполагалось , что перегородка должна быть совершенно невидимой, и загипнотизированным испытуемым предлагалось засунуть руки в

коробку. Некоторые из них сделали, как им было сказано, и, конечно же, были остановлены стеклянной стеной. Итак, мой коллега утверждал, что загипнотизированного человека можно заставить совершить действие, которое может поставить под угрозу его жизнь'

'Вы не согласились?'

'Нет. Я уверен, что загипнотизированный человек каким-то образом знал , что в ящике есть стеклянная стена. Возможно, чувства человека под гипнозом острее, чем наяву. Это может быть что-то еще более тонкое, своего рода детская вера в гипнотизера, готовность возложить на него свою моральную ответственность. Например, они провели эксперимент, в ходе которого загипнотизированному человеку было приказано швырнуть кому-нибудь в лицо колбу с купоросом. Опять же, там была невидимая стеклянная стена , предотвращающая нанесение какого-либо ущерба…

"А плеснул ли испытуемый кислотой?"

'О, да'.

"Но разве это не доказывает, что человека можно заставить совершить преступное деяние под гипнозом?"

"Нет. Потому что, опять же, я полагаю, что субъект каким-то образом знал, что это не причинит вреда. Вот если бы гипнотизер сказал:

"Выйди на улицу и убей первого встречного" , субъект, вероятно, немедленно проснулся бы. Лаборатория ораторские способности каким-то образом искажают все это".

'Понятно".

Машина остановилась на Харли-стрит. До того, как они вышли,

Стаффорд-Мортон сказал:

- Еще один вопрос. Откуда берется вопрос о гипнозе ? Вы же не думаете, что кто-то загипнотизировал Ноймана, заставив его убивать людей?'

' Нет. Но мне было интересно, может ли он загипнотизировать человека и заставить его общаться готовлюсь к самоубийству.

Стаффорд-Мортон расхохотался.

- Это совершенно невозможно, моя дорогая… Профессор. Совсем как я возможно.'

Он заговорил снова, когда они снимали пальто в прихожей.

- Потому что это действительно было бы последней проверкой власти над человеком, не так ли? На самом деле никто не хочет умирать. Большинство самоубийц настолько сбиты с толку, что не знают, чего хотят. Это ваша теория о том, как Нойман убивал стариков?

Цвейг изо всех сил старался, чтобы его голос не звучал раздраженно.

"Это не моя теория. Пожалуйста, поймите, что…"

"Мне ужасно жаль. Не думайте, что я пытаюсь быть саркастичным. …'

- В комнате Густава Ноймана мы случайно обнаружили несколько книг на тему преступности и гипноза. Я также видел его статьи в "Монатшрифт". И в одной из них он утверждает , что главарь шведской банды загипнотизировал человека, заставив его застрелиться.

Стаффорд-Мортон дипломатично заметил::

'Что ж, давайте взглянем на статью".

Его комната показалась Цвейгу типичным холостяцким жилищем. Она была достаточно опрятной, но совершенно безрадостной. Стены от пола до потолка были заставлены книгами. Темно-синий ковер плохо сочетался с коричневым ковром и красноватыми креслами.

'Рукопись вон там, наверху". Бренди?

“Очень маленький, пожалуйста”.

Он взял один из томов в сером матерчатом переплете и быстро нашел нужную статью. Он сказал:

“Вот отрывок, о котором идет речь”.

“Понятно. Спасибо’.

Пока Стаффорд-Мортон читал статью, Цвейг записал

просмотрел сводный индекс и заглянул в раздел “Нейман”. В списке было четыре статьи, первая из которых была опубликована в 1935 году. Она была посвящена использованию допинга американской полицией.

Стаффорд-Мортон с улыбкой оторвал взгляд от книги.

- Если Нойманн действительно окажется убийцей, он станет уникальным человеком в анналах криминалистики. Я не могу вспомнить ни одного другого убийцу, который писал бы статьи для официального журнала по криминальной психологии.

Цвейг неопределенно ответил: “Надеюсь, вы правы”. Он достал том за 1935 год и нашел статью. Прежде чем приступить к чтению, он открыл последнюю страницу журнала и просмотрел заметки об авторах. Статья о Неймане гласила:: “Густав Нейман, сын известного нейрохирурга, который часто публиковался на этих страницах, родился в 1911 году и получил образование в Гейдельберге. С 1932 года он живет в Швейцарии. В настоящее время он сотрудничает со своим отцом, Алоизом Нейманом, над третьим томом “Физиологии мозга”.

Стаффорд-Мортон сказал: “Честно говоря, я терпеть не могу его стиль. Таким высказываниям не место в научной статье: “ Вопрос о человеческой воле и природе ее зависимости от мозга был проигнорирован психологами-фрейдистами. Почему это странное молчание?” - медленно прочитал он, переводя по ходу дела. ‘Я

спрашиваю вас, это предложение вы ожидали бы найти в заслуживающей доверия статье?”

“Только не в Англии”, - сказал Цвейг.

“Или где-нибудь еще. И послушайте это. “Проблема в том, чтобы отделить волю от рефлексов привычки”. Что, черт возьми, он имеет в виду?”

Он продолжал читать молча, время от времени хмыкая, что свидетельствовало о его недовольстве. соглашение. В какой-то момент он сказал: “Видите ли, он пишет как философ, а не как ученый. Но в таком случае, почему бы ему не опубликоваться в философском журнале?”

Цвейг все еще читал, когда Стаффорд-Мортон закончил.

“Что вы читаете?”

‘Статью об использовании наркотиков правды. Думаю, я понимаю, что он имеет в виду, говоря об отделении воли от рефлексов.

‘В таком случае, я был бы рад, если бы вы объяснили мне это’. Но по манере Стаффорд-Мортона было ясно, что эту просьбу не следует воспринимать всерьез.

Цвейг сказал: “Вы найдете еще две его статьи, перечисленные в указателе.’

• Он продолжил чтение. Мгновение спустя Стаффорд-Мортон раздраженно сказал: ‘Я же вам говорил. Здесь есть статья о философии Ницше, примененной к психологии. Действительно! Эти Немецкие публикации!’

Цвейг ничего не ответил. Десять минут спустя, когда Стаффорд-Мортон закончил читать статью о наркотиках правды , он был поглощен чтением. Цвейг спросил, улыбаясь::

“Вам это интересно?”

„Я прошу вашего… о, э-э, да. Конечно, это совершенно невозможно. Но у него интересный склад ума, у этого вашего протеже. В этом -то и проблема. Он не обращает на это внимания.“Стаффорд-Мортон” положил томик себе на колено. ‘Когда я был подростком, у меня были подобные идеи…”

“О Ницше?”

‘Не совсем. О новой основе психологии - объяснении неврозов в социальных и исторических терминах. В этой главе предполагается , что невроз является результатом христианской морали”. Он сухо усмехнулся. - Неплохая идея.

- Нет? ’ удивился Цвейг.

- Нет ничего более раздражающего, чем некоторые из этих самоотверженных пациентов, которые, кажется, не считают, что у них есть право на выздоровление. У меня был такой только вчера. Мне пришлось сказать ей: “К черту твою семью, к черту твои обязанности. Будь абсолютной эгоисткой, пока не станешь лучше”.

’Значит, ты согласна с Густавом Нейманом?”

‘Нет! Ни в коем случае! Он доводит это до абсурда. Но в нем что-то есть. Он цитирует Ницше о том, что Кристиан - самый инфантильный и отсталый человек своего времени. Он говорит: “Поскольку христианин по натуре страдалец, состояния счастья и умиротворения заставляют его чувствовать себя некомфортно”. В этом есть многое. Я знал пациентов, которые чувствовали бы себя виноватыми из-за того, что были по-настоящему счастливы. Поэтому их практически невозможно вылечить. Но ваш друг идет дальше этого. Он, кажется , считает, что религия - причина всех современных бед. Он говорит, что религиозный человек не решается взглянуть в лицо своей способности к величию, поэтому он отгораживается от нее и становится раздвоенным человеком.

Я имею в виду, послушайте это предложение: “Они предпочитают верить, что поведение возвышенных людей - пророка, поэта, великого преступника — доказывает, что ими овладела сила , превосходящая их самих. Они не осмеливаются смириться с мыслью, что они - высшая сила”. А вы когда-нибудь слышали что-нибудь подобное?-

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

вещь настолько бессмысленная. Начнем с того, что это все о поэте и великом преступно—подростковом романтизме. .

“Можно мне взглянуть на это?” - Цвейг не смог скрыть восхищения , когда потянулся за книгой. Стаффорд-Мортон с любопытством взглянул на него. Цвейг несколько минут молча читал, затем сказал:

“Это выходит за рамки всего, что он мне говорил”.

‘В каком смысле?’

“Это оправдание преступления”.

- О, я бы так не сказал.

Цвейг сказал: “Да, ошибки быть не может”.

“Еще немного бренди?’

‘Нет, спасибо. Если вы меня простите, я предпочел бы пойти домой. Я чувствую себя очень уставшим”.

“Конечно. Я вызову такси”.

После того, как Стаффорд-Мортон положил трубку, Цвейг спросил

‘Можно ли мне взять эти тома?’

‘Но, конечно. Храните их столько, сколько захотите”.

“Спасибо”. Цвейгу было трудно просить об одолжении Стаффорд-Мортона; ему было трудно смириться с сухостью, которая, казалось, всегда граничила с сарказмом . - Они мне долго не понадобятся.

Стаффорд-Мортон налил себе еще бренди.

- Возможно, вы, конечно, правы - у них может быть какая-то связь. в соответствии с этим делом. Но я в этом сомневаюсь. На мой

взгляд, это выглядит слишком хорошо, чтобы быть правдой….”

Цвейг внезапно спросил: “У вас был какой-нибудь опыт применения скополамина?”

‘Скополамин? Яд, не так ли?”

‘Алкалоидный яд. В небольших дозах его можно использовать как наркотик правды. Он вызывает угнетение центральной нервной системы’. “Где вы так много узнали об этом?”

Цвейг указал на том “Рукописи”.

Это цитата из статьи Неймана. Он утверждает, что ее можно использовать вместе с морфием, чтобы вызвать сумеречное состояние сознания, когда субъект становится неспособным лгать. Он указывает, что в этом состоянии субъект также аномально чувствителен к внушению - точно так же, как под гипнозом/

Мортон нахмурился. - Я… понимаю. Встречается ли это в природе - я имею в виду, на любом растении?

IJ2

НЕОБХОДИМОЕ СОМНЕНИЕ

Уэса. В Datura stramonium, терновнике или дурмане

“.

Мортон ничего не ответил: он раздвинул занавески и выглянул в окно. Через мгновение он сказал::

- А вот и ваше такси.

- Спасибо.

Мортон положил на стол три тома “Рукописей”. Затем он сказал:

- Я могу с таким же успехом признаться в этом… Я не уверен, что и думать. То, что вы предлагаете, так же фантастично, как старые истории о Свенгали и Месмер - убийство с помощью гипноза, наркотиков и прочего…

Цвейг прервал его: “Я не предлагаю ничего подобного. Я только хочу рассмотреть доказательства’.

Мортон неожиданно улыбнулся. Он взял в руки три тома “Рукописи”, когда зазвонил его телефон.

- Хорошо. Что ж, возьмите это домой и внимательно ознакомьтесь с доказательствами. Дайте мне подумать.’ Он поднял трубку, сказал: “Хорошо, спасибо” и положил ее на место. “Все, что я пытаюсь сказать, это следующее: если вы когда-нибудь приведете Ноймана в зал суда, от этих теорий будет больше неприятностей, чем пользы. Судья поднял бы их на смех во время судебного заседания”. Цвейг последовал за ним вниз по лестнице. Он видел, что Мортон встревожен, и это доставляло ему удовольствие. Он небрежно заметил::

“Я помню, Густав был отличным химиком. Он выделял атропин из паслена и использовал его в экспериментах на крысах…

- Боже мой! - Цвейг был рад, что Мортон стоит перед ним, и не мог видеть его улыбки.

Цвейг забрался в такси; Мортон положил книги на сиденье рядом с ним.

- Спасибо, что одолжили книги. И за ваше гостеприимство’

- Очень приятно… - Мортон покачал головой. ‘Это все очень интересно, но … доказательств недостаточно для вынесения обвинительного приговора’.

- Может быть, я не хочу, чтобы его осудили.’ Сказал Цвейг. Он отвернулся и дал водителю адрес, чтобы не видеть Поразило лицо Мортона. Он помахал рукой, когда такси отъехало. Мортон смотрел ему вслед.

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

Усталость исчезла, когда он вернулся домой. Было уже далеко за

полночь. У него возникло искушение позвонить Грею, но он передумал еще раз в 8: * Грей, вероятно, будет дома!. Он накинул электрическое одеяло, затем налил себе бренди. Огонь был Вышел , поэтому разжег камин в спальне и сел перед ним, читая статью Неймана о наркотиках правды. Через десять минут необходимость поговорить с кем-нибудь заставила его поднять трубку телефона

rXl ^ ^ Clde< ? набрать номер Наташи; если после двух гудков ответа не последовало, значит, она, вероятно, спала, и он повесил трубку. Но после того, как гудки продолжались несколько секунд, он был ошеломлен тяжестью своего разочарования назначенная встреча, и ему пришлось заставить себя положить трубку. Он вернулся в спальню и допил остатки виски. Затем налил себе еще. Его разум был подобен микроскопу, который слегка не в фокусе; проблема , поднятая в статье Manatschrift, была размытой, и я не понимал ее. Я мог бы сделать ее очертания более четкими. В голове у него зазвучала музыкальная тема, и он вдруг засвистел ее: шесть нот мелодии грозы из 'Золота Рейна'. На мгновение мысленная картина прояснилась, затем снова затуманилась. Он открыл том "Рукописи" за 1936 год и обратился к Статья Неймана о психологии общения. Открытое предложение гласило: 'Акт самоубийства - это протест против ограничений? самоубийца рассматривает жизнь как тюрьму.' Он вернулся в комнату. Подошел и открыл свой чемодан; он взял ману - и положил 11! Я вернулся через 5 минут в спальню.,

последний этап ? CS - Третий этап , завершенный с

в настоящее время , в мире , по сути, является

Последним этапом, в котором я участвую.? Он сказал вслух: "Поразительно".

в постели было 7 ночей, он был весь в дерьме, пока не остановился, уставившись на дверь спальни, наслаждаясь ее нерешительностью и

Нжл, дд: "Когда я услышал его звонок, значит, он был дома »"*•

"Хорошо, я рад, что ты еще не спишь".

Моя дорогая Наташа. Что ты здесь делаешь?"

• Вопрос по дороге домой. Ваш швейцар не хотел меня пускать.

а если бы моя знакомая была одной из местных дам’

Где ваш муж?’

*74

НЕОБХОДИМЫЕ СОМНЕНИЯ.

“В Мейдстоуне. Я ужинала с его тетей - ужасной старухой. Полчаса назад я пыталась дозвониться до вас , но никто не отвечал”.

“Я пыталась дозвониться до вас”.

“Хорошо”. Она бросила свою леопардовую шубу на кресло; на ней было черное платье, плотно облегающее горло. Он подумал, что ее лицо выглядит бледным и усталым. - Я дошел до конца вашей улицы и не смог удержаться, чтобы не посмотреть, не вернулись ли вы уже домой. Где ты был?’

Рассказывая ей, он понимал, что никто из них его не слушает прислушиваясь к тому, что сказал другой. Этот разговор был своего рода алиби, как будто за дверью кто-то подслушивал; он хотел, чтобы она пришла, а она хотела быть здесь, и они оба это знали.

- Здесь холодно. Можно мне немного бренди?

Когда он наливал ей выпить, она заглянула в спальню.

- О, у вас газовый камин. Давайте зайдем сюда. Он улыбнулся, и она сказала: “Кажется, мы проводим большую часть времени в спальне друг друга”. Она вытащила его подушку и прислонила ее к спинке кровати, а затем свернулась калачиком , подобрав под себя ноги. Цвейг вернулся в свое кресло. Она указала на книги: ‘Что вы читаете?’

“В них есть статьи Густава. Я только что обнаружила совпадение”. Он показал ей фразу о самоубийстве, затем свою собственную фразу: “Восприятие человеком мира - это, в основном , ощущение ограниченности”. Она закурила сигарету.

“Я не совсем понимаю, что в этом такого замечательного. Просто сходство формулировок”.

- Нет, нет. Все гораздо серьезнее. Именно это мы оба и пытаемся сказать. Я разговаривал с этим человеком, Мортоном… он не понимает’ Он встал и прошелся взад-вперед по комнате. - Видите ли, это не что иное, как чувство, интуиция. Я чувствую, что вот-вот увижу что-то важное … но не могу объяснить, что именно. Это связано с идеей ограниченности. Естественная точка зрения…

’ Что?

Он не ответил, глядя себе под ноги, пока медленно шел. Она наблюдала за ним, ожидая. Он насвистывал на ходу, и она сказала: “Золото Рейна”’ Он удивленно посмотрел на нее. - Ты снова насвистываешь мелодию из “Золота Рейна”.

- Да. Она засела у меня в голове. Он провел пальцами по своему

волосы. - Я начал рассказывать вам сегодня днем… о нашем кружке. Раньше мы часами говорили о сверхчеловеке, о свободе человека… И теперь эти статьи Густава заставляют меня задуматься. Она ждала, не делая попыток поторопить его, хотя он и понимал это.что она не смогла его понять. Он сказал, что бывший убедительно: “Видите ли, мы действительно чувствовали потребность в свободе. Это была настоящая проблема, а не просто слова. Теперь мне становится почти стыдно за эти статьи Густава. Потому что он тоже это чувствует. Это есть’ Он постучал по книге костяшками пальцев. Он сказал, пожимая плечами: “Я стал стариком. Я уже и забыла , каково это - чувствовать потребность в свободе, как зубную боль.

Она мягко сказала: ‘Чепуха’.

- Нет. Но… в этом есть что-то, что ускользает от меня. Густав. Там есть… ключ.’ Он щелкнул пальцами. - Это есть в этих статьях.

Самоубийство. Это одна из проблем. Он спрашивает: “Почему люди совершают самоубийства?” Он цитирует одно из моих эссе: “Самоубийство - это крайняя степень абсурдности человеческого существования, как миллионер , который убивает себя, потому что боится умереть от голода”. Ты видишь? Я часто рассказывал своим студентам историю о нашем деревенском проповеднике. Он любил начинать свои проповеди с рассказа о том , что на небесах миллионы душ хотят родиться на земле - миллионы душ ждут своего часа.в очереди за возможностью способность принимать человеческое тело. К сожалению, на каждый миллион душ приходится только одно тело, поэтому большинству из них приходится продолжать ждать, и ждать, и ждать. Иногда им приходится ждать миллион лет. И именно поэтому дети всегда так рады тому, что они живы, - они все еще помнят, как долго им пришлось ждать своего рождения. Потом они вырастают, и им становится скучно и они не удовлетворены. … Ты видишь? Наш проповедник - доктор Эйхбаум - часто говорил нам, что мы должны быть более благодарны за то, что живы. Ты видишь? Поэтому я часто говорил своим студентам, что самоубийство - это абсолютный абсурд: душа, простоявшая в очереди миллионы лет, приходит в такое замешательство, что воображает, будто хочет сбежать. Самоубийца взвешивает свою жизнь и решает, что жить не стоит. Но подумайте об абсурде! Большинство из этих людей не могут даже сложить столбик цифр, и все же они воображают, что могут подвести итог всей жизни. И в этом, как я бы объяснил, заключается суть философии. Это и есть философия - попытка создать гигантскую арифмометрическую машину, которая обобщит все человеческое существование. Вы спрашиваете машину: “Стоит ли жить?” А затем вводите свои данные - все человеческие радости и страдания - и

эти миллионы лет ожидания тела. … - Под ногами Цвейга что-то зашуршало. Он удивленно посмотрел вниз. приз. Наташа спросила: “Что это?” Цвейг ответил: “Ах, я не даю спать своим соседям, расхаживая взад-вперед. Я должен говорить тише. Они стучат в потолок”. Он скинул ботинки и сел в кресло.

Она сказала: “Вы должны все это записать”.

“Да, конечно”‘ Его тон был сухим, почти нетерпеливым. “Я напишу об этом в своей книге о Хайдеггере”. Но меня беспокоит не это . Я пытаюсь думать… о главном в работе Густава. Он помолчал, глядя на газовый камин.

- Я не совсем понимаю. Наверняка эти статьи подтверждают то, что вы подозревали? Он пишет о самоубийствах и о гипнозе. …’

Он хмыкнул, качая головой.

’ Нет, ты не понимаешь!

’ Нет?

Он встал и снова принялся расхаживать взад-вперед. Рассеянно он просвистел шесть нот Грома мотив бури. Затем он спросил: “Почему Алоиз Нейман покончил с собой?”

Она уставилась на него. ‘Почему?’

“Другие - да. Он мог убить остальных. Но почему его собственный отец?’

“Предположим, его отец узнал? Он мог покончить с собой от отчаяния?

- Нет. Алоис был не таким человеком.

- Тогда предположим, что Густав убил его… потому что он слишком много знал?

‘ Нет. Это тоже невозможно. Алоиз никогда бы не выдал своего сына полиции….

- И что тогда?.. - Она смотрела, как он возвращается к окну, заложив руки за спину, с хмурым выражением на лице. Он повернулся и указал на томик книги. Блокнот рядом с кроватью.

“Ответ там. Я в этом уверен’.

“Ты уверен? Я имею в виду, ты уверен, что это не отвлекающий маневр? Джозеф так считает”’

‘Нет. Он намеренно оставил книги там, чтобы я их нашел. Но, возможно, он надеялся, что я внимательно прочту их — и пойму.’

Снова послышался стук по полу. Цвейг сказал: ‘Ах, Я забыл. Эти старые полы скрипят, и я не даю им уснуть. Пойдем в другую комнату. - Она молча встала и вышла, как была, в одних чулках. Заседание-в комнате было холодно. Он включил огонь в камине и осторожно прикрыл за собой дверь спальни. Наташа прошла в его кабинет и включила свет. ‘ *

- Так вот где вы работаете. - Она порылась в книжном шкафу и достала какую-то книгу. Она сказала: - Здесь ужасно пыльно. У вас что, нет уборщицы?

‘Да’.

Значит, она не очень хорошо себя чувствует. Я приду и вытру пыль вместо вас завтра’. Альбом с фотографиями лежал на письменном столе. Она села и открыла его.

‘Кто это?’

“Это была моя жена”.

Ой… Мне жаль. Она очень привлекательна”.

Цвейг подошел и встал у нее за спиной, склонившись над ней. Он открыл альбом и достал фотографию , на которой были изображены Алоис Нойманн и Вальтер Бенскин. Он положил фотографию перед ней.

Я говорил вам сегодня днем, что уже знал, что Густав был секретарем по делу Мейдстоуна. Вот причина’ Он ткнул пальцем в фотографию. Этот старик‘ сидящий

}? Нейман из АО - это Уолтер Бенскин, человек, который был убит.

Она уставилась на фотографию. “Как давно вы знаете?”

“С Рождества’.

“Но почему вы не сказали Грею?”

Он пожал плечами. - Почему? Я не уверен. Возможно, потому, что внезапно почувствовал, что предаю не только Густава, но и Алоиза….

Но я не понимаю. Если вы не хотите, чтобы его поймали, тогда зачем вы приехали похоронить Сент-Эдмундса?”

Неправда, что я не хочу, чтобы его поймали. Я чувствовал тогда то же, что чувствую сейчас. Это не простое дело об убийстве. Я надеялся на возможность поговорить с Густавом наедине, чтобы узнать правду.

И у тебя была такая возможность.

- Да, - и он поступил со мной как с предателем. Возможно, я заслужил это

- Но вы хотите сказать, что хотите, чтобы он сбежал, даже если он убийца? ,

- Нет. Я только хочу понять.

Она внезапно встала и посмотрела ему в лицо. Она сказала тихо: “Конечно’.

- Здесь холодно. Вернитесь в другую комнату. Огонь в камине почти не повлиял на температуру в гостиной. Она поежилась, сидя в кресле. Цвейг сходил в ванную и вернулся с зеленым егерским халатом.

- Надень это.

- Спасибо.

Он присел на подлокотник ее кресла.

- Кажется, я решил, что должен сделать. Завтра я сяду на поезд до

Бери-Сент-Эдмундс и повидаюсь с Густавом.

’ Это хорошая идея?

- Я не знаю. Но я должна с ним поговорить’

- О чем?

Он улыбнулся ей.- О самоубийстве’

- Ты же не имеешь в виду… - Она уставилась на него. ‘… Вы же не хотите, чтобы он покончил с собой?”

“Боже мой, нет! Вы думаете, я должна предложить ему револьвер, как офицеру, которого поймали на шулерстве в карты?’

Она сказала: “Ну, до этого может дойти’.

‘Нет! Послушай”. Он пошел в спальню и вернулся с рукописью. Он присел на подлокотник ее кресла, чтобы найти нужное место. “Послушай, это похоже на то, что пишет человек, который готов покончить с собой?’ Он прочитал вслух: ‘Несмотря на неприятную несс, в самоубийстве есть что-то смешное. Как оценка жизни, в этом есть что-то от ревуна-школьника.’ Он закрыл книгу. - Это последнее предложение его статьи. Он написал ее после того, как его отец покончил с собой.

Она уставилась на него в ответ. ‘Это невероятно. Это…’

‘Да?’

“Я хотела сказать, что это либо безумие, либо гениальность. Но Я не уверен, что это не могло быть чем-то другим - обычным сердцем. ничтожество.’

Цвейг медленно произнес: “Я не уверен, что Густав был бессердечным … Нет’.

Когда он оглянулся на нее, стоя в дверях кабинета, то увидел, что она как-то странно смотрит на него.

- В чем дело?

Она рассмеялась. - Я не уверен. Кажется, я вас не понимаю

совсем.

Он сказал, что это неважно. Он постучал пальцем по тому, на котором был написан его дневник. “Это важнее”. Он присел на подлокотник, положив руку ей на плечо, и обнял ее за плечи. Почему ты так впечатлилась?

ух! - Он сделал нервный и беспомощный жест, затем покачал головой. Если бы только я мог объяснить. Ты видишь… вот этот человек, Густав Нойманн. Он одержим идеей самоубийства, идеей насильственной смерти. Я помню, его любимым писателем был русский Андреев, который несколько раз пытался покончить с собой….’

- Ах, да. Я читал его.’

А потом появилась книга по юридической медицине, которая была страстно желал Алоиза Неймана. В этой книге много фотографий странных самоубийц, например, мужчины, который покончил с собой , забив себе в череп шестиметровый гвоздь, и женщины, которая свалила всю мебель в кучу, легла на нее и подожгла.. Густав был очарован этой книгой. Однажды он в шутку сказал , что написал бы философский трактат, иллюстрированный этими фотографиями. И, как вы знаете, он часто говорил о самоубийстве. Он угнал машину и съехал на ней с обрыва…. АХ, это. Кроме того, у него есть идея стать великим преступником. И что же теперь происходит? Спустя несколько лет он пишет эту статью, и вся эта мрачность улетучивается, почему? Говорю вам, тот Густав, которого я знал , не смог бы написать, что в самоубийстве есть свой юмористический аспект” “Я все еще не понимаю…”

- Нет. - перебил он, внезапно вставая. - А как же тогда его идея стать великим преступником, что из этого? Он торжествующе улыбнулся ей и прошелся по комнате, как будто только что высказал свою точку зрения. Она уставилась на него с непониманием. объяснение. Он сказал: “Вот видишь. Это не сходится”.

“Ты, должно быть, считаешь меня очень глупым, но… что же не сходится?”

идея самоубийства также перерастает - Да… - в ее голосе звучало сомнение.

т, н, М, Вер - мы должны подождать и посмотреть, что произойдет. Но Я хотел бы увидеть Густава завтра.

- Очень хорошо. Я отвезу тебя.

- Я мог бы поехать поездом.

- Нет. Я отвезу тебя.

‘ Хорошо. В таком случае, мы отправляемся пораньше.

“Тогда мне лучше немного поспать”. Она встала. Он начал поднимать ее пальто, когда она спросила: “Ты хочешь, чтобы я пошла домой?” ’ Он удивленно посмотрел на нее. - Если мы выезжаем рано, мне лучше остаться здесь. Вон тот диванчик подойдет.

‘ Но… а как насчет вашего мужа? Предположим, что он ждет занимаешься дома?’

- Это не так. В любом случае, он вернется только завтра. Вы беспокоитесь о своей репутации в глазах других жильцов? В таком случае, я ухожу’

‘ Нет, нет. Мы все живем раздельно, но… - Он поспешно изменил то, что собирался сказать, на: - Но я не мог позволить тебе спать на диване. Ты должна занять кровать’

‘ Я не возражаю. Она выглядит очень удобной.

Он скрыл свое волнение и смущение, взяв охапку одеял из

шкафчика в ванной и накрыв устраиваюсь спать на диване. Затем он наполнил грелку из-под кухонного крана и пустил воду, пока она не стала слишком горячей для голой руки. Когда он вернулся, она опередила его доводы, забравшись на импровизированную кровать. Она с улыбкой взяла грелку.

‘ Спокойной ночи, дорогой’

Он лежал в своей постели, уставившись в темноту. Мысль о том, что она в соседней комнате, мешала ему уснуть. Он поднял запястье и посмотрел на светящийся циферблат своих часов; было два часа. В этот момент зазвонил телефон. Какое-то время он недоверчиво прислушивался, затем сел в постели и включил свет. Когда он подошел к двери спальни, звонки прекратились. В свете лампы из спальни было видно, что Наташа стоит у стола и говорит::

‘Привет, дорогой. Чего, ради всего святого, ты хочешь? Она посмотрела на Цвейга, прикрыв трубку рукой. ‘ Это Джозеф. Похоже, он пьян.’ На ней была черная комбинация, волосы свободно ниспадали на плечи; с босыми ногами она казалась не старше десяти лет. Она сказала: “Нет, он еще не спит‘. Мы как раз собирались ложиться спать… Что? Да, я останусь здесь на ночь. Карл хочет вернуться на машине в Бери Сент-Эдмундс… Да, подождите минутку. Он сам вам скажет’ Она передала трубку Цвейгу и забралась обратно в постель. Голос Гарднера звучал невнятно, но внятно.:

‘ Привет, Карл. Я подумал, что найду Наташу там, когда от нас никто не ответил. Извините, что беспокою вас в такой час.,

но я только что нашел кое-что важное.’

- Да? - спросил я.

- Я весь вечер провел с Терри Сэмсом, разговаривал с Вари наши люди. И мы только что избавились от его старого друга… парня звали Тед Хоутон. Он был сыном садовника из Хайфилдса - это

дом, где был убит Бенскин. Он пьет здесь с одиннадцати часов. Вы меня слышите?

“Да”.

“Он рассказал мне кое-что, что повергло меня в шок. У меня сложилось впечатление, что перед смертью старина Бенскин был очень слаб и болел . Но Тед Хоутон утверждает, что он был бодр, как сверчок. Говорит, что недели две перед смертью он выглядел просто великолепно. Очевидно, он был болен, когда переехал в наш дом, но быстро поправился. Они все были поражены. Хаф тон говорит, что старик внезапно помолодел лет на тридцать.’

Цвейг сказал: “Моя любовь’.

‘ Вполне. Вы понимаете, к чему я клоню. Тим точно такой же. Так вот, этот Хоутон считает, что секретарша давала старику какой-то наркотик, потому что однажды он видел, как тот вводил что-то подкожно. Что вы думаете? По-моему, это не похоже на гипноз”.

‘Но почему садовник не сообщил об этом в полицию?”

‘О чем? Что старик выглядел здоровым? Об этом знали все”.

“О шприце для подкожных инъекций’.

- В этом ничего не было. В конце концов, старик был болен - это могла быть обычная инъекция. Послушайте, что это за история с похоронами в Сент-Эдмундсе?

Цвейг осторожно сказал: “Я не могу объяснить по телефону. Но я хотел бы откровенно поговорить с Густавом, прежде чем мы продолжим”.

‘Послушай, старина. Пожалуйста, послушай моего совета и не делай ничего подобного. Вы ведь понимаете почему, не так ли? Это дело продвигается очень хорошо. Знаете, что я думаю? Я думаю, что все дело в наркотиках. Я думаю, что у Неймана есть какой-то препарат, который оказывает потрясающее действие на настроение и вызывает потрясающий последующий эффект суицидальной депрессии. Но доказать это в суде будет чертовски сложно. Я надеюсь , аналитики Скотленд-Ярда найдут что-нибудь в этом деле. поул, который мы обнаружили. И если Тим уже страдает от его последствий, мы должны действовать очень быстро…

Конечно. Но у меня также есть свои причины, по которым я хочу увидеть

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

Густав’

‘Тогда послушай, пожалуйста, пообещай мне, что ты ничего не будешь предпринимать, пока я не вернусь завтра? Я уйду отсюда пораньше и приеду прямо к тебе”.

“Очень хорошо”.

‘Хорошо, великолепно. Могу я еще раз поговорить с Наташей?”

Цвейг сказал: “Он хочет поговорить с тобой’.

Она откинула одеяло и, пройдя через комнату, взяла телефонную трубку. Он мог видеть очертания ее ног на фоне света, падающего из спальни, и испытал прилив желания , который смутил его; это был первый раз, когда он подумал о Наташа просто как женщина. Он быстро отвел взгляд. Словно почувствовав его чувства, она потянулась и взяла его за руку , продолжая говорить.

- Хорошо, я прослежу, чтобы он не ушел раньше времени. Но я все равно не думаю, что Тим принимал наркотики. Он ненавидит наркотики, а я не заметила никаких признаков… Ну, например, блестящие глаза. Посмотрим . Мне нужно вернуться в постель. Я стою здесь в одной комбинации. Нет, я не буду обузой. Пока-пока, дорогая. Она повесила трубку и сказала: “Видишь ли, мой муж разрешил мне остаться здесь. Он тебе доверяет’.

Цвейг не мог отвести глаз от ее обнаженных плеч.

“Я бы хотела доверять самой себе”.

Она подошла к нему ближе; ее взгляд был абсолютно искренним, без тени кокетства или соблазнительности.

- Почему ты позволяешь таким вещам волновать тебя? Я знаю, что ты чувствуешь. Я знаю, почему ты пошел в свой клуб сегодня

вечером, вместо того чтобы позвонить мне. Ты мне не доверяешь, не так ли?”

Он удивленно спросил: “Что ты имеешь в виду?”

‘Ты беспокоишься. Ты знаешь меня всего три дня, и Я бесстыдно бегал за тобой. Я знаю, как работает твой мозг. Ты хочешь знать, чем все это может закончиться.

Он протянул руку и положил ей на плечи, это был защитный жест, и холод ее тела вызвал у него желание притянуть ее к себе. Его собственные ноги, без домашних тапочек, были неприятно холодными. Он тихо сказал:

Уэс, ты прав. И я до сих пор это чувствую. Почему мы сейчас здесь стоим? Почему ты здесь, а не дома? Кто -нибудь поверит, что ты не была моей любовницей?

Какое это имеет значение? Жизнь не так очевидна, как пьесы и романы. Ее пути более извилисты, чем у любого драматурга

приснившийся. Ты привыкнешь ко мне… со временем. Когда ты будешь знать меня шесть месяцев. Она рассмеялась, и он почувствовал, как ее тело задрожало под его руками. Она сказала, поддразнивая: “Ты не должен пытаться доводить все до конца. Это не сработает. Пусти все на самотек. Пусть все идет своим чередом’. Внезапно она наклонилась и поцеловала его в уголок рта, затем сказала: “Холодно”, - и вернулась в постель. Она натянула простыню до горла и посмотрела на него снизу вверх. Она сказала: “Не беспокойся обо мне. Я не разочарую тебя. - Он наклонился и поцеловал ее. Ее губы были мягкими и лежали так неподвижно, что у него возникло искушение прильнуть к ним, погрузившись в ее тепло. Он быстро выпрямился и вернулся в свою спальню, не пожелав спокойной ночи. Но , лежа в своей постели, он понял, что чувство разочарования исчезло исхудал. Теперь уже не было ничего странного в том, что она находилась в

соседней комнате. В каком-то смысле, который он не мог определить, это не имело бы никакого значения, даже если бы она лежала рядом с ним в его постели. Когда он закрыл глаза, ее тепло окутало его и погрузило в сон.

Его разбудил телефонный звонок, но, прежде чем он окончательно проснулся, он услышал ее голос, отвечающий на звонок. Через несколько минут он открыл глаза и увидел, что она стоит у его кровати с чашкой кофе. Он сел, моргая, и посмотрел на свои наручные часы. Было половина одиннадцатого. Она поморщилась и, указав в сторону другой комнаты, прошептала::

- Ваша уборщица в шоке. Я все еще расхаживала в одной рубашке, когда она вошла.'

Цвейг потер подбородок; ему было стыдно, что она видит его небритым, с заспанными глазами.

‘ Кто приготовил кофе?

- Это я.

Он взял у нее чашку и попытался растереть отяжелевшие губы. он закрыл лицо правой рукой. Она сказала:

. “Только что звонил сэр Чарльз Грей из Скотленд-Ярда. Он придет в себя через полчаса'.

“Что он хотел?”

. “Что-то насчет Интерпола. Он казался весьма довольным собой. Она закрыла дверь спальни и села в кресло. - Вы не возражаете, если я останусь здесь? Ваша уборщица смотрит на меня как на проститутку.

Цвейг смущенно сказал: “Тогда, боюсь, положение не улучшится, если вы останетесь здесь. И все же, возможно, вы могли бы

зажечь газовый камин?'

Она сидела, отвернувшись от него. Во рту у него был привкус пудры и ливера, что говорило о том, что он слишком много выпил накануне вечером. Кофе был вкусным, и , выпив его с жадностью, он почувствовал себя лучше.

- Есть какие-нибудь новости от вашего мужа?

- Пока нет. Я думаю, он скоро приедет.

В холодном свете Цвейг уже не чувствовал себя таким счастливым от ее присутствия, и ему стало не по себе при мысли о встрече с Греем и Гарднером. Вероятно , среди его знакомых не нашлось бы ни одного человека, который поверил бы, что они с Наташей провели ночь в разных постелях, - за исключением, пожалуй, Грея и ее мужа. Но даже они могли бы удивиться. …

Раздался небрежный стук в дверь спальни. Уборщица сказала:

‘Если больше ничего не нужно сделать, я пойду”.

Он поймал себя на том, что смотрит на Наташу, словно спрашивая совета. Она сказала: “У вас в кабинете вытирают пыль’.

Цвейг быстро сказал: “Нет, нет, все в порядке. Спасибо, миссис Макрей”. Дверь захлопнулась. Она рассмеялась.:

“Я так сильно вас компрометирую, что вам придется скоро на мне жениться ’.

Он спросил: “Что с вашим мужем?”

Она встала. ‘Еще кофе?” Она забрала у него чашку и вышла. Когда она вернулась через мгновение, она сказала::

“Тебе не нужна жена”.

‘Что мне нужно?”

“Наполовину жена”. Кто-то, кто будет уделять тебе много внимания, когда тебе это нужно, и оставит тебя наедине с твоим холостяцким существованием, когда тебе это не нужно”.

Он хотел серьезно спросить ее, каких привилегий мужа можно ожидать от сводной жены, но не мог придумать , как бы это сказать, чтобы это не прозвучало оскорбительно. Звонок в дверь прервал его попытки сформулировать вопрос. Он услышал голос

Гарднера::

“Они уже встали?”

На мгновение послышался шепот, затем Гарднер постучал в дверь.

“Здравствуйте, можно войти?” Доброе утро. Как дела? - Звук хлопнувшей входной двери заставил его вздрогнуть. - О, у меня что-то с головой не в порядке с этим утром. Кто эта горгона?

Наташа, смеясь, уточнила: ‘Его экономка”. Что она сказала?

“Я спросила ее, встали ли вы еще, и она спросила: ”Кто?” и Я сказал: “Профессор Цвейг и моя жена”, а она фыркнула и убежала. Странная женщина’ Он сел на другой стул. - От старости у меня немного болит голова. Я буду рад вернуться домой и приготовить одно из моих фирменных блюд от похмелья. Что происходит?

Наташа сказала: “Мы не знаем. Сэр Чарльз будет здесь через несколько минут. Я пойду умоюсь. - Она направилась в ванную. Гарднер сказал::

“О, я ужасно себя чувствую”. Как вы?

“Я тоже ужасно себя чувствую’.

‘Кто это сказал: “От похмелья нет другого лекарства , кроме смерти?” ”Кофе есть?’

‘На кухне. Давай я тебе принесу’.

‘Не волнуйся. Я принесу”. Он вышел. Цвейг выбрался из постели и накинул халат. Вошел Гарднер с двумя чашками в руках.:

- Я принес тебе еще. Кто это приготовил, Наташа? Она готовит

великолепный кофе. Вот почему я на ней женился. Надеюсь, она не доставила вам неудобств?”

‘Нет, нет, конечно, нет’.

“Вы куда-нибудь ходили вчера вечером?’

‘Не с женой. Она приехала… позже.”

“Во сколько?’

“Около часа дня”.

- Ух ты! - Цвейг не мог понять, было ли это восклицание реакцией на его ответ или приступом боли во лбу. - Она действительно отвратительна, эта девушка. Ах, так-то лучше. Он отхлебнул кофе, затем посмотрел на Цвейга с неожиданной откровенностью. - Как вы поняли, она в восторге от вас.

Цвейг спросил: “Почему?’

‘ Я не знаю. Она всегда восхищалась вашими работами. Но моя теория заключается в том, что это отцовские заморочки. Она была влюблена в своего отца… - Он замолчал, когда в двери ванной повернулся ключ . Не меняя тона, Гарднер сказал: - Я обнаружил несколько интересных вещей. Во-первых, старина Бенскин , по-видимому, был очень близок с Нейманом. Люди думали, что они отец и сын, потому что они казались такими близкими”.

Наташа спросила: “Кто вам это сказал?”

‘ Друг Сэма. Я поговорил с парой людей, которые знали, что это такое.

что-то в этом есть. Один из них был французом-полотером, который выполнял довольно большую работу в доме - он пробыл там несколько дней… ах, извините.” Он вышел, чтобы ответить на звонок в дверь. звонок; мгновение спустя он вернулся с Греем.

- Доброе утро, Карл. Только что встал? Ты выглядишь усталым. Лицо Грея выглядело таким здоровым, словно он только что вернулся с прогулки на свежем воздухе; его усы, казалось, топорщились от энергии. Он бросил свой котелок на кровать. Гарднер сказал:

“Мы оба не в себе. Не разговаривайте так громко”.

“А ты?” Жаль это слышать. Спасибо, моя дорогая. Это было сказано Наташе, когда она подавала ему кофе. - Ну, у меня был еще один сеанс с Блейдоном, и дело продвигается.

- Есть какие-нибудь новости об ампуле, которую мы нашли? - спросил Гарднер.

- Да, но ничего обнадеживающего. Он был совершенно пуст, так что у них почти ничего не было. Но им удалось приготовить очень слабый раствор из того, что в нем содержалось, и их лаборатория. человек совершенно сбит с толку. Он говорит, что единственный компонент, в котором он может поклясться , это небольшое количество одного из препаратов группы атропина…

- Что? - Цвейг аж подпрыгнул от волнения.

‘ Атропин. Вы знаете это?

Не скополамин?

- Он не знал…

- Почему вы упомянули скополамин? - перебил его Гарднер.

- Потому что я нашел статью о наркотиках правды в газете. Монетный двор …

‘… Потому что это одна из вещей, которая пришла мне в голову прошлой ночью. Во время войны я имел дело со скополамином - разведка использовала его против шпионов. И его действие похоже на то, которое описал этот французский полировщик…

“Какой французский полировщик?” Спросил Грей.

“Послушайте, давайте рассмотрим это по очереди. Ты расскажешь нам, что ты выяснил, потом я расскажу, а потом Карл сможет рассказать нам, что он нашел в Монетный двор. Все в порядке?

Грей сказал: “Очень хорошо. Мои новости не такие уж и

интересные. Я провел несколько часов с Блейдоном из Интерпола и Чессоном из уголовного розыска - пробыл там все утро. Они оба согласны с тем, что нам нужно больше доказательств, но это очень похоже на дело об убийстве. Поэтому мы проводим систематическую проверку в полиции Ментоны, Гейдельберга и Женевы - адрес, указанный в паспорте Неймана, находится в местечке под названием Гекс, в двадцати милях от Женевы. Следующее, что нужно сделать, - это выяснить, есть ли у него судимость в какой-либо стране.

в отношении этих стран. Что вы выяснили?”

Гарднер сказал: ‘Я провел прошлую ночь с Сэмсом, который оказался очень милым парнем. Мы обошли несколько пабов и поговорили с несколькими людьми, которые помнили дело Бенскина. По общему мнению, он покончил с собой. Я начал было впадать в уныние, пока не встретил парня по имени Хоутон, который был сыном садовника Бенскина. Он помолчал, затем добавил: “Он сказал мне, что Бенскин был исключением Элли была весела и здорова незадолго до своей смерти. То, как он описывал свою внешность, навело меня на мысль о Тиме Фергюсоне. Все это звучало очень странно. Старик вернулся с Юга Америка была в довольно плачевном состоянии, а потом он внезапно и потрясающе выздоровел.’

- Значит, это вряд ли мог быть гипноз? сказал Грей.

- Я бы не стал думать, что это возможно. Вы понимаете, к чему я клоню, не так ли? Я перестал верить, что Тиму угрожает какая-то реальная опасность, но теперь я передумал. Я думаю, нам нужно действовать быстро. Я думаю, мне следует встретиться с Тимом, изложить ему все факты и спросить, какое “лечение” назначал ему Нойманн.

Грей раскурил трубку.

Возможно, вы правы. Это не могло причинить никакого вреда. Тем не менее, я никогда не знаю, как продвигаюсь в этом деле. У меня есть Блейдон и Чессон был убежден, что Нейман мог использовать гипноз…" Он спросил Цвейга: "Кстати, не могли бы вы подготовить краткий отчет об этих статьях Неймана? Тех , что о гипнозе? Блейдону это нужно".

- Конечно. Но нам понадобятся другие источники, помимо его статей. Я предлагаю вам сказать Блейдону, чтобы он связался с полицией Стокгольма по поводу дела Сала и узнал подробности о другом деле из Гейдельберга.

"Что это были за дела, вкратце?'

'Дело Салы имело место в 1929 году. Молодой человек, который интересовался гипнозом, использовал его, чтобы подчинить себе целую банду".

"Что значит "подчинять"?"

Они считали себя тайным магическим обществом, а также преступной группировкой, и все они подвергались гипнозу. Они совершали различные преступления - угоны автомобилей, грабежи с применением насилия, убийства на сексуальной почве и даже обращение в рабство белых. Согласно Neu манн, он загипнотизировал нескольких несовершеннолетних девочек , чтобы они вступили с ним в сексуальные отношения, а затем заставил их заниматься торговлей белыми рабынями. Он также убил члена своей банды, дав ему

ему была сделана инъекция яда, когда он находился в трансе. И, как я вам уже говорил , он довел другого участника группы до самоубийства с помощью гипнотического внушения. Узнать все подробности у шведской полиции будет несложно. Гейдельбергский случай касается молодой женщины, которая была загипнотизирована в поезде, с из ее знаний. Мужчина, который загипнотизировал ее, выдавал себя за врача, а позже заставил ее красть деньги и заниматься проституцией. Нейман

также пишет о случае, произошедшем в Тюрингии в 1921 году, когда егерь загипнотизировал школьного учителя и заставил его совершить различные преступления. Кстати, он также заставил его прострелить себе руку из револьвера, что доказывает, что человека можно заставить действовать вопреки его собственным интересам.

Грей затянулся трубкой. Он медленно произнес:

‘Что ж, если Нойманн использовал гипноз, чтобы заставить их совершить самоубийство, то он оправдал свое хвастовство о том, что стал опытным преступником”.

Гарднер сказал: “Я придерживаюсь теории о наркотиках. Хотя я поддерживаю представьте, что наркотики делают человека гораздо более восприимчивым к гипнозу, не так ли?”

Зазвонил телефон. Грей сказал: “Это, возможно, для меня. Я попросил Чессона позвонить мне, если что-нибудь выяснится”. Он вышел в другую комнату. Они услышали, как он произнес: “Грей слушает. Привет , Джон. … Что? Во сколько… В двенадцать тридцать? Хорошо. Будет ли у вас там кто-нибудь, кто встретит поезд и проследует за ним? Великолепный. Если я вам снова понадоблюсь, я буду дома через четверть часа . Он вернулся в спальню. - Нойманн и Фергюсон отправляются обратно в Лондон поездом в десять тридцать. Они прибывают на вокзал Кингс-Кросс в двенадцать тридцать.

- Великолепно! - воскликнул я. - спросил Гарднер. - Похоже, мы его поймали‘ рид. Но мне интересно, не собирается ли он уехать из страны?’

- Это возможно. Что бы ни случилось, мы будем сидеть у него на хвосте. Первый вопрос, который я хочу ему задать, - это почему он пользовался фальшивым паспортом в Англии в 1938 году”.

Гарднер встал. - Что ж, если вы, джентльмены, не возражаете, я пойду домой, посплю часок и соберусь с силами. Приход, Наташа?’

- Да. Может быть, я могу чем-нибудь здесь помочь? Она посмотрела на Цвейга; он видел, что она хочет, чтобы он дал ей повод остаться. Но под пристальным взглядом Грея ему пришлось отклонить апелляцию.

- Нет. Следующие несколько часов я буду работать. Я тоже буду здесь , если понадоблюсь кому-нибудь.

- Тогда я ухожу, - сказал Гарднер. ‘ Подвезти тебя, дорогая?

- Нет. У меня своя машина за углом.

Грей сказал: “Я был бы признателен, если бы вы высадили меня на Найтс-Бридж’.

‘С удовольствием’.

Когда они выходили, Грей сказал: “Я был бы рад, если бы ты подготовил этот отчет, Карл. Блейдон хочет сохранить его для дальнейшего использования, что бы ни случилось”.

“Я сделаю это позже сегодня”.

Когда они ушли, Наташа спросила:

- Что ты собираешься делать?

- Я не знаю. - Он опустился в кресло, с легким отвращением вдыхая запах табака, наполнивший спальню. - Похоже, это уже не в моей власти.

‘Вы все еще хотите поговорить с Нейманом?”

“Я бы с удовольствием, но это, очевидно, будет невозможно, если он все время будет находиться под наблюдением полиции’.

Они вернулись в другую комнату. Камин теперь ярко горел. Она взяла пальто.

- Как насчет того, чтобы пойти куда-нибудь перекусить?

- Сказал он, улыбаясь.:

- Я бы с удовольствием, но мне нужно кое-что сделать. Я должен внимательно прочитать те четыре статьи Густава в “Монатшрифт “. Я хочу перечитать их сейчас, когда моя голова свежа.’

’ Но почему?

- Потому что у меня неприятное чувство, что здесь что-то есть. Я продолжаю упускать что-то, что я должен был бы увидеть, но не могу увидеть. ..

- Тогда давай я принесу тебе что-нибудь поесть, пока ты читаешь. Я не буду вам мешать”.

“Спасибо, я сейчас не голоден. Разве ваш муж не ждет вас домой?’

‘Нет. Он сразу ляжет спать. В любом случае, давайте я приготовлю вам кофе . Я буду вести себя тихо, как мышка.

Он взял с кровати тома “Рукописей” комнату и поставила их на кофейный столик рядом с гостиной.- камин в комнате. Он не хотел, чтобы Наташа оставалась, потому что боялся, что она помешает ему сосредоточиться, но , как только он начал читать, он забыл о ней. Она сбросила туфли и пошевелила ногами в одних чулках; десять

несколько минут спустя, когда она принесла ему кофе, он рассеянно взял его, пробормотав “Спасибо”, и продолжил чтение с смотрю вверх. Она вошла в кабинет и закрыла за собой дверь. Цвейг даже не замечал звуков, которые она издавала, поднимая книги и передвигая мебель, хотя он запретил уборщице вытирать пыль в его кабинете, потому что его возмущало, что кто -то прикасается к его бумагам.

Поначалу остатки похмелья притупляли его восприятие , но после прочтения двух страниц усталость перестала иметь значение. Чтение вызвало у него чувство, похожее на боль, и все же это была боль, которую он находил странно трогательной и которая заставила его осознать свой возраст и неспособность своего тела доставлять определенные удовольствия. Когда он дочитал первую статью до конца, это чувство стало настолько сильным, что он не смог продолжать чтение. Он выпил кофе, который уже остыл, и принялся расхаживать взад-вперед по комнате. Вошла Наташа; он посмотрел на нее так, словно никогда раньше не видел; потом, увидев ее ноги в чулках, неожиданно улыбнулся. Она сказала::

- Я пойду куплю чего-нибудь поесть. Что бы ты хотел съесть?

- Нет, пока нет. Мне что-то не хочется есть. Он снова сел и уставился в огонь.

Хочешь, я сейчас уйду? Она стояла за его стулом, и он взял ее за руку.

- Нет. Но это, - он указал на книгу, - важнее , чем еда.

- Вы нашли то, что искали?

Он рассмеялся. ‘Вы знаете, что я ищу?”

“Ключ к разгадке… Мотивы Ноймана…?”

- В некотором смысле. Но это не так уж важно.’ Она сидела напротив расположился в кресле, чувствуя свою потребность выразить это. Он закрыл книгу и отодвинул тележку, словно отвергая искушение. тион. ‘С тех пор, как мы вчера ехали обратно, я думал о нашем обществе Ницше в Геттингене. Алоис Нойман был основателем и президентом…. И теперь, когда я читаю это,

Я продолжаю думать об Алоисе и кое-что понимаю о Густаве. Но я также кое-что понимаю о себе. - Он не смотрел на нее, когда говорил; он боялся, что выражение ее лица может отвлечь его от того, с чем он пытался справиться. *Мы верили… мы верили… во всем, в будущем, как могут только молодые люди.’

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

Она сказала: “Но ты все еще сомневаешься”.

‘Да, но не с прежней уверенностью… уверенность в том, что все изменится”. В те дни мы все чувствовали себя намного лучше. Но, видишь ли, то, о чем мы договаривались, не обязательно было правдой лекционные вопросы. Например, человек по имени Фриц Халлер учился на священника и был обращен в римскую веру. Католицизм. Он думал, что мы несем чушь о Христианство. Но у всех нас было общее чувство - что мужчина недостаточно велик, что ни один мужчина, который когда-либо жил на свете, не достиг и доли того величия, на которое способен мужчина. Вы понимаете это убеждение? Я знаю, женщине трудно. Кажется, в этом слишком много презрения. И все же это неправда. Дело было не в презрении. Раньше мы читали друг другу статьи и рассказы - не свои собственные, а статьи из литературных журналов, - а потом говорили: “Все это слишком мелко. Все это написано в маленькой комнате с душной атмосферой. фере.” Мы верили, что человек находится на пороге нового развития мент.’

- Но вы говорите об этом в нескольких своих книгах.

- Да, я говорю это. Но иногда мне кажется, что я забыл , что мы изначально имели в виду. Однажды вечером Фриц Халлер прочитал нам доклад об идее Ницше о сверхчеловеке. И вот что он сказал: “Нам не обязательно принимать все идеи Ницше, потому что многие из них - это вопли больного человека. Человек , называющий себя ницшеанцем, - дурак, потому что Ницше был слишком мал ростом. И все же Ницше выражает то, что происходит с духом человека в этом столетии”. “К этому времени Цвейг уже ходил взад и вперед по комнате; его старая привычка читать лекции не позволяла ему сесть, когда он хотел поговорить. - Он сказал: “Давайте забудем Ницше и все его книги и сосредоточимся на размышляйте об этом новом явлении, которое Ницше заметил одним из первых. Дело вот в чем: впервые в истории люди начинают чувствовать, что их собственная человечность подавляет их. Большинство великих художников и писателей девятнадцатого века были людьми, которые чувствовали себя в ловушке собственных ограничений. Все они подавлены человеческой слабостью. И все же в то самое время, когда одни люди борются за то, чтобы избавиться от этой слабости, другие основывают свое искусство на концепции слабости, человеческого поражения. Это единственный очевидный факт, который выделяется из истории нашей

культуры. Один класс людей стремится к свободе, другой выстраивает этику отрицания. Итак, - сказал Халлер, - о чем это говорит? Конечно

что человек готовится к новому эволюционному скачку?” Хорошо… возможно, для вас все это звучит банально. Десять лет спустя даже я подумал, что перерос это, и поздравил себя с тем, что стал реалистом. И все же… теперь я верю, что был неправ. Потому что, видите ли… - Он заколебался, махнув рукой в сторону книг. - Он тоже это чувствует. Это есть в его статьях. Он тоже реалист. Он пишет о гипнозе, наркотиках правды, самоубийствах, как будто его интересует только наука. И все же я знаю. Я вижу, что он чувствует на самом деле… Теперь мне кажется странным , что я не осознавал этого, когда он был моим учеником. Он казался слишком нервным и возбудимым. Возможно, я слишком хорошо знал о его слабости. Он сел и, нахмурившись, уставился на огонь, потом вдруг посмотрел на нее, словно надеясь застать ее врасплох. Он сказал, пожимая плечами: “Теперь я задаюсь вопросом, был ли Густав прав , когда обвинял меня в компромиссе. Потому что мне кажется, что есть не один способ быть реалистом’.

Она подождала, не продолжит ли он, затем, когда он сел, глядя мимо нее, сказала:

- Но вы все еще не объяснили, как человек, который верит в свободу дом может стать убийцей.’

Был ли он убийцей? Это то, на что я не могу решиться. Почему-то мне трудно это принять, несмотря на очевидность.

После еще одного молчания он сказал::

Но почему он никогда не связывался со мной? Я был его учителем. Конечно , он хотел бы поговорить со мной об этом… Даже с точки зрения тщеславия, ему могло бы понравиться

показать мне, что он не боится идти дальше…”

“Вы имеете в виду убийство? Вы удивляетесь, почему он не посвятил вас в это?”

“Нет, нет. Возможно… Я не знаю…..’

Он встал.

- Что я должен сделать сейчас, так это провести несколько часов наедине с Густав. Я должен подробно поговорить с ним. Если они вернутся в эту квартиру на Пелхэм-плейс, я позвоню ему и спрошу, можно ли мне навестить его”.

Она сказала, улыбаясь: “Что бы ты ни делал, тебе лучше немного поесть вещь. Иначе ты будешь не в состоянии ни с кем разговаривать.’

Он рассмеялся и потянулся вперед, чтобы погладить ее по голове.

- Ты права. Я чувствую, что проголодался. Я оденусь, а потом мы пойдем куда-нибудь поесть.

Т—Г

*93

НЕОБХОДИМОЕ СОМНЕНИЕ

Он брился медленно и тщательно, наслаждаясь теплой водой на лице и чувствуя себя необъяснимо счастливым. Он мог слышать Наташа моет посуду. Когда он вернулся в гостиную, завязывая галстук-бабочку, зазвонил телефон. Он стоял и смотрел на звонок. Вошла Наташа, вытирая руки кухонным полотенцем.

“Может, нам ответить?”

“Это, наверное, ваш муж спрашивает, когда вы будете дома’.

“Держу пари, что нет”. Она схватила трубку, послушала мгновение, затем сказала: “Нет, боюсь, он ушел четверть часа

назад. Он должен быть у себя дома… Да, профессор Цвейг здесь…’ Она передала трубку Цвейгу со словами: “Кто-то из Скотленд-Ярд.’

Голос произнес: “Профессор Цвейг, меня зовут Чессон. Я не знаю, упоминал ли меня сэр Чарльз Грей? Да? Я ваш поклонник. Но я хотел сообщить вот о чем: у нас произошло довольно интересное событие, и я думаю, вам следует об этом знать.

Мы поручили Интерполу проверить этого человека Нейман. У нас нет ничего ценного - он, похоже, не привлекался к уголовной ответственности ни во Франции, ни в Швейцарии. Но у нас есть пара данных. В его паспорте, по-видимому, указан адрес в Gex, недалеко от Женевы. Ну, он там больше не живет, так что, возможно, нам удастся найти его там по формальным причинам - в его паспорте указан устаревший адрес. Во-вторых, у него есть приводы в полицию Германии. Ничего особенного. В 1951 году он был арестован в Берлине за незаконное хранение различных наркотиков, включая героин. Он отделался штрафом в десять тысяч марок. Теперь, я думаю, у нас может быть достаточно доказательств , чтобы вызвать его на допрос. Вы согласны?’

Цвейг уставился на телефон. как на живое существо, он не знал, что ответить. Голос Чессона произнес: “Алло?” Цвейг сказал: “Я… э-э-э…”.. Я не могу высказать свое мнение. Я уверен, сэр Чарльз посоветовал бы вам поступить так, как вы считаете нужным… Он хотел найти причину для отсрочки ареста Нойманна, но в голове у него было пусто. Чессон сказал::

“Хорошо, профессор, я сейчас ему позвоню. Но’ как я понимаю, до сих пор вы были главным инициатором этого дела, поэтому я не хотел делать этого, не предупредив вас…

- Нет. Вполне.

- Теперь, конечно, нужно выяснить, почему он находился в Англии под чужим именем в 1937 и 1938 годах. Но даже в этом случае,

дело выглядит немного шатким, если мы не добьемся чего-то более определенного. Конечно, есть сэр Тимоти Фергюсон - он может предоставить доказательства против Неймана, когда узнает всю историю. Но я думаю, что проблема в том, чтобы попытаться помешать ему покинуть страну и исчезнуть.

“Да, конечно…”

“Если мы доставим его на допрос, мы, вероятно, захотим , чтобы вы пришли в Скотленд-Ярд сегодня попозже. Это нормально?’

- Э-э, да. Не могли бы вы мне позвонить?

- Я так и сделаю, профессор. Не скрою, это одно из самых скользких дел, с которыми я когда-либо сталкивалась.

После того, как Чессон повесил трубку, Наташа сказала:

- Что теперь?

- Они намерены арестовать Густава в участке или доставить его на допрос. Они выяснили, что в 1951 году в Берлине ему предъявили обвинение в торговле наркотиками. Вероятно, они могут сделать вид , что он нежелательный иностранец.

Она пожала плечами. - Конечно, это к лучшему? Когда-нибудь это должно стать достоянием гласности.

- Я не знаю. Он поднял телефонную трубку. - Я должен позвонить Чарльзу.

..- Через мгновение он положил трубку. ‘ Занято. Чессон, должно быть, сейчас разговаривает с ним.

- Тогда пойдем поедим.

- Ты не будешь возражать, если мы вместо этого съедим что-нибудь здесь? Мне уже не хочется есть досыта. Я могла бы послать за чем-нибудь швейцара.

- В этом нет необходимости. Я схожу в магазин деликатесов за углом и куплю что-нибудь. А ты оставайся здесь.

Когда она ушла, Цвейг прошелся взад-вперед по комнате; у него снова возникло ощущение, что он потерялся в событиях, которые

развивались слишком быстро. Через пять минут он снова набрал номер Грея ; на этот раз Грей ответил.

‘Привет, Карл. Я только что разговаривал с Чессоном, и думаю, что это , вероятно, хорошая идея, не так ли? Альтернативный вариант - подержать его под наблюдением еще день или около того. Но у меня такое чувство, что мы могли бы за него подержаться. Я думаю, что этой истории с фальшивыми документами может быть достаточно, чтобы возобновить дело Мейд Стоун.

“Его арестуют, когда он сойдет с поезда?”

“Я думаю, что да. Либо так, либо за ним будут следить и арестуют позже сегодня. Чессон хочет выяснить, есть ли у него какие-нибудь

*95 . .

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

намерение покинуть страну. Гарднер сказал мне, что обнаружил в своем чемодане обратный билет до Мюнхена, когда вы обыскивали коттедж. Сегодня в семь вечера есть рейс в Мюнхен, а другой - в восемь утра. Так что мы можем наблюдать и ждать”.

“Ты позвонишь мне, как только что-нибудь произойдет?”

“Конечно’.

Когда Наташа вернулась, держа в руках бумажный пакет, Цвейг стоял у окна и пил джин с тоником. Она сказала:

- Я бы не отказался от этого.

Цвейг налил и ей.

‘ Мне не следовало пить. Я знаю, что слишком много пил на прошлой неделе. Но вдруг я чувствую… - Он замолчал, подыскивая подходящее слово, а затем неожиданно произнес: - Все это неправильно.

- Пьешь? - спросил я. Она выглядела удивленной.

- Нет. - Он рассмеялся, потом снова стал серьезным. ‘ Захватывающий Теперь Густав”. °

‘Но разве это не к лучшему? Если он невиновен, у него будет шанс доказать это”.

“Все не так просто”.

“Вы верите, что он виновен?’

Он нервно жестикулировал, словно пытаясь избавиться от чего-то , что его угнетало.

- Я не уверен, виновен он или нет, и вопрос не в этом. Все, что я знаю, это….. что я понимаю Густава так, как вряд ли когда-нибудь поймут присяжные.’

Она прошла на кухню и распаковала дорожную сумку. Цвейг сидел у окна, пил джин с тоником и смотрел поверх крыш на Парк-лейн. Когда до него донесся запах жарящегося цыпленка, он понял, что проголодался. Он посмотрел на часы: был уже час дня. Нойманн либо направлялся в Скотленд-Ярд, либо за ним следили детективы. Было слишком поздно что-либо предпринимать. Когда зазвонил телефон , он бросился к нему, а Наташа вышла из кухни послушать, но это была всего лишь его сестра, звонившая пригласить его на ужин. Он извинился, пообещал ей перезвонить и повесил трубку. Она сочувственно улыбнулась и вернулась к своей стряпне. Он налил себе еще джина.

После еды ему стало лучше. Наташа приготовила

\c

цыпленок с паприкой и чесночной солью; они ели его , сидя друг против друга за столом. Для Цвейга это превращало праздник в торжество; когда он был один, он обычно ел с подноса, сидя в кресле.

Она сказала: “Что ж, полагаю, мне лучше вернуться к мужу”. Она зевнула и потянулась.

улыбнулся. - Возможно, это и к лучшему. Он поднял телефонную трубку. Но сначала я хотел бы узнать, есть ли у Грея какие-нибудь новости. Он набрал номер, затем положил трубку. “Его номер занят”.

см. 6. Он был уже за дверью, когда звонок повторился. Он

- А, я только что пытался тебе дозвониться.

Грей сказал: ‘Чессон следил за мной. Эти идиоты позволили Нойманн ускользнул от них.’

Наташа подняла брови, увидев улыбку на лице Цвейга , когда он спросил: “Как?”

- Он поймал такси на вокзале, но они потеряли его в пробке на Шафтсбери-авеню. Когда это прекратилось в Пелхэме На этом месте вышел только Фергюсон. Нойманн, должно быть, ускользнул где-то в районе Пикадилли.’

- Я понимаю. И что вы собираетесь делать теперь?”

“Мы не уверены. Наташа там?”

“Да”.

Не могли бы вы спросить ее, не знает ли она, куда мог бы отправиться Нойманн? У Фергюсона есть какие-нибудь коттеджи недалеко от Лондона?”

Цвейг спросил ее: “Есть ли у сэра Тимоти коттедж где -нибудь под Лондоном?” Он не прикрыл рот рукой Пайк и Грей услышали ее ответ: ‘Насколько я знаю, нет’.

- Вы собираетесь поговорить с Фергюсоном? - спросил Цвейг.

- Пока нет. Я не думаю, что на данном этапе это принесло бы какую-либо пользу . Если мы получим какие-либо конкретные доказательства от Интерпола, я немедленно отправлюсь к нему. Но если он общается с Нью манн, он мог бы предостеречь его. Так что пока мы просто понаблюдаем за Фергюсоном. Я перезвоню вам, если будут какие -то новости.

Когда он повесил трубку, Наташа сказала::,

“Я так понимаю, он сбежал?”

‘Да’.

“Ты доволен?”

- В некотором смысле, да. И все же…

Она присела на подлокотник кресла.

“Есть одна вещь… У Тима есть коттедж. Примерно в пяти милях от Эгема”.

Он пристально посмотрел на нее.

“Но почему ты отказалась?”

“Потому что я думал, что ты этого захочешь”.

- Но… - Он передумал насчет того , что собирался сказать. Вместо этого он взял ее за руку и поцеловал ладонь. Она рассмеялась.

- Есть только одна проблема. Джозеф тоже об этом знает. Если Сэр Чарльз подумывает позвонить ему, полиция будет там через час. в час’.

“Как вы думаете, Густав мог пойти туда?”

“Я полагаю, это возможно. Есть еще кое-что. Тим держит машину в Лондоне — маленькой Англии. Он поставил его в гараж неподалеку Площадь Пикадилли.’

‘ Пикадилли! Они думают, что именно там Густав вышел из своего такси.’

- Тогда мы скоро сможем это выяснить. Позвоните в гараж - у меня есть его номер в моей записной книжке - и спросите, не

забирали ли оттуда машину сэра Тимоти . Она порылась в сумочке. - Если подумать, вам лучше позволить мне позвонить им. Они меня знают.

Цвейг ходил взад-вперед по комнате, пока она звонила по телефону. В гараже ей пришлось долго ждать. Она сидела на подлокотнике кресла, постукивая по зубам кончиком белого карандаша, и улыбалась ему. Кто-то однажды сказал Цвейгу, что он похож на панду , когда волнуется, поэтому он заставил себя пойти в кабинет и открыть рукопись Хайдеггера, которая лежала на столе. Он услышал, как она сказала: 'Это миссис Гарднер. Это Сид ней? О, Сидни, не могли бы вы мне сказать, снимали ли сегодня "Маленькую англию" сэра Тимоти Фергюсона? Снимали ли? Кто ее снимал… ? Я понимаю… И звонил ли кто-нибудь еще , чтобы справиться об этом? … Нет, это не важно. Спасибо Сидни."

Она вошла.

"Да". Нойман сделал снимок час назад. У него было письмо от сэра Тимоти.'

"Вы знаете, где находится этот коттедж?'

- Думаю, да. Я был там однажды. Ты хочешь пойти туда?

Он стоял, размышляя об этом, глядя мимо нее.

' Я не знаю. Это, безусловно, наш шанс… Мы могли бы поговорить с ним.

НЕОБХОДИМЫЕ СОМНЕНИЯ

"Есть только одна трудность. Если его обвинят в убийстве, вас могут рассматривать как соучастника".

"Я знаю".

'Почему вы хотите с ним поговорить?"

'Почему?' Он задумался, рассеянно глядя на рукопись. Затем постучал по ней пальцем. - Из-за этого. Потому что у меня не будет возможности поговорить с ним как следует, если его арестуют. Потому что я хочу, чтобы он это знал… это я понимаю.

Она нахмурилась. - Что вы имеете в виду?.. из-за этого? Какое

отношение ко всему этому имеет ваша книга?

Он прошел мимо нее в гостиную. Он медленно произнес:

‘Если Густав - убийца, я потрачу на его защиту все, что у меня есть, до последнего пенни”.

Не двигаясь с места, она спросила: “Почему? Вам не кажется, что он заслуживает смертной казни?’

‘Вы можете сказать, если хотите, что это из дружеских чувств к его отцу”.

“Я вас не понимаю”.

“Я попытаюсь объяснить, но не сейчас”. На данный момент есть другие дела, которые нужно сделать. Не могли бы вы позвонить своему мужу и попросить его не сообщать о коттедже в полицию?”

“Разумно ли это?”

“Вы думаете, он откажется?’

‘Нет. Но… если полиция узнает об этом коттедже, я всегда смогу притвориться, что забыла о нем. Но если мы позвоним Джозефу сейчас, нас обоих могут обвинить в соучастии.

‘ Конечно… с моей стороны глупо спрашивать. Прости.’

Она пожала плечами и сняла трубку. Он потянулся и взял ее за руку.

- Нет, ты права. Это опасно.

Она с улыбкой сказала: “Я рискну”. Она уже набирала номер. Он начал что-то говорить, но беспомощно отступил. Она сказала: ‘Привет, Маргарет. Мистер Гарднер дома? … Когда? Я понимаю. Он оставил сообщение? Спасибо. - Она положила трубку. - Несколько минут назад ему звонили по телефону, и он сразу же вышел. Он не сказал, куда направляется.

- А-а… тогда, вероятно, это был Грей или полиция.

- Сказала она. - Это значит, что они, вероятно, уже направляются в Эгем-коттедж.

Он сел в кресло и потер глаза ладонью.

его пальцы. Он вдруг почувствовал сильную усталость. Она сказала:

‘Мне жаль. Но сейчас мы мало что можем сделать’.

‘Нет’.

Хотя есть одна вещь… Я бы хотела увидеть Тима Фергюсона до того, как до него доберется полиция.

Ее удивило выражение нетерпения на его лице, когда он встал

вверх.

Да, конечно. Возможно, он сможет нам что-нибудь рассказать… - Ты тоже хочешь пойти?

- Да, да. Сейчас пойдем.

‘ Очень хорошо.

Когда они спускались по лестнице, она сказала::

- Вам лучше оставить сообщение на случай, если сэр Чарльз или Джозеф появятся здесь’

Конечно.’ Когда они пересекали холл, он постучал в дверь швейцара .. ‘ Я отлучусь примерно на час. Возможно, кто-нибудь зайдет, пока меня не будет. Если он захочет подождать, не могли бы вы впустить его в мою квартиру?

Он сказал, смеясь: “Надеюсь, здесь нет ничего предосудительного”. бродишь вокруг да около?’

- Только моя рукопись и тарелки для ужина. двухместный “ягуар” был припаркован за углом. Под дворником на ветровом стекле лежал штрафной талон. Она небрежно взглянула на него и

уронила на тротуар. Цвейг сел рядом с ней.

Я боюсь, что ваш муж подумает о разводе , если вы останетесь со мной подольше.'

Она рассмеялась. - Вы не знаете Джозефа. Машина с громким ревом тронулась с места. ' Я открою вам секрет. Он надеется убедить вас написать предисловие к его новой книге, доказывающее, что Атлантида была уничтожена в результате атомной войны.

Когда машина свернула на Парк-лейн, он сказал:

' Я могу.

Она посмотрела на него с удивлением.

- Ты бы сошел с ума!

- Я совершал и более глупые поступки, - мрачно сказал он.

Она припарковала машину за отелем "Саут Кенсингтон" под наземная станция.

Нет смысла афишировать, кто мы такие. Они вероятны умело следит за этим местом.'

Но не было никаких признаков кого-либо, кто мог бы быть

детектив на Пелхэм-плейс. Когда они шли по дорожке к дому, Цвейг заметил знакомое шевеление занавески на окне первого этажа. Он улыбнулся в ответ, и в окне появилось испуганное лицо пожилой дамы, которое тут же расплылось в приветливой гримасе. Наташа спустилась по ступенькам в подвал и позвонила в дверь. Когда ответа не последовало, она постучала в дверь. Цвейг снова поднялся по ступенькам и указал на окно; когда пожилая леди выглянула, он спросил: "Сэр Тимоти дома?" Она

кивнула и указала вниз. Наташа снова позвонила в колокольчик, и Цвейг присоединился к ней. Цвейг хотел было сказать: “Может быть, он вышел перекусить” , но тут они услышали какие-то звуки с другой стороны двери. Мгновение спустя она слегка приоткрылась, и в щель на них уставился единственный яркий глаз. Наташа спросила: “Тим, в чем дело?”

- “А, это ты, Таш”. Фергюсон открыл дверь. Цвейг был потрясен бледностью его лица. Он выглядел так, словно только что вылез из гроба. Фергюсон повернулся и вошел внутрь, не потрудившись пригласить их войти. Его походка выражала полное изнеможение. Наташа взглянула на Цвейга, прежде чем войти. Она сказала шепотом: “Он выглядит так, словно у него был еще один удар”.

Цвейг последовал за ней в уютно обставленную гостиную-Он заметил, что ковер на полу был того же типа, что и в коттедже в Бери-Сент-Эдмундсе. В комнате было холодно. Фергюсон опустился в кресло и сидел там, откинув голову на спинку, глядя на них снизу вверх. В его голосе слышался заметный шотландский акцент тиш берр.

- Боюсь, я не слишком хорош в этом, девочка.

Она спросила: “Почему в комнате так холодно?”

Он кивнул в сторону камина. ‘Включи его”. Цвейг наклонился вперед и нажал на выключатель. В комнате пахло сыростью и нежилью.

Она спросила: “Принести тебе что-нибудь?’

- Да. Не могли бы вы принести мне немного виски? У меня в чемодане есть фляжка.

Она твердо сказала: “Думаю, тебе лучше лечь в постель. Ты выглядишь ужасно’. Тем не менее, она открыла его чемодан и достала фляжку с виски. Когда она протянула Фергюсону стакан, в котором оставалось на полдюйма спирта, он медленно поднял его и на мгновение прижал к подбородку, прежде чем выпить. Это заставило его

он закашлялся, и виски потекло у него по подбородку. Она сказала::

‘Я принесу тебе грелку и уложу в постель. Что ты делал?’

Его голос звучал жалобно, как у ребенка.

- Не спрашивай меня сейчас. Я расскажу тебе позже. Он закрыл глаза. Через мгновение он сказал: “Я рад, что ты пришла, девочка’.

Мощный электрический камин постепенно согрел комнату. Цвейг сидел в кресле, глядя на серое лицо Фергюсона и отказываясь думать. Фергюсон хрипло дышал. До сих пор он не замечал присутствия Цвейга. Из спальни вошла Наташа.

‘ Я перестелила твою постель. Простыни были влажными. Заходи и ложись. - Цвейг заметил в ее поведении теплоту, почти нежность, которые она часто проявляла, разговаривая с ним. Посторонний мог бы подумать, что она дочь Фергюсона.

Цвейг помог Наташе поднять Фергюсона на ноги и отнести в спальню. Начав расшнуровывать ботинки Фергюсона, она прошептала: Не могли бы вы пойти и наполнить грелку горячей водой? Она рядом с чайником.

Когда Цвейг вошел снова, старик был в постели; розовый свет прикроватной лампы и тепло электрического камина делали комнату менее гнетущей, чем когда они вошли. Наташа протянула Цвейгу клочок бумаги с теле-на нем указан номер телефона.

Ты не могла бы позвонить по этому номеру? Это врач. Скажи, что это срочно.

Фергюсон открыл глаза.

“Послушай, дорогая, мне не нужен врач. Пожалуйста’.

“Он тебе нужен’.

- Нет. Просто принесите мой чемоданчик из соседней комнаты. Там есть аспирин.

Цвейг принес чемоданчик и оставил его на комоде. Фергюсон хрипло дышал, его глаза были закрыты. Но когда Наташа тихо сказала: “Иди и позвони”, - он четко произнес: “Нет, пока нет, Таш. Подожди еще полчаса. Оставь меня на минутку в покое’.

“Как насчет аспирина?”

“Не сейчас. Просто дай мне отдохнуть.

Она пожала плечами и последовала за Цвейгом в гостиную, сказав: “Мы здесь, если тебе что-нибудь понадобится’.

Она закрыла дверь, и они сели. Она сказала: “Я думаю , нам следует вызвать врача”.

“Я согласна”. Но, похоже, он не хочет этого”.

“Это меня беспокоит. Обычно он ужасный мнительный человек дриак. Однажды он посоветовал нам вызвать полдюжины докторов . …’

‘Что, по-вашему, не так? Вы сказали, что он уже перенес инсульт?’

‘Дважды. Но очень легкие. Я никогда не видела, чтобы он выглядел таким больным.

Они уставились друг на друга. Она сказала:

“Ты думаешь…’

Из спальни послышался шум. Она поспешила к двери и распахнула ее. Цвейг увидел Фергюсона, который стоял у комода, тяжело опираясь на свой чемодан. Она спросила: “Что такое?”

“Ничего”. Он отшатнулся и сел на край кровати. Он поднес руку ко рту. Она спросила:

‘Что вы принимаете?’

‘Аспирин”.

Она подошла к его чемоданчику. Цвейг увидел, что она держит в руках маленькую бутылочку.

“Это не аспирин”.

“Остался только один”, - сказал он.

Она пристально посмотрела на него, пожала плечами, а затем сказала: “Давай . Возвращайся в постель. Я собираюсь вызвать врача’.

“Нет, пожалуйста. ..” Он позволил ей помочь ему вернуться в постель и укрыть одеялом. Он сказал: “Оставьте , пожалуйста, на десять минут”.

- Хорошо, десять минут.’ Теперь в ее голосе звучали жесткие нотки профессиональной медсестры. Она вышла из палаты, не сказав больше ни слова.

Цвейг взял бутылку, которую она ему протянула. Это была стеклянная бутылка, очень маленькая, из тех, в которых иногда продают сахарины. Но внутри бутылки не было белого налета , указывающего на то, что в ней содержалось; она выглядела так, словно ее только что вымыли и отполировали. Крышка была наполовину отвинчена. Цвейг снял ее и понюхал; слабый запах напомнил ему о траве.

Она сказала: “Он что-то принял. И я не верю, что это был аспирин”.

Из спальни раздался голос: ‘Наташа’. В нем больше не было усталости. Она с удивлением посмотрела на Цвейга, затем

вышел. Когда дверь спальни открылась, Цвейг увидел, что Фергюсон сидит на кровати. Он сидел, прислушиваясь к их тихим голосам. Через пять минут она вошла снова. Она осторожно закрыла дверь и сказала:

- Я не понимаю. Зайди и посмотри на него.

Он последовал за ней, но уже догадывался, что увидит. Фергюсон сидел на кровати. Хотя его лицо все еще оставалось бесцветным, оно больше не было лишено жизни и энергии; теперь он был похож на человека, страдающего головной болью или похмельем над. Он улыбнулся Цвейгу:

- Ах, мой дорогой друг, прости, что доставляю тебе столько хлопот. Мы не встречались, но я знаю о тебе.'

'Ты чувствуешь себя лучше?"

'Намного лучше. Перед твоим приходом мне стало совсем плохо , и я ничего не мог поделать, кроме как сидеть и переводить дыхание. … Мочь Я предлагаю тебе выпить?

- Нет, спасибо. Лучше скажи "в постели".

'Да, конечно, я так и сделаю".

Она стояла у буфета, заглядывая в его чемоданчик. Он сказал:

"Что ты хочешь, моя дорогая?"

"Посмотреть, нет ли у тебя еще аспирина!"

'Нет. Я выпила последнюю. Как ты думаешь, не выпить ли мне сейчас еще капельку виски? Или, если подумать, чашка чая была бы очень кстати'

Она внезапно повернулась к нему лицом.:

' Послушай меня, Тим. Я не знаю, что, по-вашему, вы от меня скрываете. Но я лучше скажу вам, что мы довольно много знаем о вашем друге Неймане.

Он опустил глаза, и его голова упала на подушку; Цвейг распознал немой призыв к сочувствию со стороны профессионального инвалида.

- Я не понимаю, что ты имеешь в виду, девочка. Насколько я знаю, ему нечего скрывать.

Она сказала: "В данный момент полиция пытается его арестовать".

Он поднял глаза, и на его лице отразился ужас.

‘Арестовать Густава? Но почему? Они не могут этого сделать. - Последние слова он почти выкрикнул. Он перевел взгляд с Наташи на Цвейга. - Почему? Почему они хотят его арестовать?

Цвейг мягко сказал: “Он приехал в Англию в 1937 году с

фальшивый паспорт. У них есть неопровержимые доказательства этого.

Но это было так давно! Они не могут сейчас об этом вспоминать.

Наташа села на кровать. Теперь ее голос звучал мягче.

- Тим, я не знаю, много ли ты знаешь о Густаве Неу манн, но я могу сказать тебе, что у полиции есть свои причины задержать его на некоторое время’

Он выпрямился. Цвейг с удивлением заметил, что из его голоса исчезли все признаки слабости.

‘ Нет. Они не могут этого сделать. Таш, ты не должна им этого позволять. Это важно…

- Почему это важно?

Он потянулся и взял ее за руку. Его голос дрожал.

- Послушай, Таш, у тебя в Фолкстоне, у Джо, есть моторная лодка.

Пожалуйста, послушай. Помоги ему уехать из страны.

Отправь его во Францию.

- Но почему? Вы знаете, почему они хотят задержать его?

Цвейг мог прочесть неуверенность Фергюсона в отчаянном и несчастном выражении его глаз.

“Я знаю, что вы подозреваете. Конечно, я знаю. Но он должен уехать, Таш….

Она сказала: “Ты ответишь мне только на один вопрос?’

‘Если смогу. - Его голос дрогнул.

‘ Он давал тебе наркотики?

‘ Я… Я не могу ответить на этот вопрос.

Тогда я ничего не могу сделать. Его сейчас разыскивает полиция. Они, вероятно, уже на пути к вашему коттеджу в Эгеме.

Он застонал. “Вы не сказали им об этом?”

‘Нет. Но Джозеф мог это сделать. Он сейчас с ними.

“Но почему? Почему ты хочешь так с ним поступить?”

Она сказала: “Во-первых, из-за того, что он сделал с тобой”.

‘Он ничего мне не сделал, только сохранил мне жизнь”.

‘Дал тебе какой-то наркотик. Сколько денег ты ему дал?’

“Пока немного’.

Она сказала: “И ты тоже не будешь. Он будет в тюрьме”.

- Таша, любовь моя, не будь такой жестокой. Он чуть не плакал. - Ты же знаешь, я всегда тебя любил. Ты же не хотела бы, чтобы я умер сейчас, правда?

Она бушевала: “И кто будет нести ответственность, если ты это сделаешь? Не будь старым дураком. Ты знаешь, сколько еще людей погибло

до тебя?

Цвейг был потрясен ее жестокостью; он осознавал, что она гусон был истощен и боялся, что у него может случиться еще один коллапс. Он был удивлен, когда Фергюсон, казалось, был не согласен с тем, что она сказала. Он только сказал все тем же умоляющим тоном:;

“Я знаю, моя дорогая, но пока он должен оставаться на свободе”.

‘Почему? Что ты будешь делать, если он уедет из Англии? Я полагаю, поехать и присоединиться к нему?’

Он выглядел слегка удивленным, как будто она вела себя неразумно способный.

- Но мне пришлось бы пойти и присоединиться к нему, Таш.

‘ Почему?

Фергюсон повернулся к Цвейгу.

- Неужели ты не можешь заставить ее понять? Ты была его учителем. Скажите ей, что он не такой, как она думает.

Цвейг намеренно говорил мягко и рассудительно, он хотел смягчить гнев Наташи.

- В какой-то степени я с вами согласен, сэр Тимоти. Но вы должны понять, почему она так себя чувствует. Не могли бы вы рассказать нам, почему вам было так плохо, когда мы приехали? ? ’

- Это была моя собственная вина. Я расстроилась, когда он ушел, и Я вышла из себя. И это вызвало учащенное сердцебиение. Он предупреждал меня об этом.

Она спросила: “И что же ты приняла, чтобы так сильно поправиться?”

Я приняла таблетку для экстренной помощи, которую он оставил. Но это не повредит. Таш, любовь моя, пожалуйста, сделай что-нибудь с этим.” Он снова потянулся и взял ее за руки. Вздохнув, она встала.

“Хорошо. Я посмотрю, смогу ли я позвонить Джозефу”.

“Да, ты не могла бы это сделать? Я никогда этого не забуду. А

теперь поторопись….”

Цвейг вышел вслед за ней из спальни. Когда она закрыла дверь, он спросил:

“Что ты собираешься делать?”

“Я ничего не могу сделать. Я пойду позвоню Джозефу, но уверен , что его не будет дома. Но сейчас он в таком состоянии, что мне придется притвориться, что все в порядке. Присмотри за ним. - Она открыла боковую дверь и поднялась по лестнице. Цвейг повернулся к спальне. Фергюсон радостно улыбнулся. - Она звонит?

‘ Да. Она скоро вернется.

‘Хорошо.’ Он закрыл глаза, и на мгновение посмотрел мира Фуль и счастливы. Они сидели в тишине; единственными звуками в комнате были слабая вибрация, исходившая от электрического камина, и редкие звуки короткого замыкания, похожие на жужжание комара. Затем Фергюсон сказал:

- Она не поймет, профессор, в этом-то и проблема. Он прекрасный человек, Густав. Ты это знаешь. Но я ничего не могу ей сказать , потому что дал слово. Попробуй объяснить ей это. Она становится такой упрямой.’

Цвейг прошелся по спальне, бесшумно ступая по тяжелому ковру; усидеть на месте было невозможно.

“Как ты думаешь, это хорошая идея - воссоединиться с ним на континенте?”

“Почему бы и нет? Пока что он не причинил мне никакого вреда”.

‘Вы уверены?”

Фергюсон открыл глаза.

“Совершенно уверен”.

Цвейг терпеливо сказал: “Вы же видите, что это выглядит очень по-дурацки, не так ли? Вы признаете, что хотите присоединиться к нему. Вы признаете, что , вероятно, дадите ему денег. И он рассказал вам какую-то историю о том, почему им заинтересовалась полиция.

- Это не какая-то история. Он сказал мне правду.

- Тогда почему он приехал в Англию по поддельному паспорту в 1937 году?

- Ему пришлось. Он был в Германии, и у нацистов был ордер на его арест.

Но зачем ему было использовать свое вымышленное имя в Англии? Здесь не было никаких нацистов’

‘ Нет. Боюсь, в те дни он был немного юным дурачком. Я думаю, ему нравилось играть в плащ и кинжал.’

Они услышали голоса в соседней комнате. Вошла Наташа, а за ней мычала молодая девушка, с которой Цвейг познакомился наверху. Наташа сказала:

- Тим, я вынуждена тебя покинуть. Это Сильвия. Она побудет в соседней комнате и принесет тебе все, что ты захочешь. Она позвонит врачу, если ты почувствуешь себя плохо.

- Ты не уходишь?

- Мне придется. - Она помолчала, а затем добавила: - Если я собираюсь помочь тебе.

Он внезапно улыбнулся. ‘ Да благословит тебя Бог, дорогая.

- Я сейчас возвращаюсь к Джозефу. Он, вероятно, будет рядом , увидимся позже.

Он с готовностью согласился: “Хорошо, да, пришлите его ко мне. Я хочу поговорить с ним о… о лодке’.

“Хорошо. А теперь постарайтесь уснуть. Пусть вас ничто не беспокоит. Все будет хорошо. Она подозвала Цвейга. Фергюсон сказал: “Ты знаешь, что происходит? Делать… они знают… где он? Было видно, что присутствие девушки сковывает его. Наташа сказала:

‘Ничего не происходит. Нет, они не знают о коттедже”

.

‘Хорошо. И ты им не скажешь?”

‘Нет’.

“Да благословит тебя Бог’. Он лег и закрыл глаза. Цвейг вышел из спальни, Наташа последовала за ним.

Когда они возвращались к машине, она сказала::

“Я не смогла дозвониться до Джозефа. Я звонила в нашу квартиру и к сэру Чарльзу Грею. Что вы думаете?’

Цвейг сказал: “Боюсь, все это кажется довольно очевидным. Ваш муж был прав насчет лекарств. Я хотел бы знать , что он употребляет. Флакон все еще у меня в кармане. Я отдам его Грею на анализ’.

‘Как вы думаете, какую историю Нойманн рассказал Тиму?”

‘Я не знаю. Но он утверждает, что Густав взял с него клятву хранить тайну”.

Открывая дверь, она сказала::

“Мне кажется, что ваш герр Нойманн слишком умен. Из-за его сообразительности у него очень скоро будут неприятности”.

Они остановились на светофоре на Кромвель-роуд. Она сказала::

“Ну, так ты все еще хочешь поехать в этот коттедж?’

‘Я не знаю. Может быть, нам сначала стоит вернуться домой”.

- Тогда поднимайтесь к нам и выпейте чашечку чая. Джозеф , вероятно, позвонит мне туда.

Горничная, которая впустила их, сказала: “Нет, мистер Гарднер еще не перезванивал. Но несколько минут назад звонил сэр Чарльз Грей и спрашивал, дома ли вы. Я сказал, что не знаю, когда вы вернетесь.

‘ Хорошо. Я что-то устал. Не могли бы вы приготовить нам чаю перед уходом?

Опустившись на бархатные подушки дивана, Цвейг осознал, насколько устал. Он откинул голову на спинку и закрыл глаза. Из своей спальни вошла Наташа. Она остановилась у него за спиной и положила обе руки ему на лоб. Они казались бесконечно успокаивающими. Сказала она:

“Тебе нужно выспаться. Вся эта суета вредна для тебя’.

“Нет. И для тебя тоже”.

‘О, я к этому привык. Джозеф всегда так живет”.

Он осознал, что получает чувственное удовольствие от прикосновения ее рук; они были прохладными, и их прикосновение, казалось , возвращало ему жизненные силы. В то же время он позволил себе погрузиться в сон. Звук открывающейся двери заставил ее отодвинуться, и он вернулся к реальности, словно после долгого путешествия. Она села рядом с ним, и он увидел, что она переоделась в серое шерстяное платье, подчеркивающее мягкие линии ее фигуры. Горничная вкатила тележку с чаем и печеньем. Он молча взял у нее чашку, и они молча выпили чай. В квартире не было слышно ни звука , кроме стука столовых приборов на кухне. Через несколько минут

горничная сказала: “Я, пожалуй, пойду, миссис Гарднер”. Когда за ней закрылась дверь, Цвейгу показалось , что он очутился в тишине, мягкой, как бархатный диван. ионы. Для меня стало шоком, когда она сказала::

“Интересно, что сделает Тим, когда они арестуют Ноймана?”

Он поморщился.

“Боюсь, я почти забыл об этой проблеме”.

“Я знаю. Я тоже начинаю уставать от этого”.

Он допил свой чай. Он сказал:

‘Все равно, я надеюсь, что его сегодня не арестуют”.

‘Почему?’

“Потому что я чувствую, что я ему кое-что должен… Это то же самое, что я должен тебе”.

‘Что это?’ В ее голосе не было и намека на лесть. тери.

- Ощущение, что она снова жива.

Она улыбнулась. - Не знаю, польщен ли я тем, что работаю с Нейманом.

Он чувствовал себя слишком усталым, чтобы пытаться что-то объяснить. Когда она покатила тележку обратно на кухню, он забрался с ногами на диван и прижался щекой к подушке. Через несколько минут он уже спал. Вернувшись, она накинула на него халат и сняла телефонную трубку с рычага. Он крепко проспал два часа.

НЕОБХОДИМЫЕ СОМНЕНИЯ

Он оказался в темноте, и на мгновение ему показалось, что он в своей постели. Затем его рука нащупала ткань пиджака. Он сел, протер глаза, и к нему вернулась память. Он тихо позвал: ‘Наташа’. Когда ответа не последовало, он протянул руку и нащупал выключатель настольной лампы. Он посмотрел на часы

и обнаружил, что уже половина шестого. Он прошел в ванную, посмотрел на свое отражение в зеркале, затем плеснул на него водой. Он не любил спать в одежде, в ней он чувствовал себя старым и грязным. Вытершись и причесавшись, он почувствовал себя лучше. Он нашел дорогу в спальню Наташи. Дверь была приоткрыта, и в комнате горел свет. Наташа спала под одеялом, все еще полностью одетая. Он на цыпочках подошел к кровати и взял ее за руку. Она пошевелилась и прижала его руку к своей груди жестом ребенка , держащего куклу. Он сказал: “Наташа, проснись”. Она открыла глаза, мечтательно посмотрела на него, затем резко села.

“Боже мой”. Который час?

“Половина шестого”.

“Джозеф еще не пришел?’

‘Нет. Я только что подумала. Возможно, он ждет меня в моей квартире. Вы помните, я велела швейцару впустить его.

Она откинула одеяло и встала.

- В любом случае, нам лучше пойти туда. Ты не могла бы позвонить к себе домой, пока я буду собираться?”

Он с трудом нашел телефон: она спрятала его под грудой подушек, и он издавал непрерывный завывающий звук. Когда он нажал на остальные кнопки, шум прекратился, но наступила полная тишина. Несколько минут он двигал остальные кнопки вверх и вниз, затем положил трубку. Когда она вошла, он сказал::

“Я не могу поймать линию”. Возможно, нам лучше вернуться к разговору. через некоторое время”.

“Хорошо. Я готова. Я выгляжу ужасно?’

“Конечно, нет. Но тебе не обязательно ехать со мной. Я могу вызвать такси’.

“Не нужно. Я отвезу тебя. Если там никого не будет, я сразу вернусь. Готовы?’

НЕОБХОДИМЫЕ СОМНЕНИЯ.

Она остановила машину перед многоквартирным домом и сказала: “Зайди и спроси привратника, впускал ли он кого-нибудь. Если нет, я поеду прямо домой’.

Швейцар сказал: “Джентльмен ждет вас с пяти часов, сэр”. Цвейг поманил Наташу, и она вышла из машины. Дождь лил не переставая. Цвейг дал швейцару полкроны. Он все еще чувствовал себя виноватым из-за того, что не выспался, как будто швейцар мог определить по его виду, что он спал одетым. Он спросил: “Это тот высокий джентльмен с усами?’

“У него нет усов, сэр”.

Наташа сказала: “Должно быть, это Джозеф”.

Цвейг снова почувствовал себя виноватым. Если Гарднер спросит, где они были, сможет ли он ответить: “Мы оба спали в вашей квартире?’ Ему показалось, что швейцар с любопытством, с лукавой усмешкой, взглянул на Наташу . Он раздраженно отвернулся и поспешил вверх по лестнице.

Квартира казалась пустой, Наташа позвала “Джозефа”. Она сказала: “Он, должно быть, в ванной”.

“Нет, здесь”. Они оба резко обернулись. В дверях кабинета стоял Густав Нойманн и улыбался им, засунув руки в карманы брюк.

Наташа первой пришла в себя.

- Почему вы здесь?

- Я не помешал? Простите.

Она повторила: ‘Почему ты здесь?’

- Начнем с того, что это, вероятно, последнее место в В Лондон, где меня будет искать полиция.’

Она сказала: ‘Мы всегда могли бы это изменить”.

Нойманн проигнорировал ее. Он сказал:

- Я пришел поговорить с вами.

Цвейг прочистил горло. - Почему?

‘ Завтра я уезжаю из страны. Я подумал, что сначала нам следует поговорить.

Наташа спросила: - Вы хотите сказать, что надеетесь уехать из страны завтра?

Он продолжал разговаривать с Цвейгом, как будто Наташи здесь не было. “Почему? Есть что-нибудь, что может меня остановить?’

Цвейг сказал: “Полиция хочет задать вам несколько вопросов”.

НЕОБХОДИМЫЕ СОМНЕНИЯ

“По поводу чего?”

‘По поводу того, почему вы приехали в страну в 1937 году с фальшивым паспортом”.

“Я уверена, что смогу их удовлетворить’.

“Вы так думаете?” Снова заговорила Наташа. ‘Они вероятно, они прибудут сюда в любой момент.

Нойманн посмотрел на нее с легким удивлением.

- Так ли это? Надеюсь, что нет. Я согласен, что они могут вызвать непредвиденную задержку.

Она сказала: “Вам также придется объяснить, почему сэр Тимоти упал в обморок, как только вы ушли от него сегодня”.

Небрежность Нойманна исчезла; Цвейг был рад увидеть , что он внезапно стал выглядеть испуганным и обеспокоенным.

- Он это сделал? Вы уверены?”

Цвейг сказал: “Мы оставили его сегодня днем. Когда мы приехали, он казался очень больным”.

“Это плохо”. Нойманн уставился на ковер. “Он взял таблетку, которую я оставил?”

Наташа спросила: “Ты признаешь, что оставил таблетку?”

‘О, да. Но как он сейчас?”

“Когда мы уходили, ему, казалось, стало лучше”, - сказал Цвейг.

“Хорошо. Это ужасно сложно…

- О чем вы хотели со мной поговорить?

- Боюсь, с этим придется подождать. Это очень неловко’ Он перевел взгляд с Наташи на Цвейга. Она спросила:

- Я не мешаю?

Он рассеянно пробормотал: “Нет, нет”. - И посмотрел на часы. - Я поддерживаю значит, они наблюдают за аэровокзалом?’

’ Полагаю, что так.

- Тогда, боюсь, мне лучше немедленно уйти. Это очень жаль. Я надеялся поговорить с вами. Я читал вашу рукопись. Надеюсь, вы не возражаете? Нойманн ушел в кабинет и вернулся с его пальто. Наташа сказала::

“Вы далеко не уйдете’.

Он задумчиво посмотрел на нее.

- Это еще посмотрим. Он застегнул пальто на все пуговицы, затем натянул перчатки. Он посмотрел на Цвейга. - Не хотите ли пройти со мной?

Цвейг удивленно спросил: “Куда?”

Наташа перебила: “Нет, он бы этого не сделал’.

Нойманн улыбнулся ей. - Моя дорогая миссис Гарднер, боюсь , что после нашего вчерашнего обеда вы должны были быть со мной немного грубы. Мне было бы жаль усугублять свою обиду. Но я действительно хотел бы услышать Собственное мнение профессора Цвейга по этому поводу.

Она повернулась к Цвейгу: “Ты не можешь, не можешь пойти с ним. Я тебе не позволю ’.

Цвейг положил руку ей на плечо, не сводя глаз с Неймана.

‘Куда ты хотел пойти?”

“Куда-нибудь, где мы могли бы поговорить”.

Она сказала: ‘Он был бы сумасшедшим, если бы доверился тебе”.

Цвейг спросил: “Если я пойду с тобой, ты вернешь меня сюда потом?’

- Если ты этого хочешь.

Цвейг повернулся к Наташе.

- Я поеду с ним, моя дорогая. Пожалуйста, не пытайся меня остановить. Я тоже хочу поговорить с ним’

- Но ты. … - Она поколебалась, затем повернулась к Нойману. - Вы не могли бы выйти из комнаты на минутку, пока я кое-что скажу?

Нойманн поклонился с серьезным выражением лица.

- Конечно. Я подожду внизу в машине. Он припаркован на другой стороне Керзон-стрит. Он направился к двери. - Надеюсь, мы еще встретимся, мадам. - Он вышел, тихо прикрыв за собой дверь. Они услышали, как его шаги удаляются по лестнице.

Она сказала: “Пожалуйста, не уходи, Карл. Ты не представляешь, насколько он опасен”.

Он взял ее за руку и поднес к своему лицу.

“Я должна”. Я хочу услышать, что он скажет. Он не может причинить мне никакого вреда. И почему он должен этого хотеть?”

‘Потому что вы выдали его полиции! Он это знает . Он, вероятно, ненавидит вас”.

‘Это невозможно. Но ему не было бы никакой пользы , если бы он убил меня”.

‘Но предположим, он не хочет тебя убивать! Предположим, он дает тебе немного этого наркотика? Он хочет получить над тобой власть, такую же, как над Тимом”.

“Сначала он должен заставить меня принять его”. Он усадил ее на подлокотник кресла, затем сказал: “Послушай. Он сейчас ждет внизу в машине. Насколько ему известно, я сейчас на телевидении.-

позвоните в полицию. Он готов мне доверять. И как вы думаете, почему он пришел сюда? Он хочет поговорить со мной. Разве вы не видите, что я должен ему доверять? Пожалуйста, не пытайтесь меня остановить.’

Она спросила: “А что я должна делать, пока тебя не будет? Сидеть дома и гадать, жив ли ты еще?”

‘Я буду жива’.

“Но как я узнаю?’ Она протянула к нему обе руки. - Я только что нашел тебя. Я не хочу потерять тебя так быстро.

Он наклонился и поцеловал ее руки в белых перчатках.

‘ Глупое дитя’

Она внезапно встала.

- Ты не должна уходить. Послушай, я сделаю все, что угодно. Какое-то мгновение он не был уверен в том, что она имеет в виду. Затем она сделала это безошибочно, взяв его руки и положив их себе на грудь. Она наклонилась вперед, так что он почувствовал ее дыхание на своих губах. - Я была бы не прочь отдаться ему полностью… но я не мог смириться с мыслью, что потеряю тебя.

Он отстранился; внезапно он почувствовал только нежность и жалость. Он сказал::

“Пожалуйста, не волнуйся. Но мне нужно идти’.

На мгновение ему показалось, что она вот-вот разрыдается и прижмется к нему. Вместо этого он увидел странное спокойствие в ее глазах; она отстранилась и посмотрела на него; ее глаза были печальными, но больше не умоляющими.

- Хорошо. Я понимаю. Тогда иди скорее. Он повернулся и открыл дверь. Она сказала: “Но постарайся позвонить мне , как только сможешь. Я буду дома’.

“Очень хорошо”. Он вышел и закрыл за собой дверь.

Дождь все еще шел, а он был с непокрытой головой. Он поднял воротник и поспешил по Кларджес-стрит. При мысли о том, что только что произошло, Нойманн показался ему неважным. Его руки все еще ощущали форму ее грудей под тонкой шерстью. Он громко сказал: “Старый дурак”, и прохожий обернулся и посмотрел ему вслед.

Пересекая улицу, он увидел задние фары машины Ноймана Керзон-стрит. Двигатель тихо работал на холостом ходу. Он открыл пассажирскую дверцу и забрался внутрь. Не глядя на него, Ной… Манн выжал сцепление и дал задний ход. Ни один из них не произнес ни слова, пока машина не свернула на Найтсбридж; тогда Нойманн сказал::

“Я так и думал, что ты приедешь’.

Цвейг уставился на мокрую дорогу, на которой отражались огни фар. Он сказал :

“Она не хотела, чтобы я приезжал’.

‘Конечно’.

Цвейг взглянул на лицо Нойманн, но не заметил на нем никакого выражения. под усталостью скрывалось напряжение. Он сказал:

“Она думает, что я сильно рискую’.

Не отрывая взгляда от дороги, Нойманн сказал:

‘И вполовину не так здорово, как я себе представляю”. Он говорил по-немецки, и по какой-то причине это стало для Цвейга шоком. Он попытался проанализировать услышанное - то ли его поразило содержание слов, то ли язык, на котором они были произнесены. Он спросил:

‘Вы? Вы рискуете?’

Молчание затянулось, и он подумал, что Нойманн не собирается отвечать. Затем Нойманн сказал:

‘Если я буду говорить с вами откровенно сегодня вечером, я нарушу правило, которое установил двадцать пять лет назад”.

Он обогнал грузовик и свернул на Кромвель-роуд. Цвейг выглянул в опущенное окно, прислушиваясь к шуршанию шин под дождем, ощущая на лице капли дождя, и задумался о том, что только что сказал Нойманн. Теперь ему показалось странным, что они впервые заговорили друг с другом Они вместе говорили по-немецки с тех пор, как уехали из Гейдельберга. В отеле в В Бери-Сент-Эдмундсе казалось вполне естественным, что они говорят по-английски; оба говорили на нем бегло, без акцента. И все же это подчеркивало, что они оба изменились; он думал о Неймане как о человеке, отличающемся от Гейделя студент Берга. Теперь это уже не казалось правдой; он задавался вопросом, не сделал ли Нойманн это намеренно.

Когда они проезжали Чизвикскую эстакаду, он спросил: “Куда мы направляемся?”

“В знакомый мне коттедж”.

“Если он принадлежит сэру Тимоти, боюсь, за ним могут наблюдать”.

Нойманн быстро взглянул на него:

“Почему?’

- Потому что Гарднер знает об этом и, возможно, сообщил в полицию. /

Нойманн сбавил скорость; на мгновение Цвейгу показалось , что они вот-вот повернут назад, но затем он понял, что они приближаются к красному сигналу светофора.

“Вы уверены?”

“Я уверен, что Гарднер знает об этом. К сожалению, я не видел его весь день, поэтому не знаю, сообщил ли он полиции’.

Нойманн завел машину, когда загорелся красный свет. Он сказал:

‘Вероятно, это не имеет значения. Если я им действительно нужен, они могли бы помешать мне покинуть страну”.

“Так что вы будете делать, если в коттедже вас будет ждать полиция?”

Нойман пожал плечами.

“Это было бы неудобно”.

“Почему?”

Нойман улыбнулся.

- Это я объясню в свое время.

Пока они ехали через Стейнс, оба молчали. Цвейг смотрел на полицейского, дежурившего на посту, и на субботнюю вечернюю толпу и думал о том, что он не чувствует ничего странного. Всю

прошлую неделю он повторял этот вопрос: мог ли Густав быть убийцей? Теперь, когда он сидел рядом с Нойманом, это уже не казалось важным. У него было ощущение, что он позволяет увлечь себя, не задавая вопросов. Вместо этого он подумал: “Он стал больше похож на своего отца, чем когда-либо”, и обнаружил, что его мысли вернулись на сорок лет назад, к дождливому вечеру в берлинском кафе. И снова его охватило ощущение, что время идет, и все остальные мысли стали неважными. Он посмотрел на Ноймана, задумался инг: он тоже; и почувствовал что-то похожее на жалость.

Машина сворачивала на парковку перед пабом. Нойманн поймал его удивленный взгляд и сказал: - Не хотите ли чего-нибудь выпить?

‘Конечно”.

В баре было пусто.

“Что будете пить? Я выпью светлого пива”.

‘Мне то же самое’.

Цвейг уселся у камина и стал наблюдать, как Нойманн заказывает напитки. Он подумал, что выглядит до нелепости молодо - возможно, лет на тридцать. На его лице нет морщин. Очевидно, что он не унаследовал привычку отца беспокоиться.

Нойманн поймал его взгляд, когда тот возвращался через комнату , и улыбнулся.

- У них было немецкое светлое пиво. Он поставил бокалы на стол. - Я предпочитаю его датскому. - Цвейг поднял свой бокал и сказал: - Спасибо. - Нойман улыбнулся.

“За будущее”.

Он сделал большой глоток, затем поставил стакан на стол. Цвейг был удивлен его улыбкой. Он сказал:

‘Ты выглядишь… очень жизнерадостным’.

Он чуть было не сказал: “Ты выглядишь счастливым”. Нойманн вытянул ноги к огню и расправил плечи. Он сказал:

“Я люблю хорошее светлое пиво”.

Цвейг вежливо заметил: “Я помню, вам оно нравилось”.

Нойманн поднял свой бокал.

- Я перестал пить его после смерти Георга Брауншвейгского.

По какой-то причине это имя шокировало Цвейга; он никогда раньше не слышал о нем. надеялся это услышать. Он спросил: “Почему?’

- Раньше мы пили его вместе. Как вы знаете, он мне нравился”.

В голосе Неймана не было ни жалости к себе, ни даже сожаления; он констатировал это как факт, который они оба знали. Между ними повисло молчание, и Цвейг не чувствовал необходимости заполнять его разговорами. Он ждал. Разговор должен был быть в руках Нойманна. Когда они оба осушили свои бокалы, молчание все еще казалось естественным.

‘Еще?”

‘Я принесу”.

Цвейг подошел к прилавку. Когда он вернулся, Нойманн сказал::

“Надеюсь, полиция не ждет в коттедже”. То, что я должен вам сказать, может занять много времени’.

- Тогда почему бы вам не остаться здесь?

- Нет. Через час здесь будет полно народу.

Когда Цвейг собирался выпить, он спросил:

Почему вы решили поговорить со мной?

‘ По нескольким причинам. Нойман уставился в свой стакан; на

верхней губе у него блестела пивная пена. “Начнем с того, что я прочитал кое-что из вашей рукописи Хайдеггера”.

“Понятно”.

Нойманн посмотрел на него.

“Да, это так… странная свежесть. Это напоминает мне о ваших ранних книгах.’

’ Благодарю вас.

Нойман улыбнулся. Это была односторонняя улыбка, которую Цвейг изобразил запомнилось ему со студенческих времен; это произвело на него впечатление

дружелюбие и самоирония.

“Я думаю, нам есть что сказать друг другу”. Он нахмурился, казалось, колебался, затем сказал: “Вы честный человек”.

Комплимент поразил Цвейга. Его первой реакцией было сказать “Я надеюсь на это”, но он подавил ее. Вместо этого он спросил:

“Почему мы остановились на этом?’ Он знал ответ, но хотел услышать его от Ноймана.

- Потому что я хочу сказать тебе кое-что, не опасаясь, что ты вмешаешься. разрушение.’ Дверь открылась, и, громко разговаривая, вошли три человека . Нойманн нахмурился и наклонился вперед. - Дело вот в чем. Я уже говорил, что рискую, разговаривая с вами. - Говоря это, он смотрел на крышку стола, и Цвейгу пришлось наклониться вперед, чтобы расслышать слова. - Я не имел в виду физический риск. Но я ни с кем не говорил о том , что собираюсь вам рассказать….

Цвейг спросил: “Даже с сэром Тимоти Фергюсоном?”

Нойманн поднял глаза и понимающе улыбнулся.

“Да, он знает немного”. Но не так уж много. Ты помнишь, как Однажды вечером я привел к тебе Георгия, и он рассказал тебе о своей самой важной идее? Ты помнишь, что это была за идея?

Цвейг покачал головой.

- Дело было в следующем: он подозревал, что каждый когда-либо живший человек полностью растрачивал свою жизнь впустую. Ты действительно помнишь это?’

- Думаю, да.

Нойманн пожал плечами. - Я знаю, это звучит очевидно. Я часто слышал, как он это говорил, но мне это никогда не казалось таким важным. Но после его смерти его мать передала мне его труды - все его бумаги - и он начал писать эссе на эту тему. И впервые я понял, что он имел в виду. - Нойманн впервые пристально посмотрел на Цвейга и заговорил обдуманно. - Он имел в виду, что если вся человеческая жизнь содержит в себе некую основную ошибку, то человек, осознавший это, будет совершенно одинок. Он не мог ни с кем поговорить. Другие люди могли только смутить его уверенностью. Ну, когда я убедился, что он прав, я также понял , что мне придется работать в одиночку..

‘Но твой отец…?’

В какой-то степени, он был моим отцом. Я мог бы поговорить с ним. Но только о поверхностных аспектах. Он помолчал, затем посмотрел снова

прямо на Цвейга. - С тобой я больше не мог разговаривать. Ты под почему вы стоите? Дело было не только в том, что вы оказались в другой стране, но и в том, что вы стали христианским мыслителем. Мне пришлось отказаться от всего, чему ты меня когда-либо учил. Без сомнения, я слишком резко отверг это

предложение. Он помолчал и достал пачку маленьких сигар; Цвейг взял одну. Он подумал, не был ли этот жест символичным. ‘Даже сейчас я не уверен, поймете ли вы то, что я хочу сказать”.

Он протянул Цвейгу спичку, и тот зажег сигару. Он спросил: “Тогда зачем рассказывать мне об этом сейчас?”

Нойманн погасил спичку. ‘Потому что - эта причина может показаться вам невероятной - я сентиментален”.

“Я верю вам”, - сказал Цвейг.

Двое мужчин и женщина подошли к камину; женщина протянула к нему руки, затем сказала Цвейгу: “Извините меня”.

Цвейг улыбнулся, отодвигая свой стул. “Конечно’. Ной манн осушил свой бокал и встал.

- Возможно, нам пора ехать.

Когда они сели в машину, он продолжил говорить, как будто их и не прерывали.

- Поэтому мне было важно получить возможность поговорить с вами до того, как я покину страну. И если нам никто не помешает… - Он выехал на дорогу. Когда они ехали дальше, он неожиданно спросил: “Ты голодна?”

“Нет. Не сейчас”.

“Я купил еды. Мы можем приготовить ее в коттедже’.

Цвейг подумал о Наташе, ожидающей его у телефона, и подумал, не стоит ли ему предложить позвонить ей прямо сейчас. Прежде чем он смог принять решение, Нойманн сбросил скорость и свернул налево, на второстепенную дорогу’

“Мы почти на месте’.

Проехав еще несколько миль, Нойманн свернул в узкий переулок. Теперь они оба молчали. Свет фар выхватывал очертания деревьев по обе стороны дороги. Цвейга так и подмывало сказать: “Почему бы не повернуть назад? Остановись где-нибудь в отеле”, - а потом понял, что это ничего не изменит. Если бы полиция ждала здесь, они в конце концов нашли бы Ноймана.

Через пять минут в темноте показались огни. Нойман сказал: “Это

ферма”.

- Вы бывали здесь раньше? - спросил я.

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

“Однажды, через несколько дней после того, как мы приземлились”.

“Тогда почему ты не осталась здесь, вместо того чтобы ехать в Бери -Сент-Эдмундс?”

“Ты поймешь, когда мы приедем туда’. Он свернул с дороги. На ферме залаяла собака, и из освещенного окна выглянуло женское лицо. Фары автомобиля осветили узкую грязную дорогу, по середине которой текла вода. Шины занесло, затем они застряли. Пройдя еще сотню ярдов, Нойман сказал: “Боюсь, придется открыть ворота. Вы не возражаете? Цвейг, спотыкаясь о мокрую грязь, вышел на улицу и нащупал ржавую проволоку, которая удерживала ворота закрытыми. Ветер разносил тошнотворный запах свиного навоза. Когда он снова сел в машину, то с сожалением увидел, что его ботинки и брюки покрыты грязью.

Машина покатила по извилистой дороге с выступающими камнями; затем в свете фар показался беленый коттедж. Нойманн тихо сказал: “Сейчас посмотрим’. Он остановил машину, достал ключ из отделения для перчаток и открыл дверцу. Цвейг подождал, пока он откроет заднюю дверцу, прежде чем выйти из машины. Неподалеку послышался звук льющейся воды . Когда подул ветер, с верхушек деревьев на него посыпались капли дождя.

Он стоял в совершенно темном, пахнущем сыростью помещении. Нойманн зажег спичку и принялся возиться с газовой горелкой. Когда бледный свет залил комнату, Цвейг увидел, что они на кухне. Из шкафа в углу донесся какой-то шум. Нойманн сказал “Мыши’.

Цвейг с улыбкой заметил: “Но никакой полиции”.

“Насколько мы можем судить”. Он прошел в соседнюю комнату и зажег еще одну газовую лампу. Цвейг увидел, что камин завален

дровами для растопки. Цвейг подошел к окну и задернул занавески; они прогнили и рвались у него в руках. Нойман сказал: “Теперь вы понимаете, почему мы предпочли другой коттедж”.

Он отвинтил крышку от жестяной банки и полил керосином поленья для растопки. Пять минут спустя потрескивание поленьев в камине оживило обстановку. Когда Нойманн вышел на улицу и выключил фары автомобиля. Цвейг услышал шум за спиной, когда он повернулся, свет от камина упал на красные глаза крысы , которая мгновенно исчезла. Он выругался и, когда Нойманн вошел , сказал: “Я нервничаю больше, чем вы”.

Нойманн пожал плечами. ‘Это подходящее место для разговоров. Вы бы хотели

еще выпьете? У меня есть немного виски или джина.

Цвейг сказал’ “Немного, пожалуй”. Он не испытывал желания пить, но ему нужно было расслабиться.

‘Вы устали?’

‘Физически. Последние несколько дней были такими… скорее бывший надменный.’

- Я понимаю. В улыбке Ноймана не было сарказма. Он достал из кармана маленькую бутылочку и отвинтил крышечку. - Возможно, тебе стоит попробовать что-нибудь из этого.

’ Что это?

- Это мое собственное открытие. - Нойман вытряхнул на ладонь маленькую зеленую таблетку размером с сахарин и положил ее в рот. - Попробуйте’

Цвейг взял таблетку. На вкус оно было горьким, поэтому он тут же проглотил его. Нойманн принес два стакана и налил в каждый по глотку виски. Цвейг сделал большой глоток и сразу

почувствовал, как в желудке разливается тепло. ■>»

Нойманн придвинул кресло поближе к огню. Его обивка была влажной, и от подлокотника, который находился ближе всего к огню, поднимался пар. Нойманн сказал:

‘На меня произвело впечатление первое предложение вашей книги Хайда Эггера. Мне показалось, что это позволяет проникнуть в суть проблемы. Восприятие человеком мира - это, по сути, восприятие ограниченности….’

‘Я заметил нечто очень похожее в вашей статье о самоубийстве”.

‘Ах, да… Я видел это у вас на столе. Но идея принадлежала не мне . Опять же, она исходила от Георгия. Я мог бы сказать, что это было моей отправной точкой.

Цвейг с улыбкой спросил: “А не ты ли мечтал стать великим преступником?”

‘Ах, это. Вскоре я отказался от этого”.

“Почему?”

‘Потому что у меня были более интересные занятия”… Но вернемся к проблеме ограничений… в чем дело?”

Ощущение удовольствия, возникшее у Цвейга , выразилось в виде смеха.

‘Эффект от этой таблетки. Это замечательно”.

‘Как вы себя чувствуете?”

‘Странно. Голова совершенно ясная…’

Цвейга вдруг поразило, что эта комната могла наводить на него тоску. Это правда, что стены отслаивались

и покрытый пятнами сырости, и что потолок изъеден древоточцами; но эти вещи были горячими сами по себе. приятный. Напротив, их намек на строгость ему понравился. Его мозг был похож на электрический генератор, работающий как прожектор; его тело казалось более реальным, чем обычно, каким-то образом управляемым, его собственным, а не случайным продолжением его самого

‘Что это? Что было в табличке?’

- Для вас это ничего не значило бы, если бы я вам сказал. Большую часть работы над этим сделал мой отец. К сожалению, он умер раньше, чем я успел сделать это. Я усовершенствовал его открытие.

‘ Это наркотик?

- Наркотик воздействует на организм не только возбуждающе и стимулирующе, как вы понимаете, но и снижая его эффективность. Например, виски - это своего рода наркотик. Он дает вам ощущение внутреннего тепла, но также и затуманивает все ваши представления.

Это все равно, что носить теплое пальто, чтобы не замерзнуть; это также ограничивает свободу движений. То , что вы только что попробовали, не подавляет и не стимулирует: оно просто устраняет определенные препятствия и позволяет вашей энергетической системе работать без потерь и трений.’

‘Как вы это называете?”

“Нейромизин. Это производное нейрокаина’.

“Что такое нейрокаин?’

“Это то, что я сейчас объясню. Прежде всего, позвольте мне объяснить мою основную идею. Теперь вы понимаете, почему я придаю такое большое значение идее ограничения?”

“Я… думаю, что да”.

“Понимаете? Пять минут назад вы воспринимали свою усталость как ограничение. Вы были готовы бороться с этим, но вы, как решил, что тебе придется с этим смириться. И это была идея, над которой Георгий заставил меня задуматься. Ты знаешь, что он был более спокойным человеком, чем я. Он никогда не выходил

из себя. И все же, как ни странно , он был скорее бунтарем. Потому что он заставил меня задуматься над этим вопросом: предположим, что вся человеческая жизнь до сих пор была ошибкой. направление? Он часто цитировал одного из пророков, который сказал: “Забери мою жизнь, о Господи, ибо я ничем не лучше своих отцов”. И он сказал: “У этого человека было настоящее восприятие. Он видел, что человеческая жизнь не должна быть статичной и бесполезной”. У него была еще одна любимая цитата: “Жизнь - это подготовка к какому-то то, чего никогда не бывает.” Он обычно говорил: “Это то, что

пророк имел в виду”. Он привык думать, что у человека есть какая -то важная способность, которой он никогда не пользовался, о существовании которой он едва ли подозревает. …’

- Вы имеете в виду телепатию или что-то в этом роде?

- Вот что имел в виду Георгий. Я не уверен. Проблема возникла у меня не так . Позвольте мне рассказать вам, как я впервые столкнулся с ней. Вы помните, как у нас в Гейдельберге постоянно отключали электричество и газ, и половина рабочих бастовала? Так вот, однажды мой отец поставил чайник, чтобы сварить кофе, но газа было очень мало, и на то, чтобы вскипятить его, ушел почти час. Мой отец пытался написать статью для журнала “Псих” логический журнал одновременно. Внезапно он поднял голову и сказал: “Мой мозг похож на тот чайник — он не закипает”. И в мгновение ока меня осенило: вот что не так со всем человеческим сознанием. Давление настолько низкое, что оно никогда не закипает. Мы живем в половинчатом напряжении. Мы все испытываем психологическую недостаточность страдаем из-за низкого давления сознания. Мой отец был прав. Если бы его сознание было более ясным, статья была бы написана так быстро, как только могла двигаться по бумаге его ручка.’ Нойманн говорил быстро, улыбаясь , а потом встал и пересек комнату, удаляясь от камина. “Ах, именно тогда я пожалел, что рядом нет Георгия , чтобы я мог с ним поговорить. Потому что внезапно до меня дошло: я наткнулся на решение его проблемы - по крайней мере, на верное направление. Потому что, если человеческая жизнь имеет все способы были тщетны, это потому, что люди живут в половинчатом напряжении. Бывают определенные

моменты, когда сознание обостряется - например, во время сексуального оргазма, - и мы получаем представление о реальных возможностях мозга и тела. Но , по большей части, мы похожи на динамо-машины, которые вращаются бесконечно медленно, потому что питаются от простой струйки электричества. Теперь передо мной возникла проблема: каков источник электрического тока, который приводит нас в движение? Он остановился, наклонившись Он прислонился к старому комоду, стоявшему в углу, и посмотрел на Цвейга сверху вниз; Цвейгу потребовалось несколько мгновений , чтобы понять, что от него ждут ответа. Он медленно произнес:

- Источник? Энергия… сила воли, я полагаю…

Нойманн вмешался: “Вполне. И вы не можете волеизъявлять без определенной цели. Это похоже на порочный круг. Именно так мне показалось , когда я впервые задумался над этой проблемой. Вы помните тот скандал с машиной, которую я украл и проехал через черту на куличках?

Именно это дало мне своего рода ключ к разгадке. Я признаю, что Я был в абсурдном состоянии духа, когда делал это. Смущен и зол — но зол не на что конкретно, а только на жизнь и судьбу. Что ж, я помню, что мне нужен был какой-то знак, знак того, что судьба заботится обо мне. Я подумал, что если я нахожусь в этом мире с определенной целью, вмешается ли Бог , если я попытаюсь покончить с собой? Это звучит глупо, но это казалось разумным. хитрый и разумный в то время. Итак, я угнал машину и поехал на обочину Дьявола, а затем погнал ее так быстро, как только мог, к краю обрыва. И следующее, что я осознал, - это то, что я лежу, весь в синяках, на земле, а машина в пятистах футах подо мной охвачена пламенем. Помимо моей воли, Я выпрыгнул из машины в двух футах от края обрыва. Ты видишь? Я не желал этого. Что-то глубоко внутри меня - что-то за пределами моего повседневного сознания - выбросило меня из машины. Я не могу объяснить свои чувства, когда я лежал там и смотрел на пламя в долине, но это был настоящий момент. грандиозный триумф. Все сомнения,

казалось, рассеялись. Моя динамо -машина внезапно заработала на полную мощность. Казалось, что 1 под выдержал все. Я помню, как сидел там и повторял: “Ты дурак, ты дурак”. Но я не корил себя за то, что угнал и разбил дорогую машину. Я говорил: “Ты дурак, почему ты вообще сомневался?” - Нойман остановился; волнение покинуло его глаза; он пожал плечами. ‘Я не горжусь этим эпизодом. Это было глупо. И все же это имело определенную экспериментальную ценность. Потому что Я пришел к убеждению, что источник силы находится совершенно за пределами досягаемости человеческих существ - что мы должны ждать, пока судьба ниспошлет нам момент озарения. Этот опыт научил меня, что все находится внутри нас; все, что нам нужно сделать, - это нажать на выключатель. Но этот выключатель тщательно спрятан….

Цвейг резко развел руками, словно хватаясь за что-то в воздухе перед собой, и беспомощно произнес ‘Но почему вы не поговорили со мной обо всем этом?” Он боялся, что ответом будет: “Я пытался, но вы не захотели слушать”. Он почувствовал облегчение, когда Нойманн сказал::

“Потому что мне было стыдно”. По крайней мере, какой-то части меня было стыдно. Другая часть была полностью отделена. Когда, на следующий день, Я сказал отцу, что взял машину, выслушал его возражения, но продолжал думать: “А почему бы и нет? Я только что провел эксперимент, который может иметь огромное значение последовательность в отношении к миру, столь же важная, как и любой из экспериментов

в Галилее, Ньютоне, Резерфорде”. Потому что я, к своему собственному удовлетворению, убедился в существовании у себя на подсознательном уровне цели, у которой были веские основания не желать моей смерти. Именно в это время я осознал, что, несмотря на свою внутреннюю неуверенность, мне, казалось , довольно легко удавалось подчинять себе других людей. Например, я заинтересовался проблемой гипноза. И именно благодаря этому я пришел к еще одному важному выводу:

большинству людей не нравится их собственная идентичность. Вы помните Герду Либкнехт? Нет? Девушка, которая была заведующей отделением Кэт молодежная гильдия olic и различные группы религиозного обучения? Ее личность очаровала меня, потому что она казалась такой уверенной в себе и своих убеждениях. Поэтому я намеренно познакомилась с ней поближе и попыталась раскрыть секрет ее силы. Однажды вечером, когда у нее разболелась голова, я убедил ее позволить мне снять ее гипнозом , погладив ее по лбу. Через неделю у нее были все позволила мне убедить ее вступить в Коммунистическую партию и отказалась от всех своих прежних убеждений. И я начинаю понимать, что ее сильная личность была способом скрыть свою неуверенность. Под гипнозом она призналась во всех своих страхах и сомнениях. Все это, конечно, вам знакомо. Вы говорили то же самое во многих своих книгах. И все же , до того случая с Гердой, мне никогда не была ясна истина этого утверждения. Тогда я пришел к пониманию, что мужчины формируют себя как личности, когда строят дома, чтобы защитить себя от окружающего мира. Но, построив дом, они вынуждены в нем жить. Они становятся его пленниками. И большинство людей так спешат спрятаться в своих четырех стенах, что строят дом слишком быстро… вы понимаете меня? Поэтому я всегда наблюдал за мужчинами, которые , казалось, чувствовали себя в этом мире как дома - уверенными в себе, непринужденными - и осознавали, что понимая, что большинство из них ненавидели свои дома - я имею в виду людей , которых они построили для себя. Друг моего отца Герхардт Сейферт был тому примером….

Цвейг сказал: ‘Ах…’

- Он сколотил состояние в Америке, владел железной дорогой и газетой и ненавидел себя так сильно, что всю жизнь страдал от воображаемых болезней. Только моему отцу он заплатил за лечение более четверти миллиона марок.’

Он замолчал, чтобы посмотреть на Цвейга, который внезапно встал и принялся расхаживать по комнате. Цвейг сказал::

‘Прошу прощения. Пожалуйста, продолжайте’. ч 225

НЕОБХОДИМОЕ СОМНЕНИЕ

‘Как ты себя чувствуешь?” , {A . ,

- Совершенно невероятно. - Цвейг развел руками. Изумлять предельно ясно. Все, что вы говорите, вызывает у меня желание написать сотню комментариев. У меня такое чувство, что я мог бы написать книгу за двадцать—

четыре часа’… ,

Нойманн, улыбаясь, сказал: “Тогда выпейте еще виски”.

“Зачем?”

‘Это ослабит эффект”. ,

“Я не хочу его ослаблять”. Как вы только что говорили, Я внимательно слушал, а также размышлял над проблемой , изложенной в последнем разделе моей книги о Хайдеггере, - проблемой, которая занимала мои мысли в течение двух лет. И совершенно неожиданно я увидел ее решение - так же легко, как спортсмен перепрыгивает через ворота. Простите, что я вот так перебиваю, но меня это почти пугает инг. … Ты хоть понимаешь, что натворил? Вы создали препарат, который может изменить ход мировой истории. …’

Нойманн поднял руку, мягко прерывая его: .

Простите, но вы ошибаетесь. Нейромизин оказывает на вас такое воздействие, потому что у вас очень дисциплинированный ум. Ваша проблема в том, что ваше тело обычно подавляет вас. Вы пытаетесь думать, а тело тянет вас за собой, это все равно что пытаться вести машину с включенными тормозами. Нейромозг отпускает тормоза. Вы потратили пятьдесят лет на то, чтобы дисциплинировать свой разум и эмоции. Тем не менее, сейчас вы проявляете признаки напряжения и переутомления. волнение. Представьте, что произошло бы, если бы совершенно недисциплинированный человек принял наркотик. Его разум был бы подобен зоопарку с открытыми клетками — полный хаос. От волнения у него бы отключился мотор мозга.’

Он налил полстакана виски и молча протянул его Цвейгу. Цвейг поколебался, затем взял стакан и выпил половину залпом. Эффект наступил почти мгновенно; это было все равно что залить огонь водой. На мгновение он почувствовал , что задыхается, и

вынужден был присесть на подлокотник кресла. Через несколько секунд это прошло. Ощущение благополучия и контроля осталось, но какая-то часть его сознания была словно под наркозом. Нойманн снова заговорил, но более мягко, как будто желая успокоить

Цвейга. # .

- Вы понимаете, к чему я клоню? У обычного человека нет внутренней дисциплины. Вы потратили около двадцати лет на то, чтобы просто научиться думать. И это обучение включало в себя развитие тонкого контакта между вашей интуицией и вашими интеллектуальными механизмами. И

и все же, как часто вы допускаете ошибки, даже сейчас, и обнаруживаете, что потеряли интуицию в процессе воплощения ее в слова? Представьте, что произошло бы с обычным человеком после небольшой дозы нейромизина. Возьмите шахтера и попробуйте обучить его высшей математике, и вы, вероятно, доведете его до нервного срыва вниз. Это все равно, что пытаться научить слона чинить часы. Большинство наших дисциплин направлены на сдерживание энергии джи. Нейромизин просто откроет энергетические шлюзы и сведет человека с ума. Невротика он уничтожит за считанные минуты. Понимаете, почему? Вы, например, сейчас не чувствуете голода, потому что расходуете только свою резервную психическую энергию. Если бы вы были менее дисциплинированы, то испытывали бы зверский голод, потому что сжигали бы и свою физическую энергию. Человек - это набор цепей, подобный электронному Я соображаю. У невротика все цепи неправильно подключены-Я связан, так что он постоянно растрачивает свою энергию впустую. Ты , || начинаешь понимать?' ….

|: Цвейг сказал: “Значит, вы рисковали, позволяя мне

что это за материал? ˆ

‘ Нет. Прочитав вашу книгу о Хайдеггере, я понял, что п: никакого

риска не было’

Если “Спасибо‘.

Огонь в камине угас, превратившись в тусклый отблеск. Цвейг подбросил в огонь еще одно полено , отчего посыпались искры; он заметил, что каждая искра, казалось , была четко отделена от предыдущей, как будто он мог сосчитать каждую в отдельности. Никогда еще его разум не был таким холодным и ясным, когда он спросил:

‘Это то, что случилось со стариками?”

Нойманн не выказал удивления.

• ‘Нет’.

“И они действительно покончили с собой?’

“Да”.

“Но почему?’

“Чтобы объяснить это, потребуется некоторое время. Однако, если нам никто не помешает, у нас впереди весь вечер. С чего бы вы хотели , чтобы я начал?’

- Вы рассказывали мне о Сейферте, когда я прервал вас С тобой.’

- Ах, да, Сейферт, как я уже сказал, страдал от многих воображаемых ф: болезни. Но в последний год своей жизни он страдал от настоящей беды - рака позвоночника.’

- Это ты… уверен? - Цвейг задал этот вопрос как бывший скорее от облегчения, чем потому, что он сомневался в утверждении Неймана*

- О, вполне. Я узнал об этом случайно однажды, когда Я подслушал, как Сейферт просил моего отца убить его.

Он был серьезен?

- Вполне серьезен. Вы помните тот маленький чулан рядом с кабинетом, в котором мой отец хранил свои книги о наркотиках? Я сидел однажды я сидел и читал, когда мой отец пришел с Сейфертом. Сейферт только что узнал, что ему осталось жить меньше полугода. Поэтому он хотел, чтобы мой отец дал ему какое-нибудь лекарство , которое убило бы его безболезненно. Он даже предложил оставить моему отцу большую часть своих денег, если тот согласится. Мой отец отказался'

"Он бы согласился'.

'Он предложил Сейферту лекарства, чтобы заглушить боль, но сказал , что не может дать ему ничего, что могло бы сократить его жизнь хотя бы на день. Он пытался убедить старика, что надежда еще есть. Итак, в тот вечер я отправился домой к Сейферту и сказал ему, что могу ему помочь. Мне нужны были деньги. Я устал полностью зависеть от своего отца. Я хотел иметь возможность провести некоторые собственные исследования. Поэтому я сказал Сейферту, что Я мог бы избавить его от боли на несколько месяцев с помощью гипноза и лекарств. И я сказал ему, что, когда эти методы перестанут быть эффективными, я дам ему лекарство, которое убьет его безболезненно. Я назвал ему свою цену - четверть миллиона марок. Нойманн помолчал, глядя на Цвейга, словно ожидая комментариев. Когда Цвейг промолчал, он продолжил:

:

- Он, конечно, согласился. И я немедленно начал курс лечения. Вы знаете, что я всегда был увлечен лекарствами. В некоторых отношениях я знал о них больше, чем мой отец. Я также использовал любую возможность, чтобы пополнить свой личный аптечный пункт. Это было нетрудно, так как мой отец был не очень наблюдательным человеком. Так что мне не составило труда дать Сейферт дал ему лекарства, которые могли бы ослабить боль, и ввел в гипнотический транс, в котором я внушил ему, что он скоро поправится.

'Через несколько недель я понял кое-что, что упустил из виду. Когда Сейферт умрет, будет проведено вскрытие, и результаты будут шокирующими - для меня. И я понял , что ему придется совершить самоубийство таким образом, чтобы не было

НЕОБХОДИМЫЕ СОМНЕНИЯ

У меня не могло быть сомнений относительно причины смерти… Я думаю, вы можете догадаться об остальном. Я объяснил ему проблему, но (он с трудом понял. Но с помощью постгипнотического внушения—

Честно говоря, у меня не было никаких трудностей. Моей единственной заботой было… Я придерживался буквы своей сделки - не убивать его, пока это не стало возможным. Я сделал все возможное, чтобы предотвратить боль. Это было не так просто, как казалось Я чувствую себя хорошо, потому что в течение последнего месяца он пребывал в странном ступоре, так что было трудно сказать, насколько сильно ему было больно. Но в конце концов стало очевидно, что я ничего не могу сделать , чтобы он не умер в муках. В то время мы находились в Швейцарии , и мои запасы наркотиков были на исходе. Так Я предложил ему написать предсмертную записку, а затем отправиться в место, расположенное в десяти милях отсюда, где была хижина пастуха § на краю оврага. Затем он проглатывал капсулу с 1 метр', "цианид и прыжок".

!• "Почему именно цианид?'

Я "На случай, если при падении он сильно пострадал, но все еще жив. Я должен |: признаю, что это был мой самый большой риск. Он мог бы взять с собой! Принимал цианид и боялся прыгать. В этом случае не было бы У меня не было вопроса о том, где он раздобыл яд… не говоря уже о наркотиках. Однако он прыгнул. И падение все равно убило бы его, потому что у него был полностью раздроблен череп. Впоследствии я узнал, что он оставил мне гораздо больше четверти миллиона марок.

Он замолчал, уставившись на Цвейга. Помолчав, Цвейг сказал: - А остальные?

• сначала я хотел бы рассказать тебе о множестве других вещей. Я сожалел о смерти Сейферта, но это было неизбежно. И все же у

меня возникло неприятное ощущение, что я участвовал в преступлении, хотя, возможно, дело было только в самоубийстве.
— Я помню… Мне было почти плохо, когда я должен был опознавать тело. я спросил: “А ваш отец знал?’

- “Я сказал ему позже - шесть месяцев спустя’.

- Что он сказал?

‘ Он был в ужасе, но к тому времени уже мало что мог сделать. Видите ли, мы были вынуждены покинуть Германию, и он потерял большую часть своих денег. С другой стороны, мои деньги лежали в швейцарских банках. В основном на мои деньги была оборудована наша первая лаборатория под Цюрихом. Мы вместе работали над препаратом, который в конечном итоге стал нейромизином. Так что же он мог сделать?’

“Это из-за него он покончил с собой?”

‘Нет. Но я расскажу вам и об этом тоже. Как вы знаете, мы работали над идеей “наркотиков правды”. Моего отца это интересовало с точки зрения нейрохирурга - то есть, какие препараты влияют на определенные участки мозга. И он совершенно случайно обнаружил препарат, который воздействовал на ту часть мозга, которая отвечает за привычки. По некоторым данным, бывший во-первых, это был очевидный шаг от экспериментов Павлова по выработке двигательных рефлексов. Мой отец был в тесном контакте с Бергером и Голлой, которые, как вы знаете, оба работали над проблемой электрических импульсов мозга. Мой отец вскоре обнаружил, что при использовании электрического прибора, и небольшой количеств некоторых производных атропина, можно было полностью уничтожить несколько простых, привычных моделей. Изначально его идея заключалась в том, чтобы усовершенствовать препарат, который уничтожил бы привычку к курению и другие формы компульсивного поведения. Он полагал, что это принесет

ему достаточно денег, чтобы оборудовать большую лабораторию для исследований мозга. Теперь я заинтересовался всем этим по совершенно другим причинам. И когда я впервые узнал об идее моего отца создать лекарство, разрушающее привычки, я был так взволнован, что мне пришлось совершить десятимильную прогулку, прежде чем я смог себя контролировать. Понимаете почему? Я был одержим идеей ограниченности человека. Почему сознание иногда превращается в костер, который дает нам проблеск высшего мужчина? Я вижу, что вы справились с этой проблемой в своем Книга Хайдеггера. И вы, по-видимому, пришли к тому же выводу , что и я, - что для эволюции человека важно , чтобы сознание человека было “нормировано”. Затем, в своей борьбе за достижение более глубокого сознания, он создает язык эпохи, символы и весь остальной аппарат цивилизации. Что ж, мне показалось, что этот механизм эволюционной силы - ограничение человеческого сознания - в настоящее время исчерпал свои полезные возможности. мыс. Сама сложность устройства, которое мы создаем , начинает ошеломлять нас. И все же мы не можем избавиться от привычки жить настоящим, ограничивая свое сознание. Мне вдруг показалось, что открытие моего отца решит мою собственную проблему. Поскольку я осознавал, что мои собственные привычки мешают мне достичь желаемого видения. Например, в тот момент, когда я вел машину через черту, я, помню, сказал себе: “Я стал другим человеком, я никогда больше не буду получите это представление. И все же, как только я вернулся домой, в

старое окружение, старые привычки мышления вернулись. внезапно видение исчезло. Я верил, что если бы я смог принять дозу нового препарата моего отца, когда стоял и смотрел на горящую машину, то новое видение вернулось бы ко мне. закрепленный навсегда. Старые привычки были бы уничтожены. И именно поэтому я был рад потратить большую часть своих денег на оснащение нашей лаборатории недалеко от Цюриха. Мой отец хотел создать лекарство от курения. Я хотел создать лекарство для создания сверхчеловека… или, скорее, для того, чтобы облегчить сверхчеловеку создание самого себя. Итак, с 1933 по

1936 год мы неустанно работали над проблемой нашего нового препарата. И вот однажды утром мой отец вошел в мою спальню, неся предметное стекло, на котором было несколько кристаллов, похожих на иглы. Это была неочищенная форма нейрокаина, нашего препарата, разрушающего привычки.

“Вы имеете в виду нейромизин?’

- Нет. Нейромизин воздействует на железы так же сильно, как и на мозг. Нейрокаин может вызывать временный паралич определенных центров выработки привычек. Это все, что мы знали об этом. Никто из вас не знал , на какие привычки это повлияет. Я подозревал, например, что это может повлиять на образ мыслей, на то, как мы видим самих себя, а также на привычки физического поведения. Человек, который привык считать себя слабаком и трусом, внезапно осознает, что у него есть возможность выбора - быть трусом или героем. Привычка потеряет свою силу. Теперь вы понимаете, почему я был так взволнован? Вы писали о человеческой привычке к самообману, но у вас никогда не было возможности понаблюдать, что произойдет, если мы избавимся от этой привычки. Я был на грани того, чтобы убедиться в этом самому.

“Я хотел немедленно принять лекарство. Мой отец отказался. Он указал на то, что он старше меня, что кон впоследствии его жизнь стала менее ценной. Если препарат был вреден, Я бы остался, чтобы продолжить его работу. Поэтому в конце концов я согласился, что он должен быть первым, кто попробует это сделать. И в то же утро мой отец приготовил раствор нейрокаина и ввел его внутривенно. злобно. Поначалу результаты были именно такими, как мы и ожидали. Через два часа он почувствовал огромное облегчение. Он вдруг помолодел лет на двадцать. Он начал говорить о нашей будущей работе с потрясающей ясностью и доходчивостью. Я был так взволнован, что поделился с ним всеми своими надеждами. Он согласился со всем, что я сказал. Теперь мне не терпелось как можно скорее принять дозу нейрокаина. Он убедил меня подождать, пока

еще несколько дней, на случай, если последствия будут неприятными. Я до сих пор помню свое душевное состояние в те два дня. Я был абсолютно уверен, что наткнулся на ответ на

старейшую проблему всех философов - почему человек не является богом. Я также мог видеть опасность этого наркотика в том, что без своих обычных привычек мужчина должен был бы быть абсолютно уверен в своей цели и направлении - ему нужно было бы иметь некоторые то, чем можно заменить привычки, - новые привычки мышления и поведения, которые будут превосходить старые. И все же действие препарата на моего отца подтвердило наши самые большие надежды. В течение двух дней он был полон энергии. Он много ел и пил и никогда не переставал говорить. Он сразу же бросил курить. Вы помните, что у него также подергивалась левая щека, которая становилась более заметной, когда он уставал; это тоже исчезало. Он сказал мне, что препарат вызвал странный эффект легкости, но не головокружения. Он сказал, что чувствовал себя духом, как будто мог за несколько секунд взлететь или отправиться куда угодно.

‘После второго дня началась реакция. Он стал вялым и безучастным. Он также жаловался, что его тело стало тяжелее и что ему было трудно ходить. Я пытался дать ему стимулятор. несколько секунд, и это, казалось, сработало. Затем, через четыре дня после того, как он принял наркотик, он пошел в свою комнату и принял доза снотворного. Я так и не узнал, то ли он просто хотел подольше поспать, то ли хотел покончить с собой.

‘В течение трех недель после его смерти у меня не было времени задуматься о проблеме нейрокаина. Там было полно репортеров и сочувствующих. Я рассказала, что мой отец был в депрессии из-за потери своих денег и положения родственников, живущих при нацистах. В конце концов, я снова была предоставлена самой себе и решила принимать наркотик.

“Почему?’

- Потому что я хотел знать, почему он покончил с собой. Я рассудил, что мой отец не был человеком, который жил ради великих идей, - он был просто прекрасным нейрохирургом. Следовательно, у него не было достаточно целеустремленности, чтобы преодолеть свое замешательство в новых условиях. Я верил, что моя сила воли сильнее, чем у него. В любом случае, я решил принимать только половину того количества препарата, которое принимал он.

Первым эффектом было то, что я испытал необыкновенное чувство

в свободе. Я был так взволнован, что почувствовал, что хочу рассказать некоторым тело. Поэтому я сел и написал тебе письмо.

- Мне? В 1936 году? Но я его так и не получил’

‘ Нет. Я так и не отправил его. Прежде чем отправить это сообщение, я отправил запрос на вашу последнюю книгу из Цюриха. Это была ваша книга о скрытом смысле использование религиозных символов. И из этого я заключил, что вы были на грани того, чтобы объявить себя христианином. Мне казалось , что вы предали дело философии. Вы учили меня, что глубочайшая проблема человека - это отсутствие у него свободы. И теперь, когда мне казалось, что я нашел новый способ вернуть человеку свободу, ты проникся идеей, что человек должен быть искуплен Христом. Я разорвал свое письмо к тебе.

“Прости меня. Я никогда не был христианином в том смысле, который вы себе представляете. …’

- Нет. Но это не важно. В то время мне было все равно. Первые эффекты препарата превзошли все мои ожидания. Мое восприятие стало таким же ясным и свежим, как у ребенка. У взрослого такая привычка жить, видеть и слышать, что его чувства притупляются. Нейрокаин заставил меня почувствовать, что я живу в стране чудес, но в стране чудес, которую никогда не видел ни один ребенок, потому что ребенок полон всевозможных страхов и сомнений. Его мир строго ограничен. Моя вселенная была в сотни раз больше, чем у ребенка, и все же я воспринимал все это с той же свежестью взгляда. Мои чувства обострились я стал очень проницательным, и в то же время моя память начала функционировать с такой силой и точностью, каких я никогда раньше не замечал. Я мог вспомнить целые дни своего детства в мельчайших деталях. Каждый запах пробуждал какие-то воспоминания. А вы вот как Пруст описывает эффект от пирожного, обмакнутого в чай, когда он внезапно вспомнил свое детство? Так было постоянно - часами и днями, а не только на несколько секунд.

“Затем началась реакция. Теперь я понимаю, что имел в виду мой отец, когда говорил, что его тело, казалось, стало тяжелее. Тонкие строчки, которые я раньше делал автоматически, теперь

требовали напряжения воли. Например, на то, чтобы напечатать короткое письмо, у меня уходило несколько часов . Мои чувства были необычайно обострены, но я больше не мог игнорировать то, что меня раздражало; стук дятла в саду сводил меня с ума, пока я не вышел и не пристрелил его. Я забыл - или никогда не осознавал - насколько сильно это было.

НЕОБХОДИМЫЕ СОМНЕНИЯ

жить - это привычка, в том числе и дышать. На самом деле нейрокаин не влиял на мое дыхание - я принимал его недостаточно , - но он влиял на все остальные мои действия. Каждый раз, когда я что-то делал, я осознавал, что делаю это сам, я осознавал , что могу выбирать, делать это или нет.

‘Я принял большую дозу снотворного и проспал тридцать часов. Я надеялся, что к тому времени, как я проснусь, эффект пройдет. Но вместо этого он перешел в новую стадию. Когда я открыл глаза, у меня возникло странное ощущение, что все в мире реально, кроме меня самого. Я чувствовал себя как в вакууме. И в то же время мне казалось, что я нахожусь посреди бескрайней пустыни - пустыни свободы. Я впервые осознал, что человеку нужны его привычки, чтобы спастись от чрезмерной свободы, что свобода - потенциально самый опасный враг человека. Не в том смысле, что Гитлер или Муссолини имел в виду это - или даже Великий Инквизитор Dosteovsky это. Я понял, что хейд пластиковые имел в виду, когда говорил, что человек может знать только истинный бесплатный дом перед лицом смерти. Потому что смерть - это главная угроза, последнее ограничение. Она заставляет человека осознать свою цель: желание жить. Я внезапно понял: человеку нужна не свобода. У него уже есть больше, чем он может использовать. Это видение цели. Нейрокаин помог мне осознать, как мало у меня было реальной цели. Я чувствовал себя так, словно нахожусь на огромной фабрике, где все оборудование остановлено. Представьте себе человека, который работает на фабрике и воображает, что у него чудесный голос. Но он никогда не может по-настоящему понять, замечательный ли у него голос , потому что ему приходится петь под шум оборудования. И вот однажды оборудование останавливается, и он обнаруживает, что его голос на самом деле превращается в бесцветный вой. Такова была моя позиция. Казалось , за моими мыслями стояла великая тишина, тишина, которая спрашивала: что теперь? Это было ужасно, как будто я

нес в себе все пространство между звездами. Я помню, как сидела в кресле, уставившись в стену, и размышляла, захочу ли я когда-нибудь чего-нибудь снова".

"Но, конечно, вы по-прежнему чувствовали потребность в еде?"

"Да, но дело было не только в этом. Я поймал себя на том, что спрашиваю себя, какова цель утоления вашего голода? Что вы будете делать завтра, и на следующей неделе, и в следующем году? Я осознавал себя просто крошечной частицей силы воли посреди пустыни. Тогда я понял, почему мой отец смог покончить с собой. Наркотик уничтожил все мои инстинктивные страхи

в смерти. Я мог выбрать: умереть или продолжать жить. Но у меня не было никаких ценностей, которые могли бы подсказать мне, что делать. Все мои инстинкты умерли.

Я понял, что мне придется как-то пережить это. Я решил спать как можно больше. Поэтому я продолжал принимать лекарства, спал несколько дней, затем просыпался и понемногу ел. Так прошло несколько недель. И вот однажды я понял, что эффект проходит. Я до сих пор помню, как проснулся и больше не ощущал того безжалостного сияния сознания. На мое лицо села муха, и я уже поднес руку к щеке , когда понял, что сделал это автоматически. Мир стал казаться мягче. Я снова воспринимал это как должное. Через два дня я вернулся к нормальной жизни. Но я не могу передать, с какой радостью я приветствовал возвращение каждой из моих привычек.

Он замолчал, чтобы налить себе виски. На этот раз он наблюдал за Цвейгом, ожидая, что тот заговорит. Цвейг почувствовал смутное отвращение, но не к описанию своего эксперимента Нейманом, а к чему-то более опасному. Жизнь в нем ускользала от какого-то осознания, как от холодного ветра. Он сказал:

' Что вы сделали потом?

- Я ничего не делал несколько недель. Я попытался подумать о том, что Я многому научился. Я почувствовал себя совершенно другим человеком. Вы знаете , что Ницше говорит об агонии подвергать сомнению каждую вещь и говорит: “Я не знаю, улучшает ли нас такая боль, но Я знаю, что она углубляет нас”. Вот что я чувствовал. Все старые не например, из меня исчезло ощущение, что я великий преступник. Мне казалось, что за прошедший месяц прошло пятьдесят лет.

Но я также знал, что у меня должны быть деньги. Я потратил все наследство Сейферта. Но сейчас я почувствовал , что как никогда важно продолжать свои исследования”.

Это удивило Цвейга: ‘Почему?”

“Потому что я чувствовал, что стою на пороге великой тайны. Я спросил, почему большинство людей живут так бедно? Потому что они погрязли в привычках и у них нет цели. Что ж, я избавился от своих привычек и пересмотрел свою волю к жизни. Я знал, что это всего лишь вопрос совершенствования нейрокаина. Нейрокаин был слишком эффективен. Это стерло все привычки, как мел с классной доски. Проблема заключалась в том, чтобы уничтожить только определенные привычки или ослабить их силу. Кроме того, я пришел к пониманию важности целеустремленности в механизме воли. Георгий часто говорил, что мозг выделяет силу воли так же, как глаза выделяют слезы, и что мы должны научиться контролировать их.

эта железа отвечает за силу воли. Например, сексуальный оргазм часто высвобождает ее; возникает внезапное ощущение огромной силы. Другое замечание Георгия дало мне ключ к решению моей проблемы. Он часто говорил, что использование силы воли более важно для физического здоровья, чем физические упражнения. Он как-то сказал, что большинство мужчин вообще с трудом используют свою силу воли, и в результате воля становится такой же больной и дряблой, как тело человека, который никогда не

занимается спортом. С другой стороны, я как-то читал, что некоторые там было описание огромной радости Бальзака, когда ему пришла в голову идея его “Человеческой комедии”, и я узнал это чувство, потому что сам испытывал точно такое же, когда впервые увидел настоящую я понял, что исследования, продолжающиеся всю жизнь, могут открыть мне секрет человеческой свободы. Это была мысль о том, что мне придется использовать свою силу воли с огромным терпением в течение всей жизни. Это было видение многих лет постоянных усилий и целеустремленности, свободы от нашей обычной скуки. Я пришел к пониманию, что никакое лекарство не может решить проблему свободы. Это может упростить задачу только в определенных моментах.

И поэтому мне пришлось продолжить свои исследования. Но первой проблемой были деньги. И в июне 1936 года представилась возможность. Ко мне обратился бывший пациент моего отца, мужчина по фамилии Шмолль.

“Ах да. Производитель нижнего белья….”

“Так вы в курсе? Кажется, вы знаете больше, чем я ожидал. Тогда, возможно, вы знаете, что случилось со Шмоллем?’

- Я знаю, что он погиб в результате несчастного случая на лодке в Ментоне в Август 1936 года.’

- Это правда. Этот человек, Шмолль, пришел ко мне, потому что после выхода на пенсию у него появились суицидальные наклонности. Он также испытывал другие побуждения, которые приводили его в еще больший ужас , - приступы ярости, в которых он рвал предметы на куски. Он боялся , что однажды совершит убийство. Мой отец рассказывал ему об операциях на мозге, которые могли бы вылечить эти приступы, - он изучал электрические методы, а также лейкотомию. Шмолль надеялся, что я смогу ему помочь. Поэтому я рассказал ему немного о наших экспериментах с нейрокаином. Должен признаться, что я свел к минимуму опасность. Однажды я дал Шмоллю небольшую дозу нейрокаина, и он был поражен и восхищен его первым эффектом. Я сказал ему, что мне нужна большая сумма денег для продолжения моих экспериментов с препаратом. Он был в таком восторге , что пообещал мне писать столько, сколько я смогу. Затем, когда начали проявляться последствия, я дал ему большую дозу снотворного

таблетки и различные другие стимуляторы. Эффект прошел менее чем через неделю, и он почувствовал себя лучше. Но я придумала предлог , чтобы не давать ему еще одну дозу - сначала я хотела убедиться в деньгах. В любом случае, первая доза избавила его от приступов ярости, которые, очевидно, были связаны с чувством разочарования из-за того, что он перестал работать. Итак, в течение месяца он оставался моим гостем и сделал мне несколько крупных денежных подарков. Затем, когда он начал проявлять беспокойство, я предложил ему съездить в Ментону. К сожалению, по мере того, как он привыкал ко мне, его психотическая натура начала проявляться вновь. Он стал раздражительным и подозрительным, а однажды назвал меня обычным мошенником. Позже он извинился, но Я понял, что ситуация близится к критической. Он продолжал настаивать на том, чтобы я ввел ему еще одну дозу нейрокаина. Я пытался убедить его подождать, пока мы не вернемся в Цюрих, но это только усилило его подозрения. В конце концов я уступил и дал ему очень слабую дозу — всего в два раза меньше, чем в первой. Это сделало его счастливым на целый день, и он объявил, что я один из величайших ученых, которые когда-либо жили, и что он отдаст мне все свое состояние за мои исследования. Затем я попытался накачать его наркотиками, пока не пройдет эффект. Но на этот раз все было не так. не так удачно. Он встал на третий день, и было очевидно, что у него убийственное настроение. Я всерьез подумывал о том, чтобы оставить его там и вернуться домой. Именно он предложил как-то днем покататься на лодке. Мы были в полумиле от берега, когда с ним внезапно случился один из его приступов. Его лицо побагровело. Он начал ругаться и обвинять меня в том, что я его ограбил. Он сказал, что я кровопийца и что я буду цепляться за него, пока не высосу из него все деньги. Затем он набросился на меня, и мы подрались. Его безумие сделало его намного сильнее меня, поэтому, как только я смог освободиться, я бросился за борт. Он бросился за мной. Это был последний раз, когда я его видел. Возможно, его припадок закончился потерей сознания, как у эпилептика, и он утонул. Я перевернул лодку, чтобы объяснить, что произошло напрягся - и поплыл обратно к берегу. Ты знаешь остальную часть истории?’

Я так думаю. Я прочитал в газете Ментоны о вашем аресте. Это было два года спустя.

“Значит, вы читали о человеке, который пытался шантажировать меня и обратился в полицию? К счастью, я смог доказать, что он был

потребовал денег, и полиция отпустила меня.

“А деньги?”

“Я получил немного денег - не столько, сколько мне было нужно. И у его родственников возникли трудности”.

Они оба одновременно услышали звук, похожий на хруст ветки. Цвейг повернулся к окну; Нойманн не пошевелился, продолжая смотреть на огонь. Из -за того, что в комнате было светло, снаружи ничего не было видно. Цвейг встал. В это время раздался стук в дверь. Цвейг сказал::

‘Мне ответить?’

‘Пожалуйста’.

Прежде чем Цвейг успел подойти к двери, открылась кухонная дверь, Наташа сказала:

- Надеюсь, мы не помешали.

‘ Что вы здесь делаете’

- Она вошла, а за ней Гарднер. - Сказал он.:

- Мы подумали, что нам лучше зайти и убедиться , что все в порядке.

- Вы одна?

’ О, да.

Он заметил грязь на туфлях Наташи, ее пальто блестело от дождя.

- Где ваша машина?

- Сухо спросил Гарднер. - Мы оставили ее на ферме.

В дверях стоял Нойманн. Он вежливо спросил:

- Пожалуйста, входите. Можем мы предложить вам что-нибудь выпить? Или кофе?

Гарднер сказал: “Я бы не отказался выпить…” - и внезапно замолчал, поймав взгляд Наташи. Он сказал: “Э-э, нет, за может, и нет, но все равно спасибо.

Цвейг спросил: “А Грей знает, что вы сюда ходили?”

“Нет”.

“А полиция знает об этом месте?’

Гарднер выглядел удивленным.

- Я им не говорила, но они, наверное, уже знают. Они весь день пытались дозвониться до экономки Тима, так что, думаю, она им рассказала. ..Говоря это, он переводил взгляд с Цвейга на Ноймана; очевидно, ситуация его озадачила. Цвейг сказал::

“Вам лучше войти. Густав мне кое-что объяснил”. Цвейг посмотрел на Ноймана. - Боюсь, что здесь нет никакой возможности

вместо того, чтобы рассказать им об этом.

Нойманн поколебался, затем улыбнулся. - Если вы считаете это необходимым. Но если полиция уже едет сюда, у нас может не

хватить времени.

Гарднер многозначительно спросил его: “Вы хотите избежать этого?”

Нойманн ответил: “Да”.

Цвейг тихо сказал: “Так будет лучше”.

Гарднер пожал плечами. “Хорошо, я поверю вам на слово. Тогда нам лучше убраться отсюда. Вот что я предлагаю. Я знаю небольшой паб неподалеку от Уокинга. Дорога туда займет не больше получаса . Давайте зайдем туда и все обсудим.’

Нойманн сказал: “Очень хорошо”.

Наташа спросила его: “Ты понимаешь, что делаешь?”

Гарднер ответил: “Нет. Но я поверю Карлу на слово”.

Нойманн сказал: “Хорошо. Тогда давайте уйдем”. Он прошел в гостиную и выключил свет. Наташа сказала: “У меня есть фонарик”. Когда она открыла сумочку, Цвейг заметил маленький револьвер, лежавший внутри. Нойман выключил свет на кухне. Он сказал:

- Мы можем поехать на ферму на этой машине.

Моросящий дождь не прекращался. Цвейг и Наташа забрались на заднее сиденье “Англии”. Никто из них не проронил ни слова, пока они не подъехали к ферме. Свет фар высветил машину Гарднера, припаркованную на другой стороне дороги под деревьями. Нойманн осторожно подъехал к “роверу”.

“Возможно, вам троим стоит сесть в другую машину. Я последую за вами’.

Гарднер сказал: “Хорошо’.

Нойманн сказал: “С вашей стороны было разумно не парковаться слишком близко к ферме”.

Гарднер раздраженно ответил: ‘Не хотел привлекать внимания’.

Как только “ровер” выехал на дорогу, Гарднер спросил::

Что происходит?”

Цвейг сказал: “То, что он мне рассказал, невероятно. Но у меня нет никаких сомнений в том, что он невиновен”.

Наташа спросила: ‘Но как? Неужели эти старики действительно покончили с собой?’

“Он еще не закончил объяснения, когда вы пришли”. Пока они ехали, Цвейг вкратце рассказал им о Герхарде Сейферте и смерти Шмолля. Когда он закончил, некоторое время они оба молчали. Затем Гарднер сказал::

“Честно говоря, я думаю, что он лжет’.

239

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

Она спросила Цвейга: “Вы ему верите?’

‘В целом, да. Все в этом деле озадачило меня. Но больше всего меня озадачило вот что: как мог такой человек, как Густав Нойман, превратиться в обычного преступника инал? Для меня это был вопрос, на который не было ответа. То, что он мне рассказал, объясняет это. У тебя есть какое-нибудь объяснение получше?

Гарднер медленно произнес: ‘Я не хочу противоречить вам, профессионал профессор, но вы уверены, что на вас не влияет желание видеть его невиновным?’

- Вы бы так не подумали, если бы провели с ним последний час. Все, что он сказал, убеждает меня в том, что он прав. узнавая правду.’

- И вы думаете, полиция ему поверит?

‘ Нет. И в этом-то вся проблема. Я намерен сделать все, что в моих силах, чтобы помочь ему.’

Наташа вдруг сказала: “Джо, а как насчет “Стрекозиной мухи”? Вы не могли бы переправить его во Францию?

- А если бы я это сделал? Что я должен сказать Грею и Чессон?

Извините, но мы решили, что Нойман невиновен, и помогли ему скрыться. … В любом случае, что было бы хорошего? Его можно было бы с такой же легкостью арестовать во Франции или Швейцарии".

Цвейг сказал: 'Нет. Доказательств недостаточно. Здесь его могут попытаться задержать по делу о фальшивом паспорте и обвинении в торговле наркотиками в Германии. Я уверен, что он был бы в большей безопасности, если бы мог покинуть эту страну'

Но я не понимаю. Если вы так уверены, что он невиновен, что помешает ему рассказать эту историю полиции и доказать это?"

"На это могут уйти месяцы. Они могут даже привлечь его к суду, и это будет иметь катастрофические последствия. Он стремится сохранить свои эксперименты с нейрокаином в тайне. Если бы это просочилось наружу, все газетные репортеры и чудаки мира помешали бы ему работать. Кроме того, представьте, какие силы будут противостоять ему. Для начала, все табачные компании. Все алкогольные компании. Большинство медиков, включая психиатров. Разве вы не понимаете, что секретность имеет первостепенное значение? Все, что ему сейчас нужно, - это деньги и уединение. И если сэр Тимоти намерен снабдить его деньгами, то все, что ему нужно, - это убраться из этой страны.

- А как же Тим? Откуда вы знаете, что он не умрет, как другие?

Цвейг подчеркнул: 'Я абсолютно уверен, что он этого не сделает. По простой причине. После этого Густав не мог допустить , чтобы Фергюсон умер. Он должен сохранить Фергюсону жизнь'.

Гарднер опустил стекло и просигналил повернуть налево. Машина остановилась под деревом во дворе небольшого паба. Мгновение спустя к ним подъехала "Англия Неймана".

В баре было полно народу. Гарднер помахал владельцу. - Есть кто-нибудь наверху, Гарри?

- Нет. Поднимайся наверх. Я приду через минуту’

Гарднер провел их в маленькую гостиную с низким потолком. В камине горел уголь.

- Когда мы только поженились, мы с Наташей часто останавливались здесь на выходные . Это одна из старейших гостиниц южного Англия. Грязные старикашки приводили сюда своих подружек на маленькие приватные ужины. Он отдернул занавеску, и в под балдахином стояла кровать.

Нойманн сказал: ‘Очаровательно’. Он выглянул из окна во внутренний двор. “Восхитительное место”. Цвейг поймал себя на том, что восхищается его хладнокровием. Поскольку в любой момент его могли арестовать, его голос звучал вежливо и заинтересованно, как у туриста в музее. - Я, кстати, заметил, что это место называется ‘Коза и циркуль”. Разве это не название одной из ваших книг?

Гарднер выглядел довольным. Так называется перевод на немецкий. Английское издание называется “The Day the Moon”. Взорванный. Моему немецкому издателю это показалось сенсационным”.

“Интересная книга”, - сказал Нойманн. Цвейг и Наташа, сидевшие по обе стороны от камина, смотрели друг на друга, лицо Цвейга ничего не выражало; Наташа, стоявшая спиной к Ной Манн, слабо улыбалась.

- Когда вы это прочитали? - спросил Гарднер.

- При первой публикации. Название показалось мне интригующим.

- Вполне. Это средневековый символ дьявола и Бога - ну, вы понимаете, Бога, охватывающего все. …’

‘Но вы, конечно, знаете, что ваши предположения о психологии вахимов опровергнуты?’

“Что вы имеете в виду?” В голосе Гарднера звучало недоверие.

‘Мой друг Дензил из Мюнхенского архива провел некоторое время в Руанде, изучая их обычаи. Он опубликовал некоторые из своих результатов…’

‘Я знаю. Я прочитал его статью”.

241

НЕОБХОДИМОЕ СОМНЕНИЕ

«… Но некоторые из его наиболее интересных открытий до сих пор не опубликованы. Например, он проводил эксперименты в дополнительных мы познакомились с чувственным восприятием этих дикарей и установили, что их телепатические способности намного превосходят способности европейца.

- Ты уверен? Вы совершенно уверены?

- Совершенно уверен. Я могу познакомить тебя с Дензилом. Теперь, если эти Вахима на самом деле являются дегенеративными представителями третичной расы, как вы объясняете эти психические способности? В вашей книге утверждается , что они находились на более низком духовном уровне, чем наша раса.

Гарднер взволнованно ответил: “Нет, я этого не делал. Я сказал, что их магия была объективного рода. Они понятия не имели о возможностях человеческой психики. Это не значит, что они не обладали такими способностями.’

Подошел официант и спросил: “Могу я принять ваш заказ?” мужчины?’

- Да, да, - нетерпеливо сказал Гарднер. Он сделал очевидное усилие, чтобы переключить свое внимание. - Э-э, четыре порции виски. Больших. И мы бы хотели несколько сэндвичей.

- Что бы вы хотели, сэр? Ветчина, курица, сыр и помидоры…

Гарднер перебил: “Все, что вам нравится. Хватит на четверых. … - Он повернулся к официанту спиной. - Послушайте, если ваш друг получил эти результаты, почему он не упомянул о них в своей статье? В конце концов…

Цвейг сказал: “Извините, что перебиваю, Джозеф, но нам нужно обсудить кое-какие другие проблемы”.

“Неужели это так важно?” Когда Цвейг поднял брови, он сказал: “Хм, да, я полагаю, что это так”. - Сказал он Нойману: - Мы поговорим об этом позже. Он сел в кресло у камина и сказал Цвейгу: ‘Извините, продолжайте’.

Нойманн сказал: “На самом деле, нет необходимости менять тему, потому что наша предыдущая тема обсуждения связана с некоторыми вопросами, поднятыми в книгах мистера Гарднера”. Он обратился к Гарднеру и Наташе. - Я попробую Инг объяснить профессору Цвейг, как мой старый друг в Гейдельберг - он был убит нацистами - начал я думая о проблеме расширения сознания. Он рассказывал вам о том, как мой отец искал лекарство, которое могло бы повлиять на привычные привычки - например, курение? Мой отец всегда верил, что такое лекарство также увеличит телепатические способности человека. Он считал, что главное препятствие на пути телепатии

патетика - это наша привычка общаться с помощью речи. И если вы задумаетесь об этом на мгновение, то увидите, что это не так. правдоподобно. …’

‘ Вполне. Я согласен, ’ сказал Гарднер.

- Ребенок может легко выучить два языка. Взрослому человеку это дается труднее, потому что его родной язык стал привычкой , и он выбирает путь наименьшего сопротивления. Так вот, мой отец считал, что телепатия - это, так сказать, просто другой язык.,

еще один способ общения. Эксперименты Райна доказали, что большинство из нас в той или иной степени обладают этой способностью. Но мы никогда не развиваем ее, потому что наша речь - это привычка. Мой отец верил, что при правильном применении нейрокаин может дать нам новые методы исследования телепатии и других форм ментальной силы - так сказать, господства разума над материей”.

Гарднер встал. Его лицо побледнело; Цвейг узнал обнаружил симптом сильного возбуждения. Но он был удивлен , когда Гарднер схватил Ноймана за плечо и сказал: “Боже мой, Густав, ты напал на след чего-то действительно важного. ||если этот ваш препарат действительно может повлиять на привычки, как вы , скажем…”

1 Нойманн, улыбаясь, спросил: “Не хотите ли попробовать?” “У вас здесь есть?”

{“Это не нейрокаин. У меня есть более мягкий вариант этого средства, который называется нейромизин. Разве профессор Цвейг не упоминал об этом? Он уже попробовал кое-что этим вечером.’

Наташа и Гарднер одновременно спросили: ‘Что случилось задержанный?’

“Сейчас результаты начинают ослабевать. Но это , безусловно, был потрясающий опыт”. если бы Гарднер сказал: “Дай-ка я попробую”.

| Цвейг сказал: “Густав, как ты думаешь, это хорошая идея?”.. “когда мы употребляем алкоголь?”

Ф. Нойманн сказал: “Небольшое количество не будет иметь значения”. Он достал из кармана тюбик и вытряхнул на ладонь капсулу. Он сказал Гарднеру: “Профессор Цвейг также может быть обеспокоен, потому что нейромизин опасен для возбудимых людей”. | люди. Но ваши книги убеждают меня, что ваша ментальная дисциплина будет соответствовать чрезвычайной ситуации.’ Он разломил таблетку пополам и предложил ее Гарднеру. Когда он протянул вторую половинку Наташе, она покачала головой. Гарднер тут же проглотил свою половину . Он снова сел и спросил: “Как долго это продлится?”

НЕОБХОДИМЫЕ СОМНЕНИЯ

не торопитесь на работу?

“Пять минут”.

Цвейг сказал: ‘Извините, Густав. Возможно, разумнее будет выпить чаю здесь в течение следующего получаса. Так что, может быть, вы сможете…

‘Закончите мой рассказ? Очень хорошо….”

Вошел официант с подносом. Гарднер вытащил из кармана бумажник; когда он открыл его, он выпал у него из рук, разбился рассыпание фунтовых банкнот по ковру. Цвейг заметил, что его лицо стало еще белее, чем когда-либо. Когда он наклонился, его рука схватила горсть банкнот и раздавила их. Наташа сказала:: ‘Позволь мне, дорогой’. Она взяла две фунтовые банкноты и отдала их официанту, затем собрала остальные. Нойманн протянул Гарднеру его напиток со словами: “Выпей это”.

Наташа сказала: “Я думала, алкоголь с ним не сочетается”…

Нойманн быстро сказал: “Небольшое количество усиливает эффект.’ Он сказал Гарднеру: “Пожалуйста, выпей это’.

Гарднер уставился в свой стакан; Цвейгу показалось , что его глаза лихорадочно блестят. Он сказал: . .

- Ей-богу, это поразительная штука. Вы уже пробовали это сделать, Наташа? Почему нет? Это неописуемо. Это все равно, что напиться , не теряя сознания. Потрясающая ясность. ..’ Он сделал большой глоток виски. - Неудивительно, что это так сильно взбодрило Тима.

‘

Нойманн сказал: “Может быть, вы могли бы отдать Тиму эту трубку? Скажите ему, чтобы он не принимал больше одной таблетки каждые сорок восемь часов - он может перевозбудиться.

Наташа спросила: ‘Это то, что случилось со стариком в Мейдстоун - Бенскин?’

Нойман ел сэндвич. Он покачал головой и тщательно сглотнул, прежде чем ответить. - Нет. Он страдал от различных лихорадок, которые подхватил в джунглях и которые ослабили его нервную систему. Я лечил его очень маленькими дозами. прав на

neurocaine. Как профессор скажет вам, нейро-Кейн есть замечательный первоначальный эффект, но спустя эффекты опасны — они могут вызвать суицидальные наклонности в человеке с из-целеустремленность. Мне пришлось дать ему сильное успокоительное, чтобы он проспал этот опасный период. К сожалению, из-за слабости его организма это было очень сложно. Он сделал глоток из своего стакана. - Мы очень любили друг друга - он был одним из старейших друзей моего отца.

- Но как он умер?

§! НЕОБХОДИМОЕ СОМНЕНИЕ

“Нейрокаин вызвал у него сильное желание покончить с собой. Я я тогда не знал о его воздействии на человека со следами х: у него в крови малярийная лихорадка. В то же время он знал, что необъяснимое самоубийство может навлечь на меня неприятности, поскольку я находился в этой стране с фальшивым паспортом. Поэтому однажды вечером он дождался, пока я выйду из дома, чтобы вызвать врача - он сказал мне , что ему нужен обезболивающий укол, - затем спустился вниз с пистолетом и застрелился перед открытым окном. Он Я хотел создать впечатление, что это был несчастный случай - он спустился вниз, чтобы застать врасплох грабителя, и каким-то образом был застрелен. В последнее время в этом районе произошло несколько краж со взломом…

Гарднер внезапно встал и положил руку на плечо Ной. манна за плечо.

“Ты хочешь уехать из этой страны сегодня же вечером?”

“Да, но…”

“Никаких “но”. Давай же’.

Наташа сказала: “Джозеф, ты понимаешь, что делаешь?’

- Надеюсь, что так. - Гарднер повернулся к Цвейгу. - Вы согласны с тем, что ему следует убраться из Англии?

‘ Конечно.

- Ах да. Я согласен с вами. Мы знаем, что он не убийца. Но полицию, возможно, убедить будет сложнее, и пока он будет их убеждать, неизвестно, что может случиться. Так что я отвезу его в Кале сегодня вечером. Он спросил Нойманна: “Вам нужны деньги?”

‘Нет. У меня в портфеле есть деньги.

- Хорошо. Цвейг может забрать твою машину обратно в Лондон. Я прослежу , чтобы Тим присоединился к тебе в Швейцарии, как только сможет передвигаться. Я, вероятно, поеду с ним.’

- Я был бы только рад вашей помощи.

Гарднер повернулся к Цвейгу. В его голосе внезапно появились эмоциональные нотки особое качество, о котором Цвейг раньше не слышал. Теперь его лицо утратило свою бледность и слегка порозовело.

- Я всегда буду благодарен тебе за то, что ты вовлек меня в это безумное дело, Карл. У меня такое чувство, что мы трое. мы стоим на пороге чего-то, что изменит историю человечества. Я собираюсь сделать все, что в моих силах, чтобы помочь Густаву усовершенствовать его лекарство… - Он схватил Цвейга за руку, и Цвейг чуть не вскрикнул от внезапного пожатия. - До свидания, Карл. Увидимся завтра.

- Ты хорошо себя чувствуешь? - нервно спросила Наташа.

НЕИЗБЕЖНОЕ СОМНЕНИЕ

“Я чувствую себя великолепно. Как будто кто-то включил неоновую лампу. Он сказал Нойману: “Знаешь, я часто думал, что человеческое сознание - это своего рода неоновая лампа с изношенным двигателем. Вы знаете, когда вы включаете неоновую лампу, и она пытается зажечься, но у нее ничего не получается… лампочка пытается перепрыгнуть через всю длину трубки, она начинает светиться с обоих концов, мигает на

мгновение, а затем гаснет. Раньше я думал, что сексуальный оргазм подобен этому - попытка обрести истинное сознание. Но я не могу отделаться от мысли, что в один прекрасный день свет распространится по всей трубе, - он прищелкнул пальцами, - и внезапно, вот так просто, мы обретем настоящее сознание. Он спросил Неймана: “Вы понимаете, что я имею в виду?”

“Прекрасно. Я сам не смог бы найти лучшего изображения. И вы правы, когда говорите об изношенном двигателе. Отчасти проблема в том, что lem является чисто механическим устройством. Мой отец часто говорил, что научиться управлять человеческим телом гораздо сложнее , чем автомобилем. Все мы знаем основные механизмы — как завести двигатель и повернуть руль, - но есть миллион вещей, которых мы не знаем. Например, мы не знаем , как переключать передачу. Большинство из нас всю жизнь работает на первой передаче…

Гарднер перебил: “Вполне. И все это вопрос осознанности… переключение передач…” - Он внезапно прижал кулаки ко лбу. Цвейг и Наташа посмотрели на него с беспокойством. Он сказал: “Это так чертовски сложно, я чувствую себя ребенком… пытающимся выучить иностранный язык’. Он посмотрел на Нойманн внезапно улыбнулся. ‘Нам почти что придется начинать с самого начала”.

Нойманн сказал: “Мы можем это сделать”.

“Верно”, - сказал Гарднер. “Мы втроем. Карл тоже… потому что он работает над той же проблемой…” - Он улыбнулся, увидев, что Наташа начала было что-то говорить, но затем развела руками. - Нам лучше уйти. Надеюсь, над Ла-Маншем не будет тумана … - Цвейгу показалось, что он вдруг стал выглядеть растерянным, как лунатик, которого внезапно разбудили. Он сказал Ной манн: ‘Давай, поехали”.

Он наклонился, чтобы поцеловать Наташу. Она обняла его за шею и сказала: “Пожалуйста, будь осторожен. Очень осторожен. Не гони слишком быстро”.

Нойман поклонился Наташе. - Мадам, мы скоро встретимся снова . Он повернулся к Цвейгу. - Приходите ко мне как можно скорее. Я

необходимое сомнение

1

m

я-

1

мне понадобится ваша помощь.’

Цвейг сказал: ‘Прощай, Густав’.

Когда Нойманн направился к двери, Гарднер сказал тихо: “Я надеюсь, мы поступаем правильно’. Нойманн услышал эти слова и улыбнулся. Цвейг сказал::

“Я уверен, что так и есть”.

Нойманн сказал: “Спасибо, Карл. Я не забуду”.

Цвейг и Наташа стояли у окна. Дождь все еще лил, не переставая. Гарднер и Нойманн пересекли двор и направились к машинам; Нойманн открыл багажник “Англии” и достал оттуда два чемодана.

Она спросила Цвейга: “Ты уверен , что поступаешь правильно?’

‘Я готова рискнуть”.

‘А что насчет сэра Чарльза Грея?’

“Я думаю, я смогу заставить его понять”.

Она сказала: “Я бы хотела, чтобы вы заставили меня понять”. Они увидели, как задние фары “Ровера” свернули за угол, и услышали звук набирающей скорость машины. Она на мгновение положила голову ему на плечо, затем внезапно выпрямилась и подошла к камину. Она сказала:

- У меня такое чувство, что это ужасный анти-кульминационный момент… Так или иначе, здесь что-то не так. .. ’

Он посмотрел на нее с каким-то восхищением.

- Конечно, есть.

’ Что? Ее голос был резким.

‘Мы мешаем правосудию. Если бы Густав остался в Англии, я думаю, ему было бы трудно доказать свою невиновность”.

“И вы думаете, что теперь он будет в безопасности?’

‘Не совсем. Это зависит от того, сколько улик сможет собрать полиция. Но в своей стране он в большей безопасности, чем

здесь. ,

Но почему ты так уверена, что он невиновен?

Он сказал: “Моя дорогая, я совсем не уверен”.

“Ты серьезно?”, э

Он пожал плечами. - Густав рассказал мне о смерти старика в Ментоне, о борьбе в лодке. Все это звучало достаточно правдоподобно. Но он забыл объяснить одну вещь - почему он использовал в Ментоне вымышленное имя.

Так ли это было? Ты уверен?

“В газете, которую я нашел в отеле в Ментоне , его имя упоминалось как Герхардт Сейферт”.

‘Первый пожилой человек? Тот, который умер в Швейцарии? Но с какой стати? Я имею в виду, почему он выбрал именно это имя?

- Вполне. Он сказал мне, что его абсурдное стремление стать великим преступником исчезло давным-давно. И все же, почему он использовал имя своей предыдущей жертвы - разве что из бравады?

Она недоверчиво смотрела на него, не в силах понять обратите внимание на хладнокровие, с которым он потягивал виски.

- Как ты думаешь, он действительно намеревался убить тех стариков?

- Я этого не говорю. Но опять же, почему он пришел в В Англию под чужим именем? Он позволил нам предположить, что это как-то связано с проблемами побега от нацистов. Германия. Но он покинул Германию в 1931 году. Это было шесть лет спустя. Зачем использовать фальшивый паспорт?

*Как вы думаете, почему он это сделал?'

Он тихо сказал: "Моя дорогая, я не знаю".

- Ты понимаешь, что говоришь? Ты это серьезно? Минуту назад ты сказала, что он невиновен'

' Нет. Я сказала, что в этой стране ему будет трудно доказать свою невиновность.

"Значит, вы считаете его виновным?"

"Я думаю, что, возможно, суд решит, что он виновен".

Она подошла к нему и посмотрела ему в лицо. Она сказала: "Карл, я тебя не понимаю. Я спрашиваю тебя , считаешь ли ты его виновным?"

"Я знаю, о чем ты меня спрашиваешь. И я говорю тебе: я не могу ответить тебе просто. Я верю в то, что Густав никогда не переставал быть одержимым своим собственным видением и что он потратил свою жизнь, пытаясь воплотить его в реальность. Я сомневаюсь, что он намеревался убить этих людей просто из-за денег - деньги его не интересуют . Я думаю, что, возможно, он надеялся помочь им. Но я думаю, что он использовал их как морских свинок….

Вы хотите сказать, что он относился к людям так же… как Павлов к собакам? Вы это имеете в виду?

Цвейг встал; ему было неудобно, что она склонилась над ним. Он засунул руки в карманы брюк и зашагал по комнате.

- На этот вопрос я не могу ответить. Все, что я могу вам сказать, это

почему я хочу, чтобы он сбежал.

‘Тогда почему?”

“Потому что я начала с того, что заподозрила, что Густав стал обычным преступником, убийцей стариков…”

Она перебила: “Но даже тогда вы хотели, чтобы он сбежал, не так ли?”

- Это неправда. Но я боялся, что если он стал обычным преступником, то я несу за это частичную, а возможно , и полную ответственность. Я не хотел осуждать его, потому что не хотел осуждать себя. Что ж, я был прав в одном - в том, что мое влияние имело огромное значение в его жизни. Но я ошибался, думая, что он мог быть простым преступником. Настоящий преступник считает себя реалистом…’

- И вы пытаетесь сказать мне, что он не может быть преступником , потому что он идеалист? Но Гитлер тоже был идеалистом. Как вы можете принимать подобные рассуждения?

Цвейг намеренно не смотрел на нее; от ее возмущения ему стало не по себе, но он был уверен, что прав. Он терпеливо сказал::

Пожалуйста, выслушай меня, Наташа. Присядь на минутку и послушай. Она присела на подлокотник кресла; он на мгновение замер, глядя на нее сверху вниз. - Есть кое -что, что ты должен попытаться понять. Когда мы с Алоизом Нейманом были студентами, у нас было общее видение - нет, не видение, а внезапное озарение. Я был первым, кто упомянул об этом, и он… Посредник сказал, что он часто чувствовал то же самое. Дело было вот в чем: были определенные моменты, когда я был совершенно уверен, что люди всегда совершали абсурдные ошибки в общении. изображая мир. Ваши чувства интерпретируют реальность просто как транс латор переводит с одного языка на другой. Что ж, в этой вспышке озарения я внезапно понял , что люди совершают какую-то тонкую ошибку,

когда смотрят на мир. То, как мы видим мир, - ложь. То есть это полное заблуждение. Полагаю, именно это я и стал понимать под первородным грехом. Моей задачей как философа всегда было найти источник этой ошибки. Я был уверен, что потребуется всего лишь небольшая настройка - например, повернуть ручку на боковой панели микроскопа, - и все внезапно обретет четкость. И эта четкость проявлялась у меня короткими вспышками , а затем все снова расплывалось, превращаясь в лабиринт теней. Что ж, я посвятил свою жизнь попыткам открыть для себя

принцип этого фокуса. Я всегда считал, что задача философа - уничтожить первородный грех. Когда я был моложе, я постоянно это чувствовал — я всегда осознавал глупое несовершенство своего зрения, как человек может осознавать какую-то неисправность в радиоприемнике, но не знать, как ее устранить. С тех пор как я стал старше, это чувство исчезло. Требуется много усилий, чтобы поддерживать его в рабочем состоянии. Сегодня вечером оно вернулось снова . Это повторяется уже несколько дней, с тех пор как я прочитал статью Густава в Monatschrift. И все же я не мог поверить, что Густав нашел ответ, потому что я знаю, что его мозг не лучше моего - во многих отношениях он даже хуже. Сегодня вечером, когда Густав дал мне попробовать нейромизин, я понял, что совершил ошибку. Есть другой способ. Густав посвятил этому всю свою жизнь. Вместо того, чтобы использовать только свой интеллект, Густав вернулся в тело. На самом деле он осознал то, что я осознавал только теоретически - что часть проблемы носит чисто физический характер.’

‘Ты пытаешься сказать, что считаешь всю свою работу ошибкой?”

“Ни в коем случае. Ты помнишь, что сказал Густав , когда уходил: “Мне нужна твоя помощь”. Его подход может обеспечить видение, но что толку в видении без цели? Мужчине нужна своя жизнь пришло время проявить дисциплину, чтобы использовать такое видение. Как вы думаете, почему старики покончили с собой? Как вы думаете, это было просто физическое последствие приема наркотика? Густав употребил фразу, которая все объясняла. Он

сказал, что нейрокаин дает ему ощущение, что он находится в пустыне свободы. То же самое можно наблюдать, когда у школьника длительные каникулы на 4 дня. - через некоторое время он теряет всякую цель. Свобода ему надоедает. Ему не нужна большая свобода. Это заставляет его осознать свою ограниченность, свою никчемность. Он должен встретиться лицом к лицу с параграфом докс говорит, что он не хочет возвращаться в школу, но и вечных каникул ему тоже не хочется. Его жизнь обесценивается. Что ж, лекарство Густава обладает тем же эффектом, но усиленным в тысячу раз. Теперь вы меня понимаете? В такой пустыне нужны указатели, и я потратил свою жизнь на их создание. Густав признался мне, что был близок к самоубийству, когда попробовал этот наркотик в 1936 году. Что ж, в следующий раз, когда он попробует, я буду с ним".

"Ты действительно собираешься это попробовать?'

Альтернативы нет. У Густава есть определенные идеи, но,

как сказал ваш муж, в этой области мы все дети.

Он стоял у окна. Дождь прекратился, и луна показалась сквозь движущиеся облака. Она подошла и встала рядом с ним.

- Я не знаю, что сказать… Хотел бы я доверять ему больше. Но вы же видели, как он обошелся с Джозефом. Когда мы пришли сюда, я был совершенно уверен, что Джозеф никогда не поможет ему сбежать. Не прошло и десяти минут, как Нойман обвел его вокруг пальца.'

Цвейг сказал, улыбаясь: 'О, он хитер. И потребляемый приятель актера. Я готов поспорить, что он никогда не читал книг вашего мужа. Вероятно, он расспрашивал о них Фергюсона.'

- Но если он такой хитрый, откуда ты знаешь, что он тебя не обманывает ?

- Потому что есть одна вещь, которую невозможно подделать, -

это страсть к порядку. Знаешь, Наташа, когда я был студентом, я часто заходил в университетскую библиотеку, просматривал труды философов и думал: этих людей тошнило от бессмысленности жизни. Им надоело, что жизнь ускользает от них, как от мошенников, не оставляя после себя ничего. Их работы - это протест против хаоса и тщетности, попытка взять жизнь в свои руки. И все же после более чем двухтысячелетней истории философии мы не стали намного мудрее. Жизнь по-прежнему представляет собой сплошную неразбериху. Это все еще ускользает от нас. И все же истинный философ люди продолжают мечтать о каком-нибудь простом инструменте - например , о плоскогубцах, - который помог бы нам справляться с жизнью. Это и есть страсть к порядку. Он у Густава.

‘И вы думаете, что он, возможно, наконец-то решил проблему?”

“Возможно, и нет. Но, возможно, он начал что-то совершенно новое . Он дал мне надежду. Я начал относиться к своей жизни стоически - принимать поражение как неизбежность. Теперь вы понимаете , почему я должен был позволить ему сбежать? Возможно, его наркотик - это новое начало….

В дверь заглянул официант.

“Что-нибудь еще, сэр?”

Цвейг сказал: “Нет, спасибо. Нам пора идти.

Он помог ей надеть пальто. Она открыла сумочку и посмотрелась в ручное зеркальце. Ее глаза встретились с его отражением, когда он заглянул ей через плечо.

‘ Забавно… когда Джозеф пришел вечером, я сказала: “Нам нужно спуститься в коттедж. Я думаю, Карл может быть в опасности”.

НЕИЗБЕЖНЫЕ СОМНЕНИЯ

Я взяла свой револьвер, потому что собиралась убить его, если бы он причинил тебе вред. Она положила зеркало на место и продолжала смотреть в сторону.

Но мне не причинили вреда. Я знала это еще до того, как отправилась в путь..

‘ Я не знаю.

- Что вы имеете в виду?

Она повернулась к нему, и он был поражен холодностью ее лица. Она сказала ровным голосом:

‘ В некотором смысле… Я все равно думаю, что потеряла вас’

Он взял ее руку в перчатке и поцеловал.

- Чепуха, моя дорогая. Ты просто устала. Давай вернемся в Лондон’

Но он знал, что она имела в виду. И он также знал, что в том смысле, который она имела в виду, это было правдой.

САЙМОН РЭЙВЕН ТИТУЛЫ В “ПАНТЕРЕ” книги

ВРАЧИ НОСЯТ АЛОЕ 3/6

Отталкивающе увлекательная история о том, как Ричард Фонтейн, археолог, путешествующий На средиземноморских раскопках он встречает необычную девушку-гречанку, которая знакомит его с отвратительными опьяняющими прелестями невероятно древнего ритуала - вампиризма. Но вскоре Фонтейн обнаруживает, что за опьянение нужно платить, а сумма, которую необходимо оплатить, находится за пределами его человеческих возможностей.

“Это пугает. Иногда вызывает тошноту. Но это триумфально демонстрирует одну вещь:

Мистер Рэйвен умеет писать”

THE TIMES

ПЕРЬЯ СМЕРТИ 3/6

Дерзкий, тревожный роман о моральном разложении и насильственной смерти в британском военном полку, дислоцированном за границей.

“АНГЛИЙСКИЙ ДЖЕНТЛЬМЕН 3/6”

В этой остроумной и часто скандальной книге Эйр. Рэйвен блестяще исследует этот уникальный институт - английский джентльмен.

“Очень умно, очень занимательно”.

DAILY EXPRESS

“Острая атака на ложные ценности и глубокий анализ пошлости”.

THE OBSERVER

ГЕНРИ МИЛЛЕР НАЗВАНИЯ КНИГ О ПАНТЕРАХ

“ТРОПИК РАКА 9/6”

“Знаменательное событие в истории современного книгоиздания” - СЭМЮЭЛ БЕККЕТ

“Американская литература начинается и заканчивается тем, что сделал писатель”

ЛОУРЕНС ДАРРЕЛЛ

“Я искренне советую всем, кто еще этого не сделал , прочитать ”Тропик рака”

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ

СПЛЕТЕНИЕ 8/6

Из великой трилогии романов Миллера, основанной на его собственной жизни, “Розовое распятие”, первая книга, “Секс” еще не был опубликован в Великобритании. “Сплетение” - это вторая книга, но она сама по себе является законченным произведением искусства.

“Это огромный, порывистый, бурлящий поток книги…. Вам никогда, никогда не будет скучно, если только вам не наскучит сама жизнь” - OXFORD MAIL

КОНДИЦИОНИРОВАННЫЙ ВОЗДУХ КОШМАР 3/6

“Гений в плохом настроении” - вот как звучит Обозреватель описал это блестящее, пронзительно едкое нападение одного человека на нашу современную цивилизацию, основанную на машинах.